

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER – DECEMBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2023

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Александр Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Backès)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš)**, д.ф.н. профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju)**, PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti)**, д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová)**, PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov)**, к.ф.н. профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo)**, д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонара Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен (Mladen Uhlík)**, PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2023
© «Вестник Московского университета», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Пентковская Т.В., Шикина Е.В.</i> Петр Толстой и Савва Рагузинский как переводчики Петровской эпохи: языковые сходства и различия. Часть 1	9
<i>Николенкова Н.В.</i> Система имен в переводе «Атласа Блау» и рекомендации грамматик церковнославянского языка	19
<i>Антонова А.Н.</i> Динамика синтаксиса числовых сочетаний в летописных и деловых памятниках старорусской эпохи	30
<i>Зарипова Д.А., Лукашевич Н.В.</i> Подходы к автоматическому разрешению многозначности на основе неравномерности распределения значений слов в корпусе	40
<i>Малюга Е.Н., Будинчич В., Мадиян Е.И.</i> Коллоквиализмы как инструменты манипуляции в англоязычном дискурсе бизнес-медиа	52
<i>Манерко Л.А., Шаранкова А.А.</i> Концептуальные доминанты терминологии морали Джона Локка. Часть 2	69
<i>Патроева Н.В., Пашкова Т.В.</i> Система междометий в людиковском наречии карельского языка: опыт классификации	81
<i>Румянцева О.С.</i> Мотивы природы как средство номинации и характеристики Богородицы в произведениях польской литературы	93
<i>Юдахин А.А.</i> «Мертвый Христос» Гольбейна в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: христологический и антикатолический дискурсы	102
<i>Лочмелис Е.Р.</i> Повесть «Юлия» как один из этапов творческой эволюции Н.М. Карамзина	112
<i>Саморукова И.В., Ромашова В.В.</i> Модернистский художник в пространстве утопии: Ю. Олеша и Вен. Ерофеев	123
<i>Меркулова И.Г.</i> Образы литературной антиутопии с позиций семиотики культуры Лотмана	135

К 220-ЛЕТИЮ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

- Коровин В.Л.* Стихотворение Г.Р. Державина «Проблеск»: автобиография в свете евангельских заповедей блаженства 147
- Пастернак Е.А.* «Что ж! Стакан державина // Выпьем за...»: о Державине в русской поэзии 161

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И.С. ТУРГЕНЕВА

- Беляева И.А.* «Я задумал эту штуку в тяжелое время»: к вопросу о значении повести «Довольно» в творчестве И.С. Тургенева . . . 171

РЕЦЕНЗИИ

- Галактионова И.В.* Рец. на: Стексова Т.И., Шмелева Т.В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве: Монография. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с. . . 185
- Макеев М.С.* Рец. на: Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. / редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) и др. Т. 5: Сочинения, 1866–1873 / ред. тома И.А. Овчинина, В.В. Тихомиров; подгот. текста и коммент. Е.Н. Белякова, А.А. Виноградов, Н.Л. Ермолаева, К.Ю. Зубков, И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, 2022. С. 5–320 190
- Шешкен А.Г.* Рец. на: Вагапова Н.М. Три русских режиссера в Европе. Страницы непрочитанной истории русского театрального зарубежья: 1920–1960-е годы. М.: Государственный институт искусствознания, 2022. 379 с. 200
- Панова О.Ю.* Русские во Франции, американцы в России. Новые книги серии «ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты». Рецензия на книги: Строев А.Ф. Литературные судьбы русских писателей во Франции. М.: Литфакт, 2023. 320 с. Лапина Г.В. Американцы в Москве: 1930–1940. М.: Литфакт, 2022. 206 с. 206

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Лингарт А.А.* Ломоносовские чтения — 2023 на филологическом факультете Московского университета 212
- Указатель статей и материалов*, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» в 2023 г. . . 233

CONTENTS

ARTICLES

- Pentkovskaya T.V., Shikina E.V.* Piotr Tolstoy and Savva Raguzinsky as Translators of the Petrine Era: Language Similarities and Differences. Part 1 9
- Nikolenkova N.V.* The Name System in Translation of the Blau Atlas and the Recommendations of Church Slavonic Grammars 19
- Antonova A.* The Syntactic Dynamics of the Numeral Phrases in the Late Old Russian Chronicles and Notarial Acts 30
- Zaripova D.A., Loukachevitch N.V.* Approaches to Automatic Word Sense Disambiguation Based on Uneven Distribution of Word Senses in Corpus 40
- Malyuga E.N., Budinčić V., Madinyan E.I.* Colloquialisms as Manipulation Tools in English Business Media Discourse 52
- Manerko L.A., Sharapkova A.A.* Conceptual Dominants of John Locke's Moral Terminology. Part 2 69
- Patroeva N.V., Pashkova T.V.* The System of Interjections in the Ludik Dialect of the Karelian Language: A Classification Experience 81
- Rumyantseva O.S.* Motives of Nature as a Means of Nomination and Characteristics of the Mother of God in the Works of Polish Literature 93
- Yudakhin A.* Holbein's *Dead Christ* in F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*: Christological and Anti-Catholic Discourses 102
- Lochmelis E.* The Story *Julia* as One of Karamzin's Creative Evolution Stages 112
- Samorukova I.V., Romashova V.V.* Modernistic Creator in the Space of Utopia: Yu. Olesha and Ven. Erofeev 123
- Merkoulova I.G.* Images of Literary Dystopia from the Perspective of Lotman's Semiotics of Culture 135

ON THE OCCASION OF THE 220th ANNIVERSARY OF G.R. DERZHAVIN

Korovin V.L. G.R. Derzhavin's poem *Glimpse: An Autobiography* in the Light of the Gospel Beatitudes 147

Pasternak E.A. "Chto zh! Stakan derzha vina // Vyp'iem za...": About Derzhavin in Russian Poetry 161

ON THE OCCASION OF THE 140 YEARS SINCE I.S. TURGENEV'S DEATH

Belyaeva I. "I Conceived This Thing in a Hard Time": On the Question of the Significance of the Story *Enough* in the Works of I.S. Turgenev . . . 171

REVIEWS

Galaktionova I.V. Review of the Book: Steksova T.I., Shmeleva T.V. Russian Explanatory Sentence in the Discursive Space: Monograph. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2022. 288 p. 185

Makeev M. Review of the Book: Ostrovsky A.N. The complete collection of writings and letters: in 18 vols. / ed.: I.A. Ovchinina (chief editor) and others. Vol. 5: Works, 1866–1873 / Ed. volumes of I.A. Ovchinin, V.V. Tikhomirov; text prepared and commentary by E.N. Belyakova, A.A. Vinogradov, N.L. Ermolaeva, K.Y. Zubkov, I.A. Ovchinina. Kostroma: Kostromaizdat, 2022. 320 p. 190

Sheshken A. Review of the Book: Vagapova N.M. Three Russian Directors in Europe. Unread Pages in the History of Russian Émigré Theatre: 1920s–1960s. Moscow, Gosudarstvennyj institut iskusstvovznaniya, 2002. 379 p. 200

Panova O.Yu. Russians in France, Americans in Russia. New Books of the Scholarly Series *ROSSICA. Russia and the West. Literary Contacts & Connections. Alexandre Stroev. Destins littéraires des écrivains russes en France.* Moscow, Litfakt Publ., 2023. 320 p. *Galina Lapina.* Americans in Moscow, 1930–1940. Moscow, Litfakt, 2022. 206 p. . . . 206

ACADEMIC LIFE

Lipgart A. The 2023 Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology 212

Articles and Reports Published in Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology in 2023 233

СТАТЬИ

ПЕТР ТОЛСТОЙ И САВВА РАГУЗИНСКИЙ КАК ПЕРЕВОДЧИКИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ: ЯЗЫКОВЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ЧАСТЬ 1

Т.В. Пентковская, Е.В. Шикина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; slav_fil@mail.ru*

Аннотация: В работе рассматриваются языковые особенности переводов историографических сочинений, выполненных П.А. Толстым и Саввой Рагузинским с итальянского языка в первой четверти XVIII века. Это переводы трактата Поля Рико *The History of the Present State of the Ottoman Empire* и книги Мавро Орбини *Il regno degli slavi*. Анализируется сходство в употреблении определенных лексем и грамматических конструкций (фазисных глаголов, конструкций с местоимением *который* и повтором референта, субстантивированного инфинитива). Наличие общих языковых черт в рассматриваемых переводах обусловлено прежде всего тем, что они характерны для русско-церковнославянского языка Петровской эпохи в целом. Общность используемых двумя авторами конструкций возникает и в силу переводного характера рассмотренных текстов, и в силу их сходного статуса. На интенсивность употребления тех или иных конструкций в изданиях двух переводов влияет также направление редакторской правки при подготовке русских текстов к печати, которая выполнялась разными людьми в разное время. Обнаруженные различия (наличие/отсутствие калькирования определенных форм, специфического показателя эвиденциальности) относятся к уровню локальных языковых явлений. К анализу привлекаются оригинальные сочинения П.А. Толстого и перевод Корана с французского языка, напечатанный в 1716 г. в Санкт-Петербурге, который также может быть связан с именем Толстого. По рассмотренным параметрам переводы П.А. Толстого оказываются ближе к переводу Саввы Рагузинского, чем к его же собственным сочинениям.

Ключевые слова: Раннее Новое время; Петровская эпоха; Петр Толстой; Савва Рагузинский; русский литературный язык; переводы с итальянского языка; переводческая техника; грамматические конструкции

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-1

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 23-28-00314 «Языковая личность в Петровскую эпоху: П.А. Толстой как переводчик».

Для цитирования: *Пентковская Т.В., Шикина Е.В.* Петр Толстой и Савва Рагузинский как переводчики Петровской эпохи: языковые сходства и различия. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 9–18.

PIOTR TOLSTOY AND SAVVA RAGUZINSKY AS TRANSLATORS OF THE PETRINE ERA: LANGUAGE SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Tatiana V. Pentkovskaya, Ekaterina V. Shikina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; slav_fil@mail.ru

Abstract: The paper examines the linguistic features of the translations of historiographical works made by Piotr Tolstoy and Savva Raguzinsky from Italian in the first quarter of the 18th century. These are translations of Paul Ricaut's treatise *The History of the Modern State of the Ottoman Empire* and Mavro Orbini's book *Il regno degli slavi*. The similarity in the usage of certain lexemes and grammatical constructions (phasic verbs, constructions with the pronoun *kotoryi* and the repetition of the referent, the substantive infinitive) is analyzed. The presence of common linguistic features in the translations under consideration is primarily due to the fact that they are characteristic of the Russian-Church Slavonic language of the Peter the Great era as a whole. The commonality of the constructions used by the two authors arises both because of the translated nature of the texts considered, and because of their similar status. The intensity of the use of certain constructions in the editions of two translations is also influenced by the direction of editorial change during the preparation of Russian texts for printing, which was carried out by different people at different times. The detected linguistic differences (grammatical calques, a specific indicator of evidentiality) relate to the level of local linguistic phenomena. The analysis involves the original works of Piotr Tolstoy and the translation of the Quran from French, printed in 1716 in St. Petersburg, which may also be associated with the name of Tolstoy. According to the parameters considered, the translations of Piotr Tolstoy turn out to be closer to the translation of Savva Raguzinsky than to his own writings.

Keywords: Early Modern Times; Petrine Era; Piotr Tolstoy; Savva Raguzinsky; Russian literary language; translations from Italian; translation technique; grammatical constructions

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, project # 23-28-00314 *Linguistic Personality in the Petrine Era: Peter Tolstoy as a Translator*.

For citation: Pentkovskaya T.V., Shikina E.V. (2023) Piotr Tolstoy and Savva Raguzinsky as Translators of the Petrine Era: Language Similarities and Differences. Part 1. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 9–18.

В числе людей, входивших в круг дипломата Петровской эпохи П.А. Толстого, был сербский негодант Савва Рагузинский. Он стал тайным агентом русского посланника в Стамбуле. Из писем П.А. Толстого известно, что Савва Рагузинский-Владиславич помогал ему собирать различные сведения об Османской империи, в которых нуждалось русское правительство. В 1704 г. им составлена, в частности, «Выписка о турецком флоте» (РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 226–227 об.) [Зайцев, Орешкова 2006: 48]. Позднее Савва Рагузинский прибыл Москву и поселился в России, хотя турки требовали его выдачи, как и Д. Кантемира. С Толстым у Рагузинского сложились самые тесные дружеские связи [Пекарский 1862, I: 252; Павленко 1985: 134–136].

Не будучи профессиональными писателями, оба тем не менее оставили заметный след в русской книжности. П.А. Толстой владел латынью, вероятно, польским, во время своего первого пребывания в Европе прекрасно выучил итальянский язык. Так называемое «Описание Черного моря» 1706 г. обнаруживает знакомство П.А. Толстого с итальянскими сочинениями, описывающими Черное море и прилегающие земли [Зайцев, Орешкова 2006: 60–61]. Сам же Толстой писал об этой своей работе возглавлявшему Посольский приказ Ф.А. Головину: «Я сам посылал искусных людей снимать и описывать места» [Ольшевская, Травников 1992: 287], так что у «Описания» было несколько разных источников. С итальянского языка была переведена П.А. Толстым книга Поля Рико *The History of the Present State of the Ottoman Empire* под названием «Гистория управления настоящего империи Оттоманской». Этот перевод сохранился в двух списках XVIII в.: рукопись БАН, ф. 31.3.22, которая содержит запись с указанием имени переводчика, и рукопись БАН, ф. 34.5.28, которая содержит редакторскую правку. Перевод готовился к печати в 1724 году. Вычиткой текста занимался сын Толстого Иван. Однако напечатан он был только в 1741 году под названием «Монархия Турецкая», уже после смерти Толстого (в 1729 году). На этом этапе привлекалась польская версия сочинения, восходящая, как и итальянская, к французскому оригиналу [Николаев 1988: 164; Соколов 2023: 22].

С итальянского языка переводил и Савва Рагузинский. Один его перевод, «Советы премудрости, или собрание определений Соломоновых», остался в рукописи (РНБ, Q.I.409). В 1722 году в Санкт-Петербурге был опубликован еще один перевод под заглавием «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их цареи и владетелеи под многими именами, и со многими царствиями, королевствами, и провинциями. Собрана из многих книг исторических, чрез господина Мавроубина архиман-

дрита Рагужского...». Это перевод с итальянского языка книги священника Мавро Орбини *Il regno degli slavi hoggi corrotamente detti Schiavoni historia di don Mauro Orbini Rauseo...* 1601 года [Пекарский 1862, I: 253].

Имеется две рукописи XVIII в. данного перевода: РНБ, F.IV.97 (чистовая) и РНБ, F.IV.98 (черновая). Обе рукописи содержат только часть перевода (до с. 184 печатного текста) [Дель Агата 1990: 60].

Переводы «Гистории» и «Книги историографии» могут рассматриваться как часть программы Петра по переводу и изданию исторических произведений. Они появились в близкий временной интервал: предполагается, что Толстой работал над переводом «Гистории» во время своего пребывания в Османской империи (1702–1714 гг.), а по крайней мере первая часть перевода Рагузинского была закончена в 1714 г. [Дель Агата 1990: 58–59].

Перевод Саввы Рагузинского может быть охарактеризован как сокращающий, в то время как перевод П.А. Толстого близко следует оригиналу [Дель Агата 1990: 60; Соколов 2023: 21]. Кроме того, оба перевода претерпели редактуру: «Гистория», как уже отмечалось, редактировалась дважды (вероятно, в 1724 и 1741 гг.), «Книгу историографию» редактировал, возможно, Феофан Прокопович в 1716 г., а послесловие, напечатанное с отдельной пагинацией в русском издании Орбини, написал Феофилакт Лопатинский [Берков 1963: 17; Дель Агата 1990: 59].

Несмотря на указанные различия, принадлежность обоим переводам к одному идеологическому полю, близкое знакомство их авторов, сходный жанр, язык оригинала делают возможным сопоставление переводческой техники по ряду параметров, актуальных для языка Петровской эпохи в целом. К сопоставлению привлекается «Путешествие стольника Толстого по Европе», а также перевод Корана с французского оригинала Андре Дю Рие, напечатанный в Санкт-Петербурге в 1716 г. по повелению Петра. Согласно гипотезе, сформулированной Е.Э. Бабаевой, этот перевод выполнен П.А. Толстым [Пентковская, Бабаева 2022: 187–194].

Рассмотрим прежде всего явления, частично или практически полностью сходные в переводе «Гистории» и «Книги историографии».

1. Употребление глаголов с корнем -ча-/-чън-

Выбор фазового глагола, обозначающего начало действия, различается в оригинальных сочинениях Толстого и в переводе «Гистории». В «Путешествии» употребляется, как правило, глагол *почати*. Чаще всего это клишированное сочетание *почаль быти*: «На первом часу дня почал быть ветр мал; а на первом часу ночи ветр почел быть менши; с перваго часу дня почал быть самой малой ветр;

а с обеда почел быть ветер немалой; фортуна на море почала быть зело великая; а с полудня ветер почел быть мал; а с первого часа ночи почел ветер быть» (цит. по [Ольшевская, Травников 1992]). Частотности употребления данного сочетания способствует однотипность контекстов. Возможность сочетания *почати* с бытийным глаголом объясняется сохранением свойственной глаголам с корнем -ча/-чън- исконной семантики наступательности (переход от отсутствия ситуации к ее наличию) [Шевелева 2023: 66].

Кроме сочетания с глаголом *быти* возможны сочетания *почати* и с другими глаголами: «И, как я начал говорить канон чудотворцу Николаю, с того числа почала та фортуна малиться, и страху почало убавлятися; и мы увидев, что то карабль, а не тартана, и суть неприятельской, почели мы подаватися к Малту. А тот карабль почал за нами правитися и уганять нас, и гнался за нами 3 часа с лишком, перенимая нам дорогу к Малту; и почали мариеры гресть веслами» (цит. по [Ольшевская, Травников 1992]). Широкое употребление такого рода описательных конструкций с глаголом *начати/почати* в форме прошедшего времени, в том числе и с инфинитивом бытийного глагола, было характерно уже для древнерусских переводов домонгольского периода, прежде всего для Жития Андрея Юродивого [Пичхадзе 2011: 342–347]. Конструкция *поча(ль) быти*, которая является самой частотной в «Путешествии», часто встречается в летописях [Юрьева 2020: 381–382].

При этом древнерусскому узусу было свойственно преимущественное употребление глагола *почати*, а не *начати* [Юрьева 2010: 271; Пичхадзе 2011: 126, 140–141]. В новгородских берестяных грамотах именно *почати* используется в конструкции с инфинитивом (например, *поцьне продавати* в НБГ № 129, 1410–1420 гг.). В деловых грамотах, происходящих из зоны центра, также используется только *почати*. Глагол *почати* употреблялся в древнерусском языке в сложном будущем. Функциональное соотношение *начати* и *почати* в восточнославянских нарративных текстах позволило исследователям прийти к выводу о том, что глагол *начати* «воспринимался древнерусскими книжниками как нейтрально-письменный вариант» *почати*. В старорусский период, как и в древнерусский, в перифрастических конструкциях как в настоящем времени, так и в претерите в переводных и оригинальных житиях продолжает употребляться преимущественно *начати*. В высокие жанры *почати* не допускался [Юрьева 2020: 374, 375–376, 379].

Изучение сочетаемости обоих фазовых глаголов в древнерусский и старорусский период показало, что в триаде с глаголами речи *мълвити* — *глаголати* — *говорити* чаще всего сочетается с *почати* восточнославянский вариант *мълвити*. В противоположность ему,

у глаголати превалирует сочетаемость с *начати*, а *говорити* используется исключительно с *начати* [Юрьева 2020: 378]. Этому распределению, по всей видимости, подчиняется контекст из «Путешествия» «как я начал говорить канон чудотворцу Николаю...» [Юрьева 2020: 381–382].

Употребление глагола *почати*, а не *начати* в оригинальных сочинениях П.А. Толстого, весьма вероятно, связано не только с прямым продолжением древнерусского узуса, но скорее с ориентацией на западнорусское словоупотребление, которое в данном случае совпадает с польским (польск. *rozczątek* ‘начало’, *rozczynać*; укр. *початок* ‘начало’, ‘наступление’, *починати*; белор. *пачатак* ‘начало’, *пачынаць*).

Следует отметить, что в «Путешествии» зафиксировано несколько случаев употребления образований с приставкой *за-* и корнем *ча-/чън-*¹. В одном случае встречается сущ. *зачатие* ‘начало’. В трех случаях употреблено пассивное причастие прошедшего времени *зачат(а)*, причем в двух этих случаях оно сочетается с инфинитивом: «В Смоленску соборная церковь зачата строить новая, зело велика и висока, имеет на себе в высоту трои окна, из которых одни круглые. Кругом посадов город земляной, от реки Днепра зачат и паки к реке Днепру приведен. В тот день в том костеле многие римские причащались Тела Христова: иные пред зачатием обедни, иные при отпуске. Потом ис того дому пришел к церкви святого архидиякона Лаврентия, которая зачата делать тому 94 года» (цит. по [Ольшевская, Травников 1992]).

Подобные конструкции отмечены в словаре архангельских говоров²: «Сьтѣны зацяты стругать, обдѣлывать, да так и фсѣ. У меня межѣ зачатѣ косить. У нѣу зацят дѣм-от опшывѣть. У нѣх не зацятѣ косить. У меня не дѣрвано, у фсѣх зацятѣ рвать. Йещѣ не фсѣ зацятѣ полѣть. У йевѣ зацятѣ письмѣ писать к матери» [АОС, 21: 193]. Следовательно, их употребление у Толстого связано с отражением конструкций живого языка.

Иная ситуация представлена в переводах, предположительно или точно приписываемых П.А. Толстому. В печатном переводе Корана 1716 г. 56 раз встречается *начати* и другие однокоренные образования с приставкой *на-*, а *почати* зафиксировано дважды: «онъ заповѣда препятствовать подарокъ [в ркп. порядокъ] несущѣмъ въ меку, и кто беретъ ошеїникъ, да бы почали знать, что онъ знаетъ» (с. 70); «того ради убїите особлїво сїхъ, которые имбють отчужденїе

¹ <https://ruscorpورا.ru/results?search=CksqEAoICAEQChgyIAogAEAFEAyAggROgEBQjAKLgoYCghvcnRob21vZBIMCgpzaW1wbGlmaWVvkChIKA3JlclRILCgnQt9Cw0YfQsCowAQ==>. (дата обращения: 28.05.2023).

² Благодарим Е.А. Ковригину за указание данных примеров.

вѣры своя, и которые имѣли намѣреніе да бы изгнати пророка изъ мекки, и почали убивати васъ» (с. 106) (цит. по [Пентковская, Бабаева 2022]). Следует отметить, что в древне- и старорусских источниках, исследованных И.С. Юрьевой, глагол (*не*) *знати* относится к числу инфинитивов, которые употребляются только с *начати* [Юрьева 2020: 385].

В «Истории» фиксируется около двухсот употреблений лексем с приставкой *на-* и корнем *ча-/чън-*; образования с приставкой *по-* при этом корне отсутствуют. Круг инфинитивов весьма разнообразный, точное соответствие итальянскому оригиналу (а также польской версии) не всегда прослеживается: *началь приближатися* — *s'avvicinò — zblżył się*; *началь вѣрѣти* — *cominciò a credere — rozumiał*; *началь сказывати* — *haieua cominciato à raccontarle — miał powiedzieć* и пр. При этом здесь имеется три случая употребления лексем с тем же корнем и приставкой *за-*: кн. 1, гл. 3 «для доконченія ихъ славныхъ зачїнанїи»; кн. 1, гл. 21 «подало Туркамъ прїчину намѣренія учїнить съ нїмъ воїну и уже зачато было лѣта 1663»; кн. 2, гл. 9 «како манера съ которою душа словесная [которая равна во всѣхъ чловѣцехъ] могла зачати едїну толїкую разность вѣрь»³. Такая картина соответствует ее статусу переводного нарративного текста.

Соотношение основ *нача-* и *зача-* в «Истории» примерно такое же, как соотношение *поча-* и *зача-* в «Путешествии»: образования с приставкой *за-* допускаются, но находятся на периферии употребления.

У Рагузинского образование с приставкой *по-* находим только два раза в заголовке: «Книга историография **початїя** имене, славы и расширения народа славянского, и их цареи и владетелеи под многими именами, и со многими царствїями, королевствами, и провинциами. Собрана из многих книг исторических, чрез господина Мавроубина архимандрита Рагужского. В которой описуется **початїе**, и дела всех народов, бывших языка славенскаго, и единого отечества...» — «Il Regno de gli Slavi, hoggi corrottamente detti Schiavoni / historia di don Mauro Orbini Rauseo abbate melitense, nella quale si vede l'origine ne quasi di tutti i popoli, che furono della lingua slava, con molte e varie guerre che fecero in Europa, Asia, et Africa, il progresso dell'imperio loro, l'antico culto et il tempo della loro conversione al christianismo e in particolare veggonsi i successi de're, che anticamente dominarono in Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Russia et Bulgaria».

³ В переводе Корана фиксируется только *зачатїе* в его современном значении: «господи даждь ми какои нїбудь знакъ, о зачатїи младенца во утробѣ жены моя» (с. 172). В фазисном значении в печатном тексте Корана образований с приставкой *за-* и корнем *ча-/чън-* не обнаружено.

Примечательно, что, за исключением двух употреблений суш. *початие* (второе употребление соответствует итал. *l'origine*)⁴ в заголовке, других производных от корня ча-/чън- с приставкой по-, прежде всего глаголов, в переводе Рагузинского мы не находим. Здесь преобладает глагол *начати*, в том числе и в сочетании с инфинитивом (например, *началь завладѣтельствовати — comincid conquistare; началь называтися — si fece chiamar; началь гонѣти — без точного соответствия; начали бѣжати — fuggiua*). Один раз встречается *зачати* в сочетании с инфинитивом: *зачаль служѣти обѣдню — si pose à dire la messa* (с. 53).

Таким образом, распределение приставок на-/по-/за- при корне ча-/чън- в переводах Толстого и Рагузинского очень сходно: абсолютно преобладает вариант *начати*, что свойственно переводным текстам. Однако по этому параметру принципиально различаются оригинальные сочинения Толстого и его переводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский областной словарь (АОС). Т. 21. М., 2020. 400 с.
2. Берков П.Н. Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII–XX вв. // Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы. М.; Л., 1963. С. 5–39.
3. Делль Агата Джузенне. Русский перевод «Царства славян» Мауро Орбини // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 58–69.
4. Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / Сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006. 304 с.
5. Николаев С.И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи. Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.
6. Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого по Европе 1697–1699 / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1992. 382 с.
7. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. 332 с.
8. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. 602 с.
9. Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. 408 с.
10. Соколов А.И. «Монархия турецкая» Поля Рико: роль польского перевода в работе справщиков над русской версией трактата // Тезисы Международной научной конференции «XXXV чтения памяти Ю.С. Сорокина и Л.Л. Кутиной (к 110-летию со дня рождения Ю.С. Сорокина)» / Институт лингвистических исследований Российской академии наук. СПб., 2023. С. 21–22.
11. Шевелева М.Н. Семантика начинательности глаголов с корнем -ча-/чън- в истории русского языка и проблема грамматикализации сложного будущего вре-

⁴ Старшая словарная фиксация этого слова в значении 'начало, исходный момент чего-либо' относится к 1200 г. (Устав монастырский) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 18: 65; Срз. II: 1324]. У Толстого в «Истории» встречается только *начатие*: «и приуготовѣть припасы потребные для начатїя и продолженїя войны» (кн.1, гл. 22).

мени // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1. С. 66–95. doi.org/10.31912/rjano-2023.1.3

12. Юрвева И.С. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом начати // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2. С. 270–286.
13. Юрвева И.С. Есть ли разница между *начати* и *почати* в перифрастических конструкциях? // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 1. С. 373–393.

REFERENCES

1. Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' (AOS) [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 21. Moscow: Publishing House of Moscow University, 2020, 400 p. (In Russ.)
2. Berkov P.N. Russkaya literatura XVIII v. i drugiye slavyanskiye literatury XVIII–XX vv. [Russian literature of the 18th century and other Slavic writers of the 18th–20th centuries]. *Russkaya literatura XVIII veka i slavyanskiye literatury. Issledovaniya i materialy*. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963, pp. 5–39. (In Russ.)
3. Dell'Agata Giuseppe. Russkiy perevod «Tsarstva slavyan» Mauro Orbini [Russian translation of “Il regno degli slavi” by Mauro Orbini]. *Sovetskoye slavyanovedeniye*, 1990, 5, pp. 58–69. (In Russ.)
4. P.A. Tolstoy. *Opisaniye Chernogo morya, Egeyskogo arhipelaga i osmanskogo flota* [Description of the Black Sea, the Aegean Archipelago and the Ottoman Fleet]. Comp. by I.V. Zaitsev, S.F. Oreshkova. Moscow: Natalis, 2006, 304 p. (In Russ.)
5. Nikolaev S.I. Ob atributsii perevodnykh pamyatnikov Petrovskoy epokhi [On the attribution of translated monuments of the Peter the Great era]. *Russkaya literatura*. 1988, 1, pp. 162–172. (In Russ.)
6. *Puteshestviye stol'nika Petra Andreyevicha Tolstogo po Yevrope 1697–1699* [The journey of stolnik Pyotr Andreevich Tolstoy in Europe 1697–1699]. Ed. by L.A. Olshevs-kaya, S.N. Travnikov. Moscow: Nauka, 1992, 382 p. (In Russ.)
7. Pavlenko N.I. *Ptentsy gnezda Petrova* [Nestlings of Petrov's nest]. Moscow: Mysl', 1985, 332 p. (In Russ.)
8. Pekarsky P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and literature in Russia under Peter the Great]. Vol. I. St. Petersburg: Publication of the Partnership “Public Benefit”, 1862. 602 p. (In Russ.)
9. Pichkhadze A.A. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt* [Translation activity in Pre-Mongol Russia: linguistic aspect]. Moscow: “Handwritten monuments of Ancient Russia”, 2011, 408 p. (In Russ.)
10. Sokolov A.I. «Monarkhiya turetskaya» Polya Riko: rol' pol'skogo perevoda v rabote spravshchikov nad russkoy versiyey traktata [“The Turkish Monarchy” by Paul Ricaut: the role of the Polish translation in the work of the revisers on the Russian version of the treatise]. *Abstracts of the International Scientific Conference “XXXV readings in memory of Yu.S. Sorokin and L.L. Kutina (to the 110th anniversary of the birth of Yu.S. Sorokin)*. St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 21–22. (In Russ.)
11. Sheveleva M.N. Semantika nachinatel'nosti glagolov s kornem *-cha/-ch'n-* v istorii russkogo yazyka i problema grammatikalizatsii slozhnogo budushchego vremeni [Semantics of beginning of the verbs with the root *-ča-/čbn* in the history of Russian and the problem of complex future tense grammaticalization]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2023, 1, pp. 66–95. (In Russ.). doi.org/10.31912/rjano-2023.1.3

12. Yurieva I.S. Osobennosti drevnerusskikh infinitivnykh sochetanii s glagolom *nachati* [The peculiar properties of Old Russian infinitive combinations with the verb *nachati*]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2010, 2, pp. 270–286. (In Russ.)
13. Yurieva I.S. Yest' li raznitsa mezhdru *nachati* i *pochati* v perifrasticheskikh konstruktsiyakh? [Is there a difference between *nachati* and *pochati* in periphrastic constructions?] *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2020, 1, pp. 373–393. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.06.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 03.11.2023

Received 13.06.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 03.11.2023

ОБ АВТОРАХ

Пентковская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; slav_fil@mail.ru

Шикина Екатерина Валерьевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; katheryneshikina@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Pentkovskaya — Prof. Dr., Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; slav_fil@mail.ru

Ekaterina V. Shikina — PhD student, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; katheryneshikina@gmail.com

СИСТЕМА ИМЕН В ПЕРЕВОДЕ «АТЛАСА БЛАУ» И РЕКОМЕНДАЦИИ ГРАММАТИК ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Николенкова

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия; natanik2004@mail.ru*

Аннотация: В статье описывается склонение существительных в переводном сочинении середины XVII века, известном как «Атлас Блау». Данный текст был переведен с латинского языка в Москве в конце 50-х — начале 60-х гг. XVII в. киевскими книжниками во главе с Епифанием Славинецким и переписан московскими писцами. Перевод осуществлен после выхода в свет московского издания грамматики Смотрицкого и во многом ориентирован на него. В статье показано, что и сами переводчики, и переписчики текста владели нормами грамматики, пользовались ей при работе над текстом и в большинстве случаев стремились точно соблюдать прописанные правила. Система склонения существительных, представленная в московском издании грамматики, отличается от грамматических сочинений, изданных в Юго-Западной Руси, с которыми киевские книжники были знакомы. В осуществленном в Москве переводе образованные киевские переводчики учитывали расхождения между сочинениями и ориентировались на московские нормы; помимо этого, они вносили свои представления о грамматической вариативности, выстраивали собственную систему склонения. В статье будут рассмотрены парадигмы, отражающие ориентацию на московскую грамматику 1648 г.; далее будет продемонстрировано, как киевские книжники выстраивают свою систему противопоставления одних парадигм другим, стремясь к устранению заложенной в грамматике вариативности. В конце рассмотрено существенное расхождение черновиков и беловых вариантов, также отражающее разную степень ориентации на московскую грамматику. Подход переводчиков к тексту, по нашему мнению, позволяет относить созданный ими текст к ученому регистру церковнославянского языка, формирующемуся как раз в середине XVII в.

Ключевые слова: церковнославянский язык XVII в.; ученый регистр; грамматика церковнославянского языка; склонение существительных

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-2

Для цитирования: Николенкова Н.В. Система имен в переводе «Атласа Блау» и рекомендации грамматик церковнославянского языка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 19–29.

THE NAME SYSTEM IN TRANSLATION OF THE *BLAU ATLAS* AND THE RECOMMENDATIONS OF CHURCH SLAVONIC GRAMMARS

N.V. Nikolenkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; natanik2004@mail.ru

Abstract: The article describes the declension of nouns in a translated work of the middle of the 17th century, known as the *Blau Atlas*. This text was translated from Latin in Moscow in the late 50s — early 60s of the 17th century by Kiev scribes led by Epiphanius Slavintsky and rewritten by Moscow scribes. The translation was carried out after the publication of the Moscow edition of Smotrytsky's grammar and was largely focused on it. The article shows that both the translators themselves and the scribes of the text knew the norms of grammar, used it when working on the text and in most cases sought to strictly observe the prescribed rules. The system of declension of nouns, presented in the Moscow edition of grammar, differs from the grammatical works published in Southwestern Russia, with which the Kiev scribes were familiar. In the translation carried out in Moscow, educated Kiev translators took into account the discrepancies between the works and were guided by Moscow norms; in addition, they introduced their ideas about grammatical variation, built their own declension system. The article will consider paradigms that reflect the orientation towards the Moscow grammar of 1648; further on, it will be demonstrated how the Kievan scribes build their own system of opposing one paradigm to another, striving to eliminate the variability inherent in the grammar. At the end, a significant discrepancy between drafts and final versions is considered, which also reflects a different degree of orientation towards Moscow grammar. The approach of translators to the text, in our opinion, can attribute the text created by them to the scientific register of the Church Slavonic language, formed just in the middle of the 17th century.

Keywords: Church Slavonic language of the 17th century; scientific register; grammar of the Church Slavonic language; declension of nouns

For citation: Nikolenkova N.V. (2023) The Name System in Translation of the *Blau Atlas* and the Recommendations of Church Slavonic Grammars. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 19–29.

Во второй половине XVII в. церковнославянский язык усложняется, возникает новый его регистр, названный В.М. Живовым ученым церковнославянским [Живов 2017: 874–887]. Особенностью данного регистра будет формирование грамматического подхода к книжному тексту, появление требования к грамматически исправному переводу. Такой подход оказывается «доступен лишь ограниченной группе книжников, тогда как большинство занимающихся книжной деятельностью, видимо, вообще не знакомо с грамматическими трактатами» [Там же: 879]. Возникает новый

подход к книжному тексту — его «реформирование превращается в ученую разработку» [Там же: 881], которая актуализирует значение нормативной регламентации книжного языка — в первую очередь в сфере признаков книжности [Там же: 882]. Живов иллюстрирует свои положения ссылкой на систему прошедших времен, которая представлена в грамматике Смотрицкого (приводится в качестве примера издание 1619 г. [Там же: 883]).

В своей монографии В.М. Живов не приводит примеров сочинений или переводов XVII в., которые могут служить образцом учебного церковнославянского языка. Однако такой пример намного ранее приводил А.И. Соболевский — в начале XX в. он назвал ученым церковнославянским язык перевода голландского географического сочинения *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus* [Соболевский 1903: 52–63], выполненный в Москве в конце 50-х — начале 60-х гг. XVII в. Епифанием Славинецким (I том, большая часть Европы), Арсением Сатановским (II том, фрагменты Европы и отдельные части Азии и Америки) и Исайей Чудовским (остальные части — описание Италии и Англии)¹. Беловики делали московские писцы, причем первые две части практически полностью переписаны одним, очевидно чрезвычайно грамотным писцом, знающим и умеющим соблюдать в первую очередь орфографические нормы. Киевские книжники в процессе перевода не меняли привычные им орфографические нормы и следовали югозападнорусским грамматикам Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Орфографические каноны этих сочинений были скорректированы при подготовке к печати в Москве грамматика 1648 г. (далее ГМ); в своей работе с беловиками Атласа Блау московский писец исправлял киевские орфографические нормы на привычные и кодифицированные московские, что было характерно для многих текстов данного периода [Николенкова, 2016; Николенкова 2019].

Правильный путь создания текстов ученого регистра церковнославянского языка состоит в последовательном овладении разными уровнями грамматического учения [Живов 2017: 879]. Вероятнее всего, овладение правописными московскими нормами не было главной задачей Славинецкого и его товарищей, так как исправления могли делать и сами московские писцы. Другое дело — грамматический уровень, следование кодифицированным в ГМ парадигмам знаменательных частей речи и принципам согласования их между собой. Киевским книжникам грамматические описания были в большей степени известны и понятны, чем московским, в связи с чем, как мы полагаем, Славинецкий и его товарищи внимательно

¹ Переводу сочинения посвящен ряд статей Н.В. Николенковой.

изучили грамматические предписания ГМ и использовали их при создании перевода. В настоящей работе мы покажем, как реализованы киевскими книжниками кодифицированные ГМ предписания о словоизменении существительных.

Московские издатели ГМ внесли в раздел «Об имени» целый ряд исправлений [Кузьмина 2007: 555–573]. Эти исправления существенно меняют парадигмы первого издания грамматики Смотрицкого (далее ГС) — из 54 именных парадигм полное совпадение обнаруживается только в пяти парадигмах, причем все они относятся к а-склонению (первому в грамматике) [Там же: 558], в остальных парадигмах Михаилом Роговым и Иваном Наседкой проведена корректировка системы грамматических норм в соответствии с их книжно-языковой практикой [Там же: 559]. Проанализировав характер словоформ именного склонения, представленных в переводе Атласа Блау², мы можем говорить о знании переводчиками системы существительных, кодифицированной в ГМ, и об ориентации их на это издание.

Как ГС, так и ГМ предписывает для существительных с основой на заднеязычные согласные сохранять в ряде форм чередования (в парадигмах *дрогъть*, *пророкъть*, *грѣхъ* это сказ. п. ед. и мн. ч., им. мн., зв. формы [ГМ: 109–110об.; Кузьмина 2000: 190–192]; в парадигмах *влага*, *рѣка* это формы дат.-сказ. ед. ч. и им.-вин. дв. ч. [ГМ: 96об.–97об.; Кузьмина 2000: 174–175]; при этом для парадигмы *сноха* выявлены расхождения: в ГМ чередование предусмотрено только в им.-вин. дв. [ГМ: 97об.–98], тогда как ГС рекомендует чередование х/с и в дат.-сказ. ед. ч.). Е.А. Кузьмина связывает решение московских редакторов изменить характер кодификации с лексической мотивацией: слово «сноха» не является принадлежностью книжного языка, исключение составляют формы дв. ч. [Кузьмина 2007: 566].

Переводчики Атласа Блау Славинецкий и его товарищи стараются выдерживать все рекомендованные чередования, например в дат. ед.: *кѣлѣрѣцѣ* (9), в сказ. ед.: *на верѣцѣ* (2об.), *на вѣрѣцѣ* (19), *въ вѣтѣцѣмъ*³ *крѣцѣ* (21), *въ Хронѣцѣ* (27), *въ Лѣвѣрѣцѣ*, *въ Вѣвѣрѣцѣ* (30об.), *въ книзѣ* (39об.), *въ градѣхъ* (50), *при рѣцѣ* (187об.), *въ Ставроствѣ* (185)⁴, *въ Фрѣдерѣцѣ Барбаросѣ* (186об.); им. мн.: *мъзици* (22об.), *Свѣтлѣтици* (29об.), *художници обрѣтаются*, или *Хрѣстіанствѣ* *плѣнници* (50об.), *населници* (104); сказ. мн.: *въ верѣхъ* (77), *при*

² Нами проанализированы черновики и беловики I–III томов. В данной статье привлечены материалы из I тома: автограф Епифанія Славинецкаго (ГИМ, Син. 779) и беловик этого же тома (ГИМ, Син. 19; примеры приводятся по данной рукописи с указанием листа; частично в примерах снимается акцентуация).

³ Окончание и чередование соответствует парадигме прилагательного [ГМ: 135].

⁴ В латинском оригинале: in Staurosticho (6a).

стѡцѣхъ (187об.). Отступления бывают (объем перевода 1729 листов), причем в ряде случаев отказ от чередования можно объяснить. К примеру, в им. п. мн. ч. **Антеки, Перієки** (5) или **стихи** (185) авторам важно сохранить без изменений малоизвестное читателям слово⁵, в сказ. ед. на **Цкѣ плоски** (6об.) чередование отсутствует по лексическим и фонетическим причинам; отступления допускаются для топонимов женского рода: **вБергѣ** (27), вероятно для разграничений с муж. р. Вариативность в оформлении им. п. мн. ч. имеет сущ. **греки/грековѣ**, что скорее свидетельствует о неуверенности переводчиков в отнесении лексемы к определенной парадигме. Таким образом, можно говорить о понимании киевскими книжниками причин, по которой книжник может отступить от грамматической рекомендации.

Расхождение в кодифицированных ГС и ГМ парадигмах представляют формы тв. ед. м. р. и дат. мн. м. р. В ГС противопоставление обеспечивалось за счет использования графем **ѡ** и **ѣ** как универсальных показателей множественности: **клевретѡ^М/клевретѣ^М**; **гармомѣ^М/гармомѣ^М**; **чванцеѣ^М/чванцеѣ^М** [Кузьмина 2000: 185–193]. Рогов и Наседка вводили противопоставление данных падежных форм посредством **ь** — **ѣ** (**о/ѣмь** в тв. ед. и **о/ѡ/ѣмь** в дат. мн. [Кузьмина 2007: 566–567]), где форма дат. мн. имела дополнительное графико-орфографическое отличие — использование **ѡ/ѣ** как показателя множественности. Е.А. Кузьмина полагает, что орфографическая дифференциация графемами **ь/ѣ** для иосифовских справщиков является более привычной, традиционной [Там же: 567]⁶. Однако исследования С.М. Кусмауль демонстрируют, что стремление к выбору **ѡ** как показателя рл.-форм начинается в русской печатной традиции еще в 20–30-х гг. XVII в. [Кусмауль 2018: 82]; причем осознанный характер тенденции наиболее ярко выявляется при правке — подготовке изданий к печати [Там же: 86]. Печатные издания 40-х гг. сохраняют противопоставление графем **о** и **ѡ** как показателя sg. или рл.-форм существительных только по принципу антистиха [Там же: 157, 162]. Однако правка в печатных изданиях может опережать рукописную традицию.

Проанализированный материал Атласа говорит о том, что противопоставление конечных **ь** — **ѣ** не было привычным для книжников. Отмеченные нами примеры употребления сущ. м. р. в тв. ед.

⁵ Еще одна лексема, в парадигме которой отсутствуют кодифицированные ГМ чередования, — **пирга** (башня). Грецизм часто употребляется Епифанием Славинским, в том числе вводится им в перевод Нового Завета. Причиной отсутствия форм ***пирзи**, вне всякого сомнения, связана с новизной грецизма для читателей.

⁶ При этом в тексте ГМ присутствуют и неисправленные окончания тв. ед. с -ѣ: **гармомѣ, отцеѣмь, домомѣ, дроугѣ дроугомѣ** [ГМ: 107, 113, 122, 125].

дают только окончание -омъ: **западнымъ вѣтромъ** (19), **ближнимъ морскимъ островомъ повелителствоваше** (26об.), **ледомъ сгѣстѣвается** (27), **дерномъ зеленымъ** (29); **ѣстоитъ острогомъ неповѣдимымъ** (40об.), **Понтомъ окръжается** (50); **междѣ источникомъ Вислы, иградомъ Московски**^М (64), **соборомъ славенъ** (64об.) и под. Кроме того, в рукописных источниках того же периода, где ориентация на грамматическую традицию подчеркивается регулярными правками текста именно в соответствии с грамматическими нормами, мы также отмечаем -омъ в тв. ед. К примеру, при рукописном исправлении киевского издания «Поучения» Агапита (до 1660 г., когда «Поучение» было издано на Московском Печатном дворе) писец не заменял указанные формы: **съ всакимъ опаствомъ** [Николенкова 2019: 108]. В «Житии Федора Ртищева» середины XVII в. (рукопись ГИМ Син. 716) представлены такие формы тв. ед.: **гнѣвомъ**, **сѣдомъ**⁷ и др. В рукописи второй половины XVII века, содержащей перевод Епифания Славинецкого «Гражданство обычаев детских» (РГБ, МДА № 108), также зафиксированы формы тв. ед. на -омъ: **лзыкомъ лизати**, **платомъ оуста закрыти**⁸ и под.

В формах мн. ч. у сущ. м. р. в Атласе Блау мы отмечаем регулярное употребление **w/e** в дат. мн.: **Скиѣланымъ** (50), **населникымъ** (64об.), **противѣ сосѣдымъ оунгарымъ** (79об.); **Россинскимъ кѣпцемъ** (40об.), **кнѣземъ** и под.⁹ Анализ других форм в парадигмах мн. ч. демонстрирует, что основной писец первых томов придерживается орфографических канонов ГМ и использует **w** и **e** как универсальный показатель множественности и в других падежных формах¹⁰. Так, в форме род. мн. м. р. ГМ допускает вариативность — **грѣхувъ/грѣхъ**, **прорѣкъ**, **древъ** [ГМ: 108, 110–110об.], в род. мн. ж. р. происходит мена гласной — **воевудъ**, **снѣхъ**, **мрежъ** [Там же: 95, 98–98об.]. В беловиках Атласа Блау регулярно отмечаем: **разбойникѣвъ**, **неимѣтъ** (27), **кѣпцевъ сѣдалище** (27об.), **велблюдѣвъ множество** (50), **образцевъ оупотребляють** (50об.), **волѣвъ великихъ** (64об.), **всѣхъ островѣвъ** и **Херсонисѣвъ** (103об.); **гѣръ**, **кѣзъ**, **велмѣжъ**, **вѣдъ** (passim) и т. д. Все случаи отступления можно объяснить лексическими причинами — писцу беловиков могли быть неизвестны некоторые употребленные переводчиками слова. Так, в главе

⁷ Формы зафиксированы студенткой 4-го курса П.А. Сапуновой (с/с Н.В. Николенковой).

⁸ Исследование текста сочинения проводилось в с/с Н.В. Николенковой и отражено в дипломной работе Н.В. Пресновой (2019 г.).

⁹ Те же окончания зафиксированы в упомянутых выше рукописях «Жития Федора Ртищева» (**рабѣмъ**, **инѣкѣмъ**) и «Гражданства обычаев детских» (**началникѣмъ** и **перѣмъ честь вѣдати**).

¹⁰ Писец беловиков регулярно правит черновики киевских книжников в случае несоблюдения ими этого канона [Николенкова 2016: 12].

«Поль Арктицкіи» читаем: **изъщнѣишихъ Авторовъ въроу истиннѣ разꙋмѣнїа покрѣпляютъ** (18об.). Словарь XVII в. фиксирует лишь одно употребление лексемы [Сл XI–XVII: 20], редко используют его наши переводчики, предпочитая «творец».

Другой особенностью род. п. мн. ч. будет распределение по разным типам склонения окончаний **-ей** и **-ій**. ГМ предлагает вариативность в парадигмах третьего и четвертого склонений: **заповедій/ей, матерій/ей** и **пастырей/ь, матежей/ь** [ГМ: 120об. — 124], а также для парадигм **лодіа, сѣдіа** (ж. р. и общ. р. [Там же: 102–103]). Окончание **-ій** кодифицировано также для сущ. м. р. на **-іа** (**захарїа**), а также слов ср.р. на **-іє** (**знаменїє**) [Там же: 101об., 130]. Переводчики Атласа отказываются от такого подхода и самостоятельно устанавливают модель использования флексии **-и** для ср. р. и ж. р. на **-іа**: **писанїи** (24об.), **зданїи, тѣпографїи** (25), **верхоградїи** (27), **орꙋжїи** (51), а **-ей** используется для слов ж. р. и м. р., которые в им. п. ед. ч. имеют нулевое окончание: **кораблен, частен** (25), **звѣрен** (26), **вещен** (30), **ржен, еленен** (50), **конен** (51), **мꙋжен** (142об.) и т. д. Такое распределение окончаний не зафиксировано и в ГС, то есть является тем самым актом «моделирования» языковой системы, ее «ученой разработки», о которой писал В.М. Живов как о признаке ученого регистра церковнославянского языка [Живов 2017: 881, 883].

В отношении других падежных форм мн. ч. текст Атласа Блау демонстрирует различные подходы. Например, Епифаний Славинецкий, его товарищи и московские переписчики текста не допускают отклонения в формах им. п. мн. ч. сущ. м. р. на **-инъ** (названия народов), где и ГС, и ГМ рекомендуют флексию **-є**: **Хрістіанє, Москванє, Лївонанє, Американє, Дананє**; регулярно употребляется форма **гражданє, заморанє**. Точное знание правильной формы подчеркивается в данном случае еще и тем, что в тексте регулярны случаи двойной номинации: **Норвеганє, иже такожде Нортманни** (26об). Грамматически корректно употребляется форма **словеса** (passim), встречается форма **древеса** (25, 142об.), хотя ГС и ГМ рекомендуют форму **древа** [Кузьминова 2000: 188; ГМ: 108об.]. Шире, чем рекомендовано в ГМ, используют книжники представленную только для парадигмы **сынъ** [ГМ: 113об.] форму на **-ове**; при этом может быть использована графема **w** как универсальный показатель множественности: **градѡве/ градове, волове, Грекове** (passim), **Гꙋннове** (66об.).

В тв. п. мн. ч. м. и ср. р. ГМ предлагает варианты окончаний **-ы/-ами** (**ївнами/ы, клеветами/ы, гарамами/ы, древами/ы** и др. [Там же: 94, 105об., 106об., 108об.]). Епифаний Славинецкий и его товарищи отдают предпочтение архаичному окончанию **-ы/и**, входящему для московского варианта церковнославянского языка в систему маркеро-книжности [Живов 2004: 46]: **нашествїи своими оꙋдрꙋчиша**

(26об.), **овилѣтъ страна говяды и звѣри** (27), **четыре составлется еписквы** (27), **Норвегскими престателствы** (28об.), **тѣсными предѣлы** (64), **оружии и богатствы наипаче силна** (66), **седми поприщи Германскими** (103об.) и т. д. Однако для слов обыденного языка, причем в книжных контекстах, где описывается природа стран, климат, богатства флоры и фауны, переводчики вполне могут выбрать окончание **-ами**: **хладами оужасна** (24об.), **кораблами** (26), **дернами из нивы ископанными** (27), **лѣсами, полами, гаами, рѣками, кзерами и рѣдами** (64об.–65), **поромами рѣка перевозима** (80об.) и др. В редких случаях данная флексия присоединяется к книжным лексемам: **греческими и нашими прославенна стіхамн** (25, лексема «стих» в значении 'стихотворное произведение' редко встречается в церковнославянском языке [СлРЯ XI–XVII, 2008: 66]); **пиргами оутверждаетса** (142об.) и т. д.

В отношении форм сказ. п. мн. ч. м. р. ГМ также предлагает некоторую вариативность: для части существительных рекомендуется **-еухъ** (**отець** [ГМ: 111об.]), для других **-ѣухъ** (**грѣухъ** [Там же: 110об.]), есть оба варианта флексии (**пророкъ** [Там же: 110]); в сказ. п. мн. ч. ср. р. есть также вариант **-аухъ** (**сердце** [Там же: 112об.]). Нет единообразия и в Атласе Блау — в одной главе можно встретить разные окончания, к примеру: **по временехъ, на снухъ мѣстахъ, въ памлтеухъ, всовбраухъ** (80–81); при этом найти критерии употребления того или иного окончания не представляется возможным.

Наибольший интерес представляют формы существительных на **-ia** — названия стран, городов, рек и других географических объектов, в подавляющем большинстве представляющие слова sg.t.: **Исландіа, Норвегіа, Швекіа, Даніа, Литваніа, Рѣссіа** (названия стран); **Новоградіа** (64об.; в латинском оригинале *Novogardia*, 31b); **Кіевіа, Варсавіа; Подоліа, Подласіа, Массовіа** (названия городов и областей, хотя редко отмечаются варианты **Волоніа** (все примеры из главы **Полоніа**)); **Мархіа** (река, л. 79об., глава **Аустріа**). Другая группа слов, относящаяся к этой парадигме, — термины (**Астрономіа, Географіа, Зодіа**), широко представленные во Вводжении в Космографию. При описании этих примеров мы должны в первую очередь отметить, что между черновыми и беловыми экземплярами регулярно наблюдаются различия в акцентуации, причем именно в косвенных падежах. Формы им. п. в черновых экземплярах регулярно представляют собой названия глав и прописываются без постановки акцентных знаков.

В беловиках надстрочные знаки проставляются и в этих случаях: **Даніа, Полоніа** и т. д. При употреблении в косвенных падежах наиболее грамотный из московских писцов (автор беловика Син. 19

и большей части Син. 112) не изменяет места постановки ударения¹¹, благодаря чему в беловиках отмечается следующая парадигма: род. п.: **Ѡ Пернавіи Лівонскагѡ града** (64); **Італіи протнвоположна** (67об.); дат. п.: **Полоніи и Літваніи прѣстателствѣ Владисла** (22); вин. п.: **Вреттанію, и Гибѣрнію правитѣ Карол Іакѡва Стѣрта сынѣ** (21об.); тв. п.: **междѣ Лівонією, и Борѣссією положенно** (65); сказ. п.: **вѣ Гелвѣтін веси нѣкіа сѣть каѡлоліческіа** (22); **вѣ вышшой Австрін** (79об.). Вариативность нами отмечена незначительная: так, в в. п. ед. ч. встречаются варианты **Агглію/Леодіѣ** (26об.) с преобладанием грамматически корректной формы на **-ію**.

Окончания в указанных формах соответствуют приведенной в ГМ парадигме лексемы **лодіа** [ГМ: 102], однако не совпадают с последней в акцентуации — большая часть парадигмы имеет ударение на конечном звуке (**лодіа̀, лодіѝ, лодію̀** [Там же]), что не совпадает с представленной в ГС: **лодіа, лодіа** [Кузьминова 02000: 180], где справщики ГМ заменяют окончание в форме род. п. на **-и**. Обращение к черновикам показывает, что киевские книжники строго следуют данной в ГМ парадигме и в отношении расстановки акцентных знаков: **верхѣ Македоніи, Месіи радѣленіе** (Син. 779, автограф Славинецкого, л. 110) и т. д. Сталкиваясь с формой, по-новому кодифицированной московскими составителями грамматики, образованные киевские книжники старались соблюдать введенное в грамматику правило.

Московские авторы чистовых экземпляров соблюдали, по-видимому, нормы московского произношения, не меняя привычного ударения. На это указывает метаязык ГМ, где отмечаются формы **орѡграфіи, просвѣди** и под., в которых место ударения в именительном и косвенных падежах неизменно [Кузьминова 2007: 562–563]. Названия городов и стран были мало известны московским книжникам, однако их практика подсказывала не переносить ударение. Отметим, что в беловых экземплярах Атласа можно встретить немало примеров существительных, акцентуация которых совпадает с московским вариантом: **Блгостына**, к примеру.

Частотность в географическом сочинении топонимов различного типа требует сделать и еще одно замечание. Именно в этом тексте, вероятно, впервые в московской книжной традиции, мы встречаемся с существительными несклоняемыми. Перечисляя названия городов, авторы дают транслитерацию латинского оригинала: **Опсло, Бакалао, Ансло, Фрерісктее** и подобные. Ни киевские, ни московские книжники не ставят задачу соотнести такие топонимы с типом

¹¹ Писцы, работающие над беловиком третьего тома, отличаются небрежностью в расстановке диакритических знаков, поэтому рассмотреть рукопись Син. 204 с этой точки зрения не удастся.

склонения, кодифицированным для славянских слов, и не изменяют данные формы. В определенном смысле руководством для них является *оувѣщеніе а̑* о словоизменении греческих, латинских и еврейских мужских и женских имен, где в парадигмах допустимо, к примеру, *Артѣміс*. Отметим, что в данном случае практика славянских книжников совпадает с позицией составителя латинского оригинала, где подобные топонимы также не изменяются.

Таким образом, текст Атласа Блау переведен с опорой на нормы московской грамматики 1648 г., киевские переводчики специально изучают представленные в ГМ парадигмы и реализуют это знание в своей работе. Перед нами оказывается текст, соответствующий параметрам ученого церковнославянского языка — ориентированный на грамматику и следующий ее предписаниям, а в ряде случаев выстраивающий свою модель трансформации грамматического указания. Можно предположить также, что изучение московской грамматики было проведено киевскими книжниками специально, ведь, приехав в Москву и поселившись в Андреевом монастыре, Славинецкий и его товарищи вместе с Федором Ртищевым намеревались открыть училище, где преподавание грамматики должно было стать первой дисциплиной.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Атлас Блау, черновик, автограф Епифания Славинецкого — ГИМ, Син. 779.
Атлас Блау, беловик — ГИМ, Син. 19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика славенская. М., 1648.
2. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
3. Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017.
4. Кузьмина Е.А. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М., 2000.
5. Кузьмина Е.А. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисловие, науч. комментарий, подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминой. М., 2007. С. 493–612.
6. Кусмауль С.М. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.
7. Николенкова Н.В. Орфографические особенности двух рукописей XVII века: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 1. С. 9–20.
8. Николенкова Н.В. Справа киевского издания в Москве в середине XVII века как иллюстрация этапа формирования московской орфографической нормы // Русский язык в научном освещении. 2019, № 2 (38). С. 102–120.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008.
11. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

REFERENCES

1. Grammatika slavenskaya [Slavic grammar]. Moscow, 1648.
2. Zhivov V.M. Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on the historical morphology of the Russian language in the 17th–18th centuries]. Moscow: *Languages of Slavic culture*, 2004. 656 p.
3. Zhivov V.M. Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti [History of the language of Russian writing]. Moscow: *Russian Foundation for the Promotion of Education and Science*, 2017. 1285 p.
4. Kuz'minova E.A. Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo [Grammar Lawrence Zizania and Meletius Smotrytsky]. Moscow: MSU Publishing House, 2000. 528 p.
5. Kuz'minova E.A. Nauchnyi kommentarii // Grammatika 1648 g. / Predislovie, nauch. kommentarii, podg. teksta i sost. ukazatelei E.A.Kuz'minovoi. Moscow, 2007. P. 493–612.
6. Kusmaul' S.M. Stanovlenie orfograficheskikh norm tserkovnoslav'yanskogo yazyka vo vtoroi polovine XVI — pervoi polovine XVII v. Diss. ... kand.filol.nauk. Moscow, 2018.
7. Nikolenkova N.V. Orfograficheskie osobennosti dvukh rukopisei XVII veka: ob avtorstve chernovika i belovika [Spelling features of two manuscripts of the 17th century: on the authorship of a draft and a final copy]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. 2016. № 1, pp. 9–20. (In Russ.)
8. Nikolenkova N.V. Sprava kievskogo izdaniya v Moskve v seredine XVII veka kak illyustratsiya etapa formirovaniya moskovskoi orfograficheskoi normy [Proof-reading of the Kyiv edition in Moscow in the middle of the 17th century as an illustration of the stage in the formation of the Moscow orthographic norm]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2019, № 2 (38). P. 102–120. (In Russ.)
9. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Vyp. 1. Moscow, 1975.
10. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Vyp. 28. Moscow, 2008.
11. Sobolevskii A.I. Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov [Translated Literature of Muscovite Rus' XIV–XVII centuries]. Saint Petersburg: 1903.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 03.11.2023

Received 26.12.2022

Accepted 17.10.2023

Revised 03.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Николенкова Наталья Владимировна — канд. фил. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natanik2004@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Nikolenkova — Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natanik2004@mail.ru

ДИНАМИКА СИНТАКСИСА ЧИСЛОВЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЛЕТОПИСНЫХ И ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ СТАРОРУССКОЙ ЭПОХИ

А.Н. Антонова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; alexa.antonova96@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается синтаксическая динамика числовых сочетаний по данным старорусских летописных и деловых памятников к. XIV–XVII вв. В качестве материала для исследования были отобраны: Типографская летопись за к. XIV–XV вв., Псковская III летопись XVI в., Никоновская летопись за XVI в., Холмогорская летопись за XVI в., Двинской летописец за XVII — нач. XVIII вв., Мазуринский летописец XVII в., Летописец 1619–1691 гг., Пискаревский летописец XVII в., Летописное сказание Петра Золотарева за XVII в., Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси к. XIV — нач. XVI вв., Акты Русского государства за XVI в., Можайские акты за XVII в. Для групп с числительным *два* в И/В пп. характерны инновационные синтаксические отношения типа *два стола / две жены*; летописные источники sporadически отражают числовые группы с дв. ч. сущ. В источниках XVI–XVII вв. в числовых группах «2+сущ.» встречаются случаи перестройки типа *два столы* по аналогии с «3/4 + сущ. в И/В пп. мн.». Числовые группы типа *3/4 стола* вытесняют тип *3/4 столы* начиная со второй трети XVII в. Для групп с числительными большого количества в косвенных пп. характерно согласование числительного и сущ.

Ключевые слова: динамика синтаксиса числительных; синтаксис числовых сочетаний; старорусские летописи XV–XVII вв.; деловые памятники XVI–XVII вв.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-3

Для цитирования: Антонова А.Н. Динамика синтаксиса числовых сочетаний в летописных и деловых памятниках старорусской эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 30–39.

THE SYNTACTIC DYNAMICS OF THE NUMERAL PHRASES IN THE LATE OLD RUSSIAN CHRONICLES AND NOTARIAL ACTS

A. Antonova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; alexa.antonova96@yandex.ru

Abstract: The article deals with the syntactic dynamics of the numeral phrases in the Russian chronicles and notarial acts of the late 14th–17th centuries. The material for the study was: Tipografskaya letopis (the late 14th–15th cent.), Pskovskaya III letopis (16th cent.), Nikonovskaya letopis (16th cent.), Holmogorskaya letopis (16th cent.), Dvinskoj letopisec (17th cent.), Mazurinskij letopisec (17th cent.), Letopisec of 1619–1691 years, Piskarevskij letopisec (17th cent.), Letopisnoe skazanie Petra Zolotareva (17th cent.), Acts of socio-economic history of North-Eastern Russia (the late 14th — early 16th cent.), Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526 (16th cent.), Mozhajskie akty (17th cent.). The numeral phrases with *two* in the nom./acc. case are characterized by gen. pl. forms of the noun; the dual number forms of nouns are sometimes found in chronicles. Since the 16th century, the numeral phrases with *two* and nom./acc. pl. noun forms have spread. New numeral phrases of the type «3/4 + gen. sing. noun form» begin to prevail from the second third of the 17th century. In phrases with numerals of large numbers in obl. cases, the numerals agree with the noun.

Keywords: the syntactic dynamics of the numeral phrases; the syntax of numerals; Russian manuscripts of the late 14th — 17th centuries; Russian notarial acts of the late 14th — 17th centuries

For citation: Antonova A. (2023) The Syntactic Dynamics of the Numeral Phrases in the Late Old Russian Chronicles and Notarial Acts. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 30–39.

0. Введение

0.1. Современное устройство синтаксиса числительных в русском языке — как следствие их исторического развития — представляет собой структуру сложную и неоднородную. Как известно, при числительных **мало́го количества** в И/В пп. (*два, три, четыре, оба*) имя стоит в форме РП ед. ч.¹; в формах косвенных падежей существительные согласуются с количественным числительным в падеже [АГ 1980, т. I: 572]. Данная особенность синтаксиса современных русских числительных возникла после утраты категории дв. ч.: бывшие формы дв. ч. И/В. пп. в числовых группах «2+сущ.» распространились на конструкции со всеми числительными мало́го количества, см. напр.: [Хабургаев 1990: 273–278]. Согласно [Жолобов 2006: 226], новая синтаксическая связь типа «3/4+стола» распространяется во вт. пол. XVI в. и окончательно закрепляется лишь в XVII в. Однако инновационные формы сущ. на *-а* спорадически проникают в сочетания с *три, четыре* гораздо раньше. Так, в др.-новг. грамотах первые

¹ Отметим, что интерпретация форм существительных в группах с числительными мало́го количества в И/В пп. как форм РП ед. ч. далеко не единственная, однако именно она чаще всего используется в диахронных описаниях. См. подробнее об этой дискуссии в [Жолобов 2003: 183].

примеры типа *три рубля* обнаруживаются с нач. XIV в.: *по 3 рубля* (ГрБ № 65, нач. XIV в.) [Зализняк 2004: 167].

Для групп с числительными **большого количества** в СРЯ характерны следующие синтаксические отношения: в И/В пп. числительное управляет РП мн. ч. сущ., в косв. пп. числительное согласуется с формой сущ. [АГ 1980, т. I: 572]. Исконно числительные большого количества всегда управляли РП мн. ч. сущ., однако уже в раннедревнерусский период наряду с управлением РП сущ. фиксируется немалое число примеров с согласованием [Жолобов 2006: 143]. По мнению [Жолобов 2006: 251], согласование числительных и сущ. в группах с числительными большого количества возникло скорее всего еще в праславянский период, чему способствовали синтаксические отношения в группах с числительными малого количества, см. пример: *:м:ми рѣзанами* в берестяной грамоте № 247 перв. пол. XI в., в котором уже отражается согласование числительного и сущ. [Зализняк 2004: 167].

0.2. В статье рассматриваются изменения в синтаксисе числовых сочетаний, фиксирующиеся по данным памятников к. XIV–XVII вв. Как известно, в старорусский период после утраты категории дв. ч. синтаксис числительных претерпевает значительные изменения: наблюдается разрушение исконной системы др.-рус. числительных и постепенное формирование новой. **Материалом для исследования** послужили летописи и деловые документы центрального, северо-западного и собственно севернорусского происхождения².

1. Числовые группы «2 + сущ.»

1.1. Для нумеральных групп с числительным *два* в И/В пп. характерны синтаксические отношения типа *два мужа, две сестры* с управлением РП ед. ч. сущ., см. некоторые примеры:

а добрыхъ повезоша [два] корабля (Пл л2, 1234–40); *да двѣ комары* (Тип 1408, л244); *срубиша его въ два мѣсяца* (Тип 1492, л292); *на две ѣлки* (АРз 1523/24, №223); *два карлы* (Двин л31об, 1693); *снял... две ряски* (ЛетСказ л72, 1671); *на воротехъ же 2 кіота образныхъ* (Мож № 11, 1626).

² Типографская летопись за к. XIV–XV вв., Псковская III летопись XVI в. (Пл), Никоновская летопись за XVI в. (НЛ), Холмогорская летопись за XVI в. (Холм), Двинской летописец за XVII — нач. XVIII вв. (Двин), Мазуринский летописец XVII в. (Мазур), Летописец 1619–1691 гг. (Лет19–91), Пискаревский летописец XVII в. (Писк), Летописное сказание Петра Золотарева за XVII в. (ЛетСказ), Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — нач. XVI в. (АСВР), Акты Русского государства за XVI в. (АРг), Можайские акты за XVII в. (МА).

В некоторых летописных и деловых источниках к. XIV–XVI вв. отражается спорадическое употребление групп «2+сущ.» с особой генитивной формой сущ. м. р. на -у (во всех примерах с сущ. *годъ*):

а былъ тои моръ... и по 2 годоу (Пл л115 об, 1465); *два году не видѣла ни мало* (НЛ 1555); *жил... два году* (АСВР [ок.1464–78] № 340, 247); *тутю жил в тои деревнѣ Феденинѣ два году* (АСВР [ок.1464–78] № 340, 248); *два году не видѣла ни мало* (НЛ, 1555, 245).

По мнению [Жолобов 2003–2004: 15], именно генетивные формы сущ. на -у бесспорно указывают на осмысление форм существительного в группе «2+сущ.» как РП ед. ч.

1.2. Нумеральные группы с сохранением дв. ч. встречаются только в летописных памятниках исследуемого периода и в абсолютном большинстве случаев обусловлены книжностью контекста. Кроме того, формы дв. ч. сущ. лучше сохраняются в числовых группах в косвенных падежах. Как известно, категория дв. ч. стала утрачиваться в живом др.-рус. языке с рубежа XII–XIII вв. по [Жолобов, Крысько 2001: 207]; с XIII в. по [Зализняк 2004: 131], поэтому для примеров из ранних летописных записей сохранение дв. ч. сущ. в группе «2+сущ.» закономерно:

[у]биша двѣ воеводѣ (Пл л1, 1217–1239); *принесе... и обе руце* Логина (Холм л187 1218); *междѣ двема колодома* (Холм л92 1015); *на обе руце* (Писк л347об, 1382; 15) *князей русских, обою брату по плоти* (Писк л133об, 1071); *со двема сынама своима* (Писк л289, 1359).

Интересно, что помимо ранних записей числовые группы с сохранением дв. ч. сущ. активно употребляются и в летописных записях за XV в.:

двѣма поутѣма гонячися (Пл л104, 1463); *на обѣ половинѣ* (Пл л133, 1470–1471); *было полно по обѣ сторонѣ* (Пл л171об, 1476); *сѣ двѣма оученикома* (Тип 1490, л287); *а князь Иван седе на обою княжению* (Писк л445, 1408); *Бога виде со двема ангелома* (Холм л398, 1490).

Так, формы дв. ч. сущ. в числовых группах «2+сущ.» отражают: Строевский список Пл — 10 примеров (2 примера за XIII в., 7 — за к. XV в. и 1 пример к. XVI в.), Тип. лет. — 1 пример (за к. XV в.), НЛ — 1 пример (за нач. XVI в.), в Холм. лет. — 6 примеров (3 примера в древнейших записях, 2 примера нач. XIII в., 1 пример к. XV в.), в Двин. лет. — 1 пример нач. XVI в.; в Писк. лет. — 3 примера (в древнейших контекстах); в летописцах к. XVII в. (Мазур, ЛетСказ, Лет19–91), а также во всех исследованных деловых памятниках нумеральные группы с сохранением дв. ч. сущ. не зафиксированы.

1.3. В НЛ, Холм. лет. и в исследованных нами памятниках XVII в. (Двин, Писк, летописцах к. XVII в. и Мож. актах) спорадически отражается синтаксическая связь типа *два столы* с И/В пп. сущ. мн. ч.:

за **два годы** (НЛ 1555); и **вда ему два города** (Холм л95об, 1021); **ходити два годы** (Холм л379об, [1470]); **сделал два малые фрегаты да три яхты** (Двин л36об, 1696); **два казенные погребы деревянные** (Двин л165об, 1671); **по них священники два... два дьяконы с рипиды** (Двин л30об, 1693); **въ два тесы** (Мож №11, 1626).

Отдельно отметим примеры нумеральных групп с *сущ.* в И/В пп. мн. ч. и числительным *оба* в Писк. лет. XVII в.:

и поидоша паки в Орду оба князи (Писк л259, 1318); *сташа противу себе оба полы Днепра* (Писк л109, 1016).

Интересно, что эти примеры Писк. лет. зафиксированы в ранней записи³ и в записи н. XIV в., в то время как числовые группы типа *два столы* распространяются во вт. пол. XVI–XVII вв.⁴ Возможно, *сущ.* в И/В мн. числе при числительном *оба* в ранних записях Писк. лет. является не инновацией, привнесенной переписчиком, а возникает по аналогии с группами типа «*обои/двои* + *сущ.*». Дело в том, что в раннедревнерусском для числовых групп с собирательными числительными *обои/двои* характерны синтаксические отношения типа *обои послы* с И/В пп. мн. ч. *сущ.*, см., напр.: [Крысько 2020: 65–66]. Конструкции со ср. р. собирательного числительного и РП мн. ч. *сущ.* типа *двое коневъ* становятся употребительными только в позднедревнерусский период [Жолобов 2006: 316].

Как нумеральные группы типа *два столы* можно также рассматривать следующие примеры нач. XVI в. из АРг:

воз(в)мет... два рубли московские (АРг 1506, № 18); *два рубли* (АРг 1513/14, № 111).

Однако на данные примеры с *сущ.* мягкого варианта *о-осн., вероятно, могли повлиять числовые группы «2+*сущ.*» с *сущ.* склонения на *і типа *на два пни на вязовые* (АРг 1510/11–1515/16, № 77), в которых форма РП ед. омонимична И/В пп. мн. ч.⁵

³ Отметим, что один пример с числовой группой типа *два столы* в древнейшей летописной записи зафиксирован также в Холмогорской летописи.

⁴ См. аналогичные примеры из древнерусского и старорусского подкорпусов НКРЯ: *потом же оба быша архиепископы Великому Новуграду, именемъ Григорий и Иоаннъ* (Повесть о Благовещенской церкви, 1310–1500); *и еще молим тя, царю, оба раби твои, Олегъ Резанский и Ольгордь Литовский* (Сказание о Мамаевом побоище, перв. четв. XV в.); *и оба сыны твоих убию* (Александрия, XV в.).

⁵ Данные старорусского подкорпуса НКРЯ отражают употребительность числовых групп типа «*полтора/два+рубли*» в т.ч. и в памятниках к. XIV–XV вв. Кроме того, в старорусском подкорпусе НКРЯ в одном примере обнаруживается форма РП ед. числа *рубли*: *а тамги и всминичег[о] вт рубли а[лты]н* (Докончание великого князя московского Василия Васильевича с великим князем тверским Борисом Александровичем. Грамота в. кн. Бориса Александровича в. кн. Василию Васильевичу, 1456); ср. с замечанием в [Соболевский 1907: 175] о том, что существительные *о-скл., хоть и редко, но могли принимать падежные окончания *і-скл.

2. Числовые группы «3/4 + сущ.»

В памятниках к. XIV–XVI вв. группы с числительными *три, четыре* в И/В пп. отражают преимущественно исконную модель с согласованием типа *три моужи, четыре роубли*, см. некоторые примеры:

три человеки таки до смерти заразило (ПЛ л128об, 1470); а с ним **4 царевичи** (Тип 1408, л244об); *вымънил... три дворы* (АСВР2 [ок.1460-х] № 184); *здѣлалъ до государя три мосты* (НЛ, 1552); *на всѣтъ три праздники* (АРз 1506, № 18); *литы на Москве три колоколы* (Холм л255об, 1346).

Примеры групп «3/4+сущ.» с управлением РП ед. ч. (*три моужа*) появляются спорадически со вт. пол. XV в., причем наиболее активно среди памятников к. XIV–XVI вв. инновационные примеры отражает Псковская III лет.⁶, напр.: *а выгорѣ три конца* (ПЛ л92об, 1459); *выехаша из городка три Немчина* (ПЛ л10б, 1463); *и оусрътоша иконоу вся 3 сбора* (ПЛ л78об, 1440).

В Тип. лет. и Актах СВР примеры групп «3/4+сущ.» типа *три мужа* не зафиксированы. В НЛ инновационные примеры единичны. В актах за XVI в. на 77 примеров с формой сущ. в И-В пп. и согласованием числительного приходится только три примера с управлением РП сущ., причем все примеры нового типа зафиксированы в одном документе и в едином контексте. Важным является тот факт, что деловые памятники к. XIV–XVI вв. в отражении синтаксической динамики в группах «3/4+сущ.» оказываются более консервативными по сравнению с летописными источниками того же времени.

Интересно также парадоксальное распределение инновационных примеров в Холм. лет. XVI в.: все пять примеров числовых групп типа *три стола* фиксируются в древнейших записях (в части ПВЛ и XII в.), в то время как в более поздних контекстах отмечаются синтаксические отношения типа *три столы*, напр.: *и збращася от немец три брата* (Холм л25, 862); *взяша три града* (Холм л132, 1148). Вероятно, эти инновационные чтения принадлежат переписчикам текста летописи. Напомним, что в Холм. лет. в древнейшей летописной записи также зафиксирована числовая группа типа *два столы* — по всей видимости, для переписчика Холм. лет. характерно отражение колебания в выборе пути обобщения числовых групп *три стола / три столы, два стола / два столы*.

Для памятников первой трети XVII в. характерно равное распределение групп «3/4 + сущ.» с традиционной синтаксической

⁶ Именно Строевский список ПЛ отличается широким отражением разнообразных диалектных особенностей и черт некнижного синтаксиса [Зализняк 2008: 149].

связью и инновационным управлением РП ед.ч. сущ., с незначительным преобладанием примеров с РП ед.ч. сущ. Причем летописные памятники нач. XVII в. могут отражать преобладание числ. групп типа *три столы*: напр., в Писк. лет. на 40 однозначных примеров с И/В пп. мн. ч. сущ. приходится только 5 примеров с новой синтаксической связью. Со вт. трети XVII в. абсолютное большинство примеров группы «3/4 + сущ.» отражают инновационные синтаксические отношения типа *три стола* с РП ед. ч. сущ.

3. Группы с числительными большого количества

Для памятников к. XIV–XVII вв. в группах с числ. большого количества в косв. пп. характерна синтаксическая связь типа *пяти* (ДП мн.ч.) *гривнам* (ДП мн.ч.) — с согласованием числительного и сущ.; см. некоторые примеры:

въ 5-ти загоралоя мѣстех (ПЛ л136об, 1471); *за семь днищъ на 10 врьстахъ* (Тип 1492, л291об); *но единъ здравый десяти болящимъ слоужить* (Тип 1417, л250об); *пес явися о шти ногахъ* (Холм 1066 л106); *на 7-ми судахъ* (Двин 1711, л42); *къ 9 окнамъ къ варовымъ* (Мож № 11, 1626); *морския рыбы о семи хвостахъ и о пяти* (Мазур л303, 1681); *strup лежал на семи верстахъ* (Писк л627об, 1603).

Синтаксическая связь с управлением формой РП мн. ч. сущ. также довольно частотна, однако в большинстве случаев группы с числительными большого количества, отражающие управление РП мн. ч. сущ., имеют следующее строение: предлог *по* + числительное (ДП) + сущ. (в РП мн. ч.). По всей видимости, архаичное управление РП мн. ч. сущ. лучше сохраняется в устойчивых сочетаниях с предлогом *по*, а следовательно, частотность употребления архаичного управления РП сущ. обусловлена частотностью конструкции с предлогом *по*, а не употребительностью данной синтаксической связи. См. некоторые примеры:

по пяти гривенъ за полтину (АРз 1508/9, № 44); *всякому сыну боярскому по сту человекъ* (НЛ 1552, 206); *по девяти денегъ* зобница ржи (ПЛ л73, 1434); *четверть купили по осми гривен* (Двин, 1549, л7); *вдоль по двадцати по ити сажень* (Мож № 16 1629); *по сороку алтын* золотой (Мазур л298, 1676).

Вне конструкций с *по* РП сущ. в группах с числ. большого количества в косв. пп. встречается лишь спорадически, см. некоторые примеры:

Авраамъ же съ тремасты и осмиюнадесять своихъ домочадецъ (НЛ 1552, 193); *учреди всякому сту сыновъ* боярскихъ... *выборная голова* (НЛ 1553, 214); *и биша его шестью пороков* (Писк, л267, 1322); *имъ ити в десяти ч(е)л(ове)къ* (АСВР 1476/77, № 453); *к тѣмъ пятинацати рублев* (АРз 1513, № 108).

Большая часть примеров с архаичным управлением РП сущ. зафиксированы в летописных памятниках, однако в деловых источниках эта модель также встретилась (всего два примера).

4. Заключение

Таким образом, старорусские летописные и деловые памятники отражают следующие особенности синтаксиса числовых сочетаний. Для числовых групп «2+сущ.» преимущественно характерны инновационные синтаксические отношения. Спорадически летописные источники отражают числовые группы с дв. ч. сущ. (наиболее частотны такие примеры в древнейших летописных записях, а также в записях за XV в.). Кроме того, намечаются синтаксические решения, по которым в итоге развитие системы числительных в русском языке не пошло: с нач. XVI в. распространяются числ. группы типа *два столы* с И/В пп. сущ., возникшие по аналогии с группами типа *три/четыре столы*. Синтаксическая динамика группы с числ. *три/четыре* в старорусский период такова: памятники к. XIV–XVI вв. отражают единичные примеры новых числовых групп типа *три стола*, причем деловые источники хуже отражают инновации, чем летописные. Для первой трети XVII в. характерно равное соотношение форм И/В мн.ч. и РП ед. сущ.; со второй трети XVII в. абсолютное большинство примеров отражают инновационные синтаксические отношения. Для групп с числительными большого количества в косв. пп. характерно согласование числительного и сущ.; архаичное управление РП мн.ч. сущ. в большинстве случаев сохраняется в устойчивых сочетаниях с предлогом *по*.

ИСТОЧНИКИ

1. Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Том I–III. М., 1952–1964
3. Можайские акты: 1506–1775. М., 1892.
4. ПСРЛ, том XIII. Никоновская летопись. СПб., 1901.
5. ПСРЛ, том XXIV. Типографская летопись. СПб., 1921.
6. ПСРЛ, том XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
7. ПСРЛ, том XXXIII. Двинской летописец. Л., 1977.
8. ПСРЛ, том XXXIII. Холмогорская летопись. Л., 1977.
9. ПСРЛ, том XXXIV. Пискаревский летописец. М., 1978.
10. Псковские летописи. Вып. II. Под ред. А.Н. Насонова. Издательство Академии Наук СССР, М., 1955.
11. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жолобов О.Ф. К истории малого количественного: аднумеративные формы прилагательных и существительных // *Russian Linguistics*. 2003. Vol. 27. P. 177–197.
2. Жолобов О.Ф. К истории малого количественного и форм множественного числа на –á // *Вестник ВолГУ*. 2003. Серия 2. Вып. 3. С. 15–24.
3. Жолобов О.Ф. Числительные. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.
4. Жолобов О.Ф., Крысько В.Б. Историческая грамматика русского языка. Т. II. Двойственное число. М., 2001.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
6. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.
7. Крысько В.Б. Дъвои чепи: К истории славянских собирательных числительных // *Вопросы языкознания*. 2020. № 4. С. 55–69.
8. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
9. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
10. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка: имена. М., 1990.

SOURCES

1. Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526. Moscow, 1975.
2. Acts of socio-economic history of North-Eastern Russia, I–III. Moscow, 1952–1964.
3. *Mozhajske akty: 1506–1775*. Moscow, 1892.
4. *Pskovskie letopisi*. Vypusk vtoroj / Ed. by A.N. Nasonov. Moscow, 1955.
5. PSRL, XIII. *Nikonovskaya letopis*. St. Petersburg, 1901.
6. PSRL, XXIV. *Tipografskaya letopis*. St. Petersburg, 1921.
7. PSRL, XXXIII. *Holmogorskaya letopis*. Leningrad, 1977.
8. PSRL, XXXIV. *Piskarevskij letopisec*. Moscow, 1978.
9. PSRL, XXXI. *Letopiscy poslednej chetverti XVII veka*. Moscow, 1968
10. PSRL, XXXIII. *Dvinskoj letopisec*. Leningrad, 1977.
11. The Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 17.09.2023).

REFERENCES

1. Zholobov O.F. K istorii malogo kvantitativa: adnumerativnye formy prilagatel'nyh i sushchestvitelnyh [On the history of small quantitative: adnumerative forms of adjectives and nouns] // *Russian Linguistics*. 2003. Vol. 27. P. 177–197.
2. Zholobov O.F. K istorii malogo kvantitativa i form mnozhestvennogo chisla na –á [On the history of the small quantitative and plural forms ending in — á] // *Vestnik VolSU*. 2003. Seriya 2. Vyp. 3. P. 15–24.
3. Zholobov O.F. *Chislitelnye*. Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka [Numerals. Historical grammar of Old Russian language]. Moscow, Azbukovnik, 2006.
4. Zholobov O.F., Krys'ko V.B. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian language]. Т. II. Dvoystvennoe chislo [Dual number]. Moscow, Azbukovnik, 2001.
5. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskij dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2004.
6. Zaliznyak A.A. «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista [“The Tale of Igor’s Campaign”: a linguist’s view]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2008.

7. Kryś'ko V.B. D"voi chepi: K istorii slavyanskih sobiratel'nyh chislitel'nyh [D"voi chepi: On the history of Slavic collective numerals] // Voprosy yazykoznaniya. 2020, 4. Pp. 55–69.
8. Russkaya grammatika [Russian Grammar]. T. 1. Moscow, 1980.
9. Sobolevskij A.I. Lekcii po istorii russkogo yazyka [Lectures on the history of the Russian language]. Moscow, 1907.
10. Naburgaev G.A. Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka: imena [Essays on the historical morphology of the Russian language: names]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1990.

Поступила в редакцию 06.08.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 07.11.2023

Received 06.08.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 07.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Антонова Александра Николаевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; alexa.antonova96@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandra Antonova — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; alexa.antonova96@yandex.ru

ПОДХОДЫ К АВТОМАТИЧЕСКОМУ РАЗРЕШЕНИЮ МНОГОЗНАЧНОСТИ НА ОСНОВЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В КОРПУСЕ

Д.А. Зарипова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; diana.ser.sar96@gmail.com*

Н.В. Лукашевич

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; louk_nat@mail.ru*

Аннотация: Задача автоматического разрешения многозначности (Word Sense Disambiguation, WSD) является ключевой задачей семантической обработки текста, решение которой влияет на качество более сложных семантических задач. Однако задача выбора одного из значений многозначного слова в контексте вызывает трудности даже у носителей языка. Тем более непростой она оказывается для систем автоматического разрешения многозначности. Поэтому так важны любые наблюдения и эвристики, способные упростить задачу либо повысить качество работы алгоритмов WSD.

Исследователями был выявлен ряд закономерностей распределения значений слов в корпусе. В статье будут рассмотрены три из них: 1) наиболее частотное значение (Most Frequent Sense, MFS); 2) гипотеза «одно значение на документ» (One Sense per Discourse) и 3) гипотеза «одно значение на словосочетание» (One Sense per Collocation).

По результатам экспериментов на материале корпуса русских текстов, метод, основанный на выборе самого частотного значения по корпусу во всех контекстах, достиг относительно высокого значения точности как на обучающей выборке, так и на тестовой (85,7 % и 71,1 % соответственно). Гипотеза «одно значение на документ» подтвердилась в 93 % текстов. Гипотеза «одно значение на словосочетание» подтверждается в 84,46 % отобранных по определенным правилам пар из текстов. Исключения связаны с трудностями при семантической разметке слов в корпусе.

Эвристики, основанные на неравномерности распределения значений многозначных слов, позволяют упростить задачу автоматического разрешения многозначности, а также могут применяться при создании тренировочных данных для обучения моделей WSD.

Ключевые слова: автоматическое разрешение многозначности; наиболее частотное значение; «одно значение на документ»; «одно значение на словосочетание»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-4

Для цитирования: Зарипова Д.А., Лукашевич Н.В. Подходы к автоматическому разрешению многозначности на основе неравномерности распределения значений слов в корпусе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 40–51.

APPROACHES TO AUTOMATIC WORD SENSE DISAMBIGUATION BASED ON UNEVEN DISTRIBUTION OF WORD SENSES IN CORPUS

D.A. Zaripova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; diana.ser.sar96@gmail.com

N.V. Loukachevitch

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; louk_nat@mail.ru

Abstract: Word Sense Disambiguation (WSD) is a key task of automatic semantic analysis that affects other upstream tasks. Nevertheless, the selection of appropriate sense of ambiguous word in context is a complicated task even for human native speakers. It is even more relevant for automatic disambiguation models. That is why we need any observations and heuristics able to make the WSD task simpler or performance higher.

Researchers have noticed that the distribution of ambiguous word senses follow certain laws. In the paper we discuss three hypotheses about word senses distribution in corpus: 1) Most Frequent Sense, MFS; 2) One Sense per Discourse and 3) One Sense per Collocation.

The following results were obtained on the material of a corpus of Russian texts. Most Frequent Sense based algorithm demonstrates relatively high precision on both training and test set (85.7% and 71.1% respectively). The One Sense per Discourse hypothesis has been confirmed in 93% of texts. The One Sense per Collocation hypothesis has been confirmed in 84.46% word pairs from texts. The exceptions are related to difficulties and errors by manual word sense labeling.

Heuristics based on uneven distribution of ambiguous words in corpus allow to make WSD task simpler and can be used by collecting training data sets for WSD models.

Keywords: word sense disambiguation; most frequent sense; one sense per discourse; one sense per collocation

For citation: Zaripova D.A., Loukachevitch N.V. (2023) Approaches to Automatic Word Sense Disambiguation Based on Uneven Distribution of Word Senses in Corpus. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 40–51.

Введение

Задача **автоматического разрешения многозначности** (*Word Sense Disambiguation, WSD*) является ключевой задачей семантической обработки текста, от качества решения которой зависит каче-

ство решения более высокоуровневых задач. Так, результаты WSD могут быть использованы в области **информационного поиска** [Hristea, Colhon 2020], при **машинном переводе** [Tang et al. 2018]. Поэтому очень важны любые закономерности, эвристики и наблюдения, которые могли бы упростить задачу автоматического разрешения многозначности, повысить его качество.

В статье будут описаны три закономерности распределения значений слов в корпусе, которые подходят для этой задачи. Статья состоит из трех разделов. В разделе 1 освещаются типы неравномерностей распределения значений: подраздел 1.1 посвящен самому частотному значению, раздел 1.2 — гипотезе «одно значение на дискурс», раздел 1.3 — гипотезе «одно значение на словосочетание». Раздел 2 содержит результаты экспериментов на материале корпуса русских текстов с целью проверить указанные выше закономерности. В разделе 3 приведены краткие выводы.

1. Типы неравномерностей распределения значений

Несмотря на многообразие моделей распределения значений по контекстам, исследователями были выделены несколько наиболее ярких типов неравномерностей распределения значений многозначных слов, которые будут рассмотрены в следующих подразделах.

1.1. Самое частотное значение (Most Frequent Sense)

Исследователи давно заметили, что значения многозначных слов распределены по корпусу неравномерно, то есть вероятности разных значений одного и того же слова не равны между собой. В частности, можно выделить наиболее частотное значение слова, которое встретилось в семантически размеченном корпусе чаще всех остальных.

Поэтому в задаче автоматического разрешения многозначности в качестве **базового алгоритма для сравнения** (*baseline*) зачастую принимается простой алгоритм, выбирающий для каждого многозначного слова наиболее частотное из его значений. Принцип работы такого алгоритма предельно прост: для каждого употребления многозначного слова приписать ему метку того значения, которое встретилось чаще всего в рамках корпуса с семантической разметкой.

Из-за важности наиболее частотного значения предложены различные алгоритмы автоматического определения наиболее частотного значения на неразмеченном корпусе. Так, в статье [Preiss et al. 2009] предлагается алгоритм поиска наиболее частотного значения слова с использованием алгоритма ранжирования и меры семантической близости слов и концептов Wikipedia. В [Calvo, Gelbukh 2015] проверяется гипотеза скоррелированности наиболее частотного значения и числа отношений, которые имеет соответствующий

синсет в онлайн-тезаурусе WordNet¹ [Miller 1998]. Авторы работы [Bhingardive et al. 2015] ставят своей целью разработать метод получения наиболее частотных значений без использования больших объемов размеченных данных и применяют для этого вектора сокращенной размерности. Работа [Loukachevitch, Mischenko 2018] посвящена обзору разных подходов к определению наиболее частотного значения для русского языка. В [Hauer et al. 2019] предложен метод определения наиболее частотных значений на основе соседей многозначного слова, а также наиболее частотных переводов.

1.2. Гипотеза One Sense per Discourse

Гипотеза «одно значение на дискурс» (в рамках данной статьи сочетания «одно значение на дискурс» и «одно значение на документ» понимаются как синонимы) была изначально сформулирована в статье [Gale et al. 1992]. В ходе исследований на материале параллельных корпусов авторы обнаружили, что *многозначные слова редко употребляются в пределах одного дискурса (например газетной статьи) в двух и более своих значениях*. В рамках экспериментов многозначным признавалось то слово английского языка, которое переводилось несколькими способами на французский язык. В результате проверки гипотезы на статьях энциклопедии было выявлено, что только 6 статей из 300 размеченных содержали многозначные слова в разных значениях.

Авторы предлагают применять гипотезу «одно значение на дискурс», во-первых, для повышения качества работы алгоритмов по автоматическому разрешению многозначности в качестве дополнительного ограничительного фактора: выбирается тот результат, при котором все вхождения многозначного слова в текст размечены одним значением. Во-вторых, данная эвристика сильно упрощает разметку данных: теперь достаточно снять многозначность с одного вхождения многозначного слова в текст, а все остальные его вхождения разметить тем же семантическим тегом.

Эвристика довольно быстро нашла применение в реальных алгоритмах автоматического разрешения многозначности [Yarowsky 1995; Rapp 2004]. В исследовании [Carpuat 2009] данная эвристика применяется в машинном переводе. Результаты эксперимента показали, что более чем в 80 % случаев эвристика выполнялась. Показано, что принятие гипотезы «один перевод на дискурс» может помочь увеличить качество работы алгоритмов машинного перевода.

Однако в статье [Krovetz 1998] гипотеза подвергается критическому изучению и сомнению, ее заголовок говорит сам за себя — *More*

¹ <https://wordnet.princeton.edu/>

than One Sense Per Discourse. В работе указывается на то, что применимость гипотезы «одного значения на документ» зависит от подхода к выделению значений слов. Если рассматривать только не связанные друг с другом никакими семантическими связями значения (*bank-модель; омонимия*), гипотеза [Gale et al. 1992] в большинстве случаев окажется верной. Однако при втором подходе к выделению значений слов, при котором значения могут быть связаны между собой различными отношениями (*полисемия*), картина усложняется.

В работе [Krovetz 1998] на материале двух корпусов с ручной семантической разметкой — *SemCor*² и *DSO Corpus*³ — были проведены эксперименты с целью выяснить, как часто слова встречаются в более чем одном значении в рамках одного дискурса. Были получены следующие результаты: почти 33 % многозначных слов из корпуса *SemCor* имели более одного значения на дискурс, в корпусе *DSO* все слова встречались с более чем одной семантической меткой в рамках одного дискурса. В среднем в 39 % текстовых файлов, содержащих размеченное целевое многозначное слово, данное слово было размечено двумя и более тегами. По результатам экспериментов было установлено, что совместная встречаемость значений слов разных частей речи связана с разными типами полисемии.

1.3. Гипотеза One Sense per Collocation

Исследователями выделяется еще одна известная гипотеза — “One Sense per Collocation”. Она заключается в том, что в рамках одного словосочетания многозначное слово тяготеет к какому-то одному конкретному значению.

В классической работе [Yarowsky 1993] обращается внимание на то, что использование локального контекста (ближайших линейных соседей слов) может быть полезным в решении задачи автоматического разрешения многозначности. В работе многозначными признаются «значения, которые обычно не переводятся с помощью одного слова на иностранный язык» [Yarowsky 1993: 266]. Рассматривается несколько типов словосочетаний: непосредственное линейное соседство слов в тексте, первое слово слева или справа, относящееся к определенной части речи, пары слов, связанные определенными синтаксическими отношениями. Доля словосочетаний с одними и теми же значениями в разных вхождениях в среднем составляет 95 %.

² <https://www.sketchengine.eu/semcor-annotated-corpus/>

³ <https://catalog ldc.upenn.edu/LDC97T12>

Гипотеза «одно значение на словосочетание» может помочь в разметке и создании алгоритмов автоматического разрешения многозначности. В статье [Martinez, Agirre 2000] авторы проверяют данную гипотезу для более сложной классификации значений на материале двух корпусов. Авторы утверждают, что для более тонких различий в значениях (то есть при наличии у слова более двух значений) гипотеза проявляется слабее (70 %). Кроме того, авторы отмечают важную особенность гипотезы: в рамках одного корпуса, тексты которого принадлежат, как правило, одному жанру, слова используются в рамках словосочетаний в одном значении. Однако при смене корпуса необходимо учитывать вариативность жанров и тем.

Отдельно следует упомянуть такой известный ресурс, как SyntagNet⁴ [Maru et al. 2019], который содержит более 80 тысяч словосочетаний, размеченных по значениям. Создание такого рода ресурса подразумевает принятие гипотезы одного значения на словосочетание.

2. Анализ неравномерности распределения значений на семантическом корпусе русского языка

Авторами данной статьи были проведены собственные исследования на материале корпуса русскоязычных текстов с разметкой по значениям с целью проверить особенности распределения значений многозначных слов.

2.1. Описание корпуса

Процесс создания корпуса подробно описан в работе [Kirillovich et al. 2022]. Авторы использовали для разметки и помещения в корпус тексты средней длины, собранные в рамках проекта OpenCorpora⁵. Для разметки текстов по значениям были выбраны инвентари значений из тезауруса RuWordNet⁶, аналога WordNet для русского языка [Loukachevitch et al. 2016].

Отобранные тексты были поделены на предложения, слова прошли процесс лемматизации, были сопоставлены с лексическими единицами RuWordNet. Корпус состоит из 807 текстов, число лемм составляет 109 893 (136 лемм на документ в среднем), число синсетов RuWordNet равно 8619.

⁴ <http://syntagnet.org/>

⁵ <http://opencorpora.org/>

⁶ <https://ruwordnet.ru/ru>

2.2. Исследование неравномерности распределения значений на материале корпуса

2.2.1. Самое частотное значение (MFS)

Метод на основе самого частотного значения был протестирован в оригинальной статье [Kirillovich et al. 2022]. На обучающей части корпуса такой алгоритм показал значение точности **85,7 %**. Если не считать частотность значения на обучающих данных, а применять к тестовой выборке, то точность определения значения составляет **71,1 %**, т. е. в целом гипотеза подтверждается.

2.2.2. Гипотеза One Sense per Discourse

Эксперименты для проверки гипотезы «одно значение на дискурс» проводились в несколько этапов. На первом этапе были отобраны релевантные тексты, то есть такие тексты, которые содержат как минимум одно слово (рассматриваются леммы, а не словоформы), встретившееся в рамках документа-текста более одного раза. По каждому такому тексту собирались релевантные слова (леммы), а именно такие слова, которые встретились в рамках данного текста не менее двух раз. Далее отбирались многозначные слова, которые входят в состав RuWordNet. Процент случаев соблюдения гипотезы «одно значение на документ» подсчитывался следующим образом: в рамках выборки релевантных текстов, отобранных описанным выше способом, для каждого текста получали процент релевантных слов, встретившихся в данном тексте ровно в одном значении. Затем высчитывалось среднее арифметическое всех таких значений относительно длины выборки релевантных текстов. Статистика по данному эксперименту приводится в таблице 1:

Таблица 1

Процент релевантных текстов	≈ 94 %
Средний процент релевантных слов в тексте	3,63 %
Одно значение на документ	93 %

2.2.3. Гипотеза One Sense per Collocation

С помощью библиотеки **spaCy**⁷ для языка программирования Python из корпуса с семантической разметкой для русского языка были выделены словосочетания — пары слов, связанные синтаксическими отношениями. Рассматриваются слова трех морфологических категорий — глагол, существительное и прилагательное.

⁷ <https://spacy.io/>

Затем были отобраны те словосочетания, которые содержат хотя бы одно многозначное слово из RuWordNet и которые в лемматизированной форме встретились в корпусе более одного раза. Всего было собрано 2066 таких словосочетаний.

По подсчетам получается, что в 84,46 % отобранных пар либо оба слова многозначны и встретились в корпусе каждое в одном значении в рамках словосочетания, либо одно слово однозначное, а второе многозначное и встречалось только в одном значении в пределах словосочетания. Еще в 7,07 % пар закономерность одного значения на словосочетание не соблюдена только для одного из многозначных слов пары.

2.2.4. Анализ результатов

Большинство случаев нарушения гипотезы «одного значения на документ» можно отнести к ошибкам и сложностям в ручной разметке употреблений многозначных слов по значениям. Например, в следующих двух предложениях лексема *вычисления* употребляется, вероятнее всего, в одном значении — ‘компьютерные вычисления’, однако в корпусе им приписаны разные семантические теги:

(1) *В 2010 году видеокарты nVidia и ATI будут обеспечивать аппаратную реализацию **вычислений**, связанных с искусственным интеллектом в играх.* **Значение:** 140919-N КОМПЬЮТЕРНЫЕ ВЫЧИСЛЕНИЯ.

(2) *По статистике, до 90% **вычислений** в играх связаны с такими «рутинными интеллектуальными операциями», как определение прямой видимости противника, поиск кратчайшего пути до цели и т. д.* **Значение:** 111735-N ВЫЧИСЛИТЬ, ИСЧИСЛИТЬ.

Однако были случаи, когда одно из употреблений многозначного слова в тексте относилось к устойчивому словосочетанию, а другое — нет, и в таких случаях разметка разными синсетам оправдана. Пример:

(1) ***В связи со стихийным бедствием произошли перебои в электроснабжении, нарушилась телефонная связь.***

Также встретились комбинации значений многозначных слов в рамках одного текста вне устойчивых сочетаний, например: ‘момент времени’ vs. ‘промежуток времени’ для лексемы *время*, ‘федеративное государство’ vs. ‘общественное объединение’ для *федерации*, ‘бразды правления’ и ‘орган власти’ для лексемы *власть*.

Если рассматривать случаи несоблюдения гипотезы «одного значения на словосочетание», то можно выделить следующие категории: 1) устойчивые словосочетания, в которых затруднительно приписать значения словам-компонентам (*Академия наук, Академия музыки, ценная бумага, войти/входить в состав, вступить в брак*)

[Телия 1996; Баранов, Добровольский 2022]; 2) словосочетания с прилагательными *новый, старый, великий, крупный*; 3) словосочетания с существительными, обозначающими абстрактные понятия (*вид, власть, время, высота, место*); 4) словосочетания, состоящие из двух глаголов (например {*вестись, быть*}); 5) словосочетания, многозначные по своей сути: *выборы президента* — речь может идти как о выборах президента страны, так и о выборах президента организации; 6) географические обозначения: *Новая Гвинея, Южная Корея*; 7) словосочетания с глаголами типа *быть* (выделено 6 значений в RuWordNet), *жить* (выделены значения 'обитать' и 'существовать', которые зачастую трудно разделить), а также *мочь, находиться*.

Таким образом, стоит отметить, что для успешного решения задачи автоматического разрешения лексической многозначности недостаточно применять алгоритм пословного снятия многозначности, лежащий в основе большинства предлагаемых методов, необходимы также словари устойчивых словосочетаний с приписанной словосочетанию единой меткой значения.

3. Заключение

В статье были рассмотрены три типа неравномерностей распределения значений слов в корпусе: 1) самое частотное значение; 2) «одно значение на документ» и 3) «одно значение на словосочетание», приведена краткая история изучения вопроса.

Также описаны эксперименты на материале корпуса текстов на русском языке объемом более 209 000 лемм. Результаты экспериментов показали, что гипотезы «одного значения на документ» и «одного значения на словосочетание» действительно подтверждаются для большинства употреблений многозначных слов. Исключения носят точечный характер и не в последнюю очередь связаны с ошибками/трудностями задачи ручной разметки многозначных слов по значениям в рамках связного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А., Добровольский Д. Аспекты теории фразеологии. Litres, 2022.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
3. Bhingardive S., Singh D., Rudramurthy V., Redkar H., Bhattacharyya P. Unsupervised most frequent sense detection using word embeddings // Proceedings of the 2015 conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics. 2015. P. 1238–1243.
4. Calvo H., Gelbukh A. Is the most frequent sense of a word better connected in a semantic network? // Advanced Intelligent Computing Theories and Applications: 11th International Conference, ICIC 2015. Springer, 2015. P. 491–499.

5. *Carpuat M.* One translation per discourse // Proceedings of the Workshop on Semantic Evaluations: Recent Achievements and Future Directions. 2009. P. 19–27.
6. *Gale W.A., Church K., Yarowsky D.* One sense per discourse // Speech and Natural Language: Proceedings of a Workshop. 1992. P. 233–237.
7. *Hauer B., Luan Y., Kondrak G.* You shall know the most frequent sense by the company it keeps // 13th International Conference on Semantic Computing (ICSC). 2019. P. 208–215.
8. *Hristea F., Colhon M.* The long road from performing word sense disambiguation to successfully using it in information retrieval: An overview of the unsupervised approach // Computational Intelligence. 2020. V. 36. № 3. P. 1026–1062.
9. *Kirillovich A., Loukachevitch N., Kulaev M., Bolshina A., Ilvovsky D.* Sense-Annotated Corpus for Russian // Proceedings of the 5th International Conference on Computational Linguistics in Bulgaria. 2022. P. 130–136.
10. *Krovetz R.* More than one sense per discourse // NEC Princeton NJ Labs., Research Memorandum. 1998. V. 23.
11. *Loukachevitch N., Mischenko N.* Evaluation of approaches for most frequent sense identification in Russian // 7th International Conference, AIST 2018, Springer, 2018. P. 99–110.
12. *Loukachevitch N., Lashevich G., Gerasimova A., Ivanov V., Dobrov V.* Creating Russian WordNet by conversion // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference “Dialogue”. 2016. P. 405–415.
13. *Martinez D., Agirre E.* One Sense per Collocation and Genre/Topic Variations // 2000 Joint SIGDAT Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing and Very Large Corpora. 2000. P. 207–215.
14. *Maru M., Scozzafava F., Martelli F., Navigli R.* SyntagNet: Challenging supervised word sense disambiguation with lexical-semantic combinations // Proceedings of the 2019 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2019. P. 3534–3540.
15. *Miller G.A.* WordNet: An electronic lexical database. MIT press, 1998.
16. *Preiss J., Dehdari J., King J., Mehay D.* Refining the most frequent sense baseline // Proceedings of the Workshop on Semantic Evaluations: Recent Achievements and Future Directions. 2009. P. 10–18.
17. *Rapp R.* Utilizing the One-Sense-per-Discourse Constraint for Fully Unsupervised Word Sense Induction and Disambiguation // LREC. 2004.
18. *Tang G., Sennrich R., Nivre J.* An Analysis of Attention Mechanisms: The Case of Word Sense Disambiguation in Neural Machine Translation // Proceedings of the Third Conference on Machine Translation. 2018. P. 26–35.
19. *Yarowsky D.* One sense per collocation // Proceedings of the workshop on Human Language Technology. 1993. P. 266–271.
20. *Yarowsky D.* Unsupervised word sense disambiguation rivaling supervised methods // 33rd annual meeting of the association for computational linguistics. 1995. P. 189–196.

REFERENCES

1. Baranov A., Dobrovol'skii D. Aspekty teorii fraseologii [Aspects of phraseological theory]. *Litres*, 2022.
2. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury*, 1996. 191 p.
3. Bhingardive S., Singh D., Rudramurthy V., Redkar H., Bhattacharyya P. Unsupervised most frequent sense detection using word embeddings. *Proceedings of the 2015 con-*

- ference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics, 2015, pp. 1238–1243.
4. Calvo H., Gelbukh A. Is the most frequent sense of a word better connected in a semantic network? *Advanced Intelligent Computing Theories and Applications: 11th International Conference, ICIC 2015. Proceedings, Cham: Springer, 2015*, pp. 491–499.
  5. Carpuat M. One translation per discourse. *Proceedings of the Workshop on Semantic Evaluations: Recent Achievements and Future Directions, 2009*, pp. 19–27.
  6. Gale W.A., Church K., Yarowsky D. One sense per discourse. *Speech and Natural Language: Proceedings of a Workshop Held at Harriman, 1992*, pp. 233–237.
  7. Hauer B., Luan Y., Kondrak G. You shall know the most frequent sense by the company it keeps. *13th International Conference on Semantic Computing (ICSC), 2019*, pp. 208–215.
  8. Hristea F., Colhon M. The long road from performing word sense disambiguation to successfully using it in information retrieval: An overview of the unsupervised approach. *Computational Intelligence, 2020*, v. 36, № 3, pp. 1026–1062.
  9. Kirillovich A., Loukachevitch N., Kulaev M., Bolshina A., Ilvovsky D. Sense-Annotated Corpus for Russian. *Proceedings of the 5th International Conference on Computational Linguistics in Bulgaria, 2022*, pp. 130–136.
  10. Krovetz R. More than one sense per discourse // NEC Princeton NJ Labs., Research Memorandum. 1998. V. 23.
  11. Loukachevitch N., Mischenko N. Evaluation of approaches for most frequent sense identification in Russian. *7th International Conference, AIST 2018, Springer 2018*, pp. 99–110.
  12. Loukachevitch N., Lashevich G., Gerasimova A., Ivanov V., Dobrov V. Creating Russian WordNet by conversion. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference "Dialogue", 2016*, pp. 405–415.
  13. Martinez D., Agirre E. One Sense per Collocation and Genre/Topic Variations. *2000 Joint SIGDAT Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing and Very Large Corpora, 2000*, pp. 207–215.
  14. Maru M., Scozzafava F., Martelli F., Navigli R. SyntagNet: Challenging supervised word sense disambiguation with lexical-semantic combinations. *Proceedings of the 2019 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, 2019*, pp. 3534–3540.
  15. Miller G.A. WordNet: An electronic lexical database. *MIT press, 1998*.
  16. Preiss J., Dehdari J., King J., Mehay D. Refining the most frequent sense baseline. *Proceedings of the Workshop on Semantic Evaluations: Recent Achievements and Future Directions, 2009*, pp. 10–18.
  17. Rapp R. Utilizing the One-Sense-per-Discourse Constraint for Fully Unsupervised Word Sense Induction and Disambiguation. *LREC, 2004*.
  18. Tang G., Sennrich R., Nivre J. An Analysis of Attention Mechanisms: The Case of Word Sense Disambiguation in Neural Machine Translation. *Proceedings of the Third Conference on Machine Translation: Research Papers, 2018*, pp. 26–35.
  19. Yarowsky D. One sense per collocation. *Proceedings of the workshop on Human Language Technology, 1993*, pp. 266–271.
  20. Yarowsky D. Unsupervised word sense disambiguation rivaling supervised methods. *33rd annual meeting of the association for computational linguistics, 1995*, pp. 189–196.

Поступила в редакцию 10.05.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 07.11.2023

Received 10.05.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 07.11.2023

ОБ АВТОРАХ

Зарипова Диана Александровна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; diana.ser.sar96@gmail.com

Лукашевич Наталья Валентиновна — доктор технических наук, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ; louk_nat@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Diana Zaripova — PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; diana.ser.sar96@gmail.com

Natalia Loukachevitch — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; louk_nat@mail.ru

COLLOQUIALISMS AS MANIPULATION TOOLS IN ENGLISH BUSINESS MEDIA DISCOURSE

Elena N. Malyuga

RUDN University, Moscow, Russia; malyuga-en@rudn.ru

Valentina Budinčić

Alpha BK University, Belgrade, Serbia; vvalentinab@yahoo.com

Elena I. Madinyan

RUDN University, Moscow, Russia; madinyan-ei@rudn.ru

Abstract: This research undertakes an explorative study into the manipulative potential of colloquialisms within the discourse of English-language business media. The premise of the research is grounded in the increasing infiltration of informal language into formal business media, postulating that such usage can be attributed to the manipulative capacity of colloquialisms. The study aims to answer critical questions such as the role of manipulative rhetoric in business media discourse, how colloquialisms can act as potent tools for manipulation, and the specific functions of these colloquialisms in their manipulative capacity. A quantitative linguistic analysis was performed on a corpus of 100 tokens of colloquialisms, sourced from leading business publications. The results revealed four main functions of colloquialisms: creating vivid imagery (45%), eliciting emotional responses (25%), creating a sense of familiarity (20%), and building rapport (10%). The implications of this research are substantial, as it unravels the strategic use of language in media discourse, thereby contributing to a deeper understanding of linguistic manipulation. The findings also offer avenues for further research in the evolving field of media discourse manipulation, particularly in the context of business communication.

Keywords: colloquialism; business media discourse; linguistic manipulation; manipulative potential; functional analysis

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-5

Funding: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation Project No. 23-28-00505 “Manipulative rhetoric in modern English business media discourse: the functional pragmatic analysis”.

For citation: Malyuga E.N., Budinčić V., Madinyan E.I. (2023) Colloquialisms as Manipulation Tools in English Business Media Discourse. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 52–68.

КОЛЛОКВИАЛИЗМЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ МАНИПУЛЯЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ БИЗНЕС-МЕДИА

Е.Н. Малюга

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва,
Россия; malyuga-en@rudn.ru*

В. Будинчич

Университет Альфа БК, Белград, Сербия; vvalentinab@yahoo.com

Е.И. Мадиян

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва,
Россия; madiyan-ei@rudn.ru*

Аннотация: В статье исследуется манипулятивный потенциал коллоквиализмов в дискурсе англоязычных бизнес-медиа. Согласно гипотезе исследования, неформальные языковые средства все чаще используются в текстах формальных деловых СМИ, что объясняется потенциалом коллоквиализмов как манипулятивных языковых инструментов. Целью исследования является поиск ответов на наиболее актуальные вопросы, связанные с ролью манипулятивной риторики в дискурсе деловых СМИ, эффективностью коллоквиализмов как действенных инструментов манипуляции, а также конкретными функциями коллоквиализма как средства воздействия. Количественный лингвистический анализ был проведен на базе корпуса, состоящего из 100 коллоквиализмов, найденных в текстах ведущих деловых изданий. В соответствии с результатами исследования, в работе выделяются четыре основные функции коллоквиализмов: создание ярких образов (45 %), провоцирование эмоциональных реакций (25 %), стимулирование чувства близости между автором и читателем (20 %) и построение взаимопонимания (10 %). Результаты исследования могут найти широкое применение, поскольку оно раскрывает стратегическое использование языка в медиадискурсе, тем самым способствуя более глубокому пониманию языковой манипуляции. Полученные результаты также открывают возможности для проведения дальнейших исследований в развивающейся области манипулирования в текстах медиадискурса, особенно в контексте делового общения.

Ключевые слова: коллоквиализм; дискурс бизнес-медиа; языковая манипуляция; манипулятивный потенциал; функциональный анализ

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке проекта Российского научного фонда № 23-28-00505 «Манипулятивная риторика в современном английском бизнес-медийном дискурсе: функционально-прагматический анализ».

Для цитирования: Малюга Е.Н., Будинчич В., Мадиян Е.И. Коллоквиализмы как инструменты манипуляции в англоязычном дискурсе бизнес-медиа // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 52–68.

1. INTRODUCTION

The increasing prevalence of colloquialisms within English business media discourse presents an intriguing linguistic phenomenon warranting scholarly exploration. Colloquialisms, traditionally understood as informal language tokens often reflective of regional vernacular, are increasingly seeping into the formal and globally oriented domain of English business media discourse. This development could be linked to the strategic value of colloquialisms as manipulation tools designed to exert influence over audiences, shape perceptions, and subtly guide behavior. Thus, the study intends to investigate the manipulative potential of colloquialisms within English business media discourse.

While previous research has acknowledged the manipulation capabilities of rhetoric in media discourse, the unique properties of colloquialisms, and their specific functional capacity in business media remain underexplored. This paper aims to bridge this gap by defining the role of manipulative rhetoric in English business media discourse, ascertaining the potential of colloquialisms as manipulation tools, and analyzing the functions of colloquialisms in English business media discourse in the context of their manipulative potential. To that end, the study shall focus on English-language periodicals dealing with business issues, offering a wide range of examples and perspectives.

2. THEORETICAL BACKGROUND

Media discourse, encompassing domains such as news reporting, commentary, entertainment, and advertising [Romanova, Smirnova 2019], offers an extensive platform for sociolinguistic investigation and multidisciplinary exploration. While it plays a pivotal role in informing and educating audiences, it also harbors the potential for manipulation.

Media discourse has been subjected to extensive scrutiny since the 1990s, with numerous studies exploring language usage from various perspectives. Key studies have delved into overarching aspects of media discourse [Fairclough 1995; Talbot 2007; Wodak, Meyer 2009], while others have focused on specific facets such as its intersection with elite discourse and racism [Van Dijk 1993], political discourse [Murashova 2021], language and control [Lewis 2019], cognition [Grishechko 2023], modern culture [Popova 2018], media speech [Dobrosklonskaya 2020; Ksenzenko, Mendzheritskaya 2021], and academia [Malyuga, Grishechko 2021].

Business communication became a focal point of academic interest in the latter half of the 20th century, with research gradually transitioning from language description to the exploration of language within its contextual framework. The concept of Business Linguistics was proposed in 2010, and it was defined as a field investigating the role and function

of language within a business context, with an emphasis on identifying manipulative mechanisms [Daniushina 2010; Nazarova 2022].

Manipulation, particularly through linguistic and para-linguistic means, has been a longstanding subject of interest. For example, studies by Dykstra [2019], Koller [2005], and Dubrovskaya and Yuskaeva [2022] explored the manipulative potential of language in varying contexts. Akopova [2023], and Bezrukov and Vshachkova [2023] further investigated the expressive, persuasive, and trust-establishing mechanisms within professional discourse.

Overall, existing literature suggests that manipulation, whether explicit or implicit, is integral to business communication.

The term ‘colloquialism’ refers to a type of informal language that is characteristic of casual conversations. It is often conflated with ‘slang’, both referring to stylistically marked types of language use. However, colloquialisms extend beyond informal contexts and have become a common feature of media discourse, contributing to accessibility, informality, and familiarity of the content. They are often used as a tool to sensationalize stories, influence public perception, and ultimately serve a manipulative purpose [Peluso 2021].

In contrast, ‘manipulation’ generally denotes a clever or dishonest attempt to influence or control someone’s behavior [Akopova 2016]. Linguistic research identifies manipulation as intentional, covert efforts by a speaker to elicit specific responses from the audience to benefit themselves [Grishechko, Akopova 2016].

Mass media exerts cognitive, affective, and behavioral effects on audiences through the manipulation of information, facilitated by methods such as the creation of polysemantic structures, the use of varying title sizes, styles, and placements.

Colloquialisms contribute to these manipulative efforts. When inserted into formal discourse, they can establish trust and rapport, and serve as manipulative linguistic strategies. Previous research has hinted at the manipulative potential of colloquialisms [Malyuga, Orlova 2016], though none has explicitly focused on colloquialisms as a tool of manipulation in business media discourse. However, studies such as those by Gutiérrez [2015] and Malyuga and McCarthy [2020] have implicitly explored this potential, highlighting the role of stereotypes, metaphors, idioms, and euphemisms in shaping perceptions and relationships.

3. MATERIAL AND METHODS

3.1. Data collection

The initial phase of the research involved the collation of a representative sample of English-language periodicals with a focus on business

issues. From these periodicals, articles were randomly selected, ensuring a blend of various article types such as news reports, opinion pieces, and editorials. This stratagem was employed to ensure the broadest possible representation of discourse styles in business media. Subsequently, within each selected article, instances of colloquial language were identified and marked for further analysis.

3.2. Data analysis

Following the compilation of data, a content analysis of the chosen articles was conducted, with the identified colloquialisms constituting the unit of analysis. Each colloquialism was categorized according to its perceived function within the text. These functions were sorted into classifications such as creating familiarity with the audience, appealing to emotions, and establishing rapport with the reader.

Additionally, the frequency of each type of colloquialism employed in the selected articles was calculated. This information was subsequently subjected to statistical analysis, aimed at discerning any significant patterns or trends. Such analysis serves to elucidate the prevalence of certain colloquial functions and their propensity for use in various types of articles.

3.3. Procedures

The research process was undertaken systematically, beginning with the collection of a diverse sample. This comprised 50 English-language periodicals focusing on business-related themes. From this broad range of resources, a diverse array of 20 articles was randomly selected. This assortment was intentional to ensure a mix of article types and thus a wide representation of discourse styles within the business media realm.

Following this selection, a meticulous examination of each article was performed. A key part of this phase was the marking of instances where colloquial language was utilized. This allowed for a targeted analysis of the colloquialisms within the business discourse context. The resulting dataset comprised 100 tokens eligible for analysis.

The next stage was the development of a coding scheme for these identified colloquialisms. This scheme accounted for various categories based on the colloquialism's function within the text, facilitating a detailed and structured functional linguistic analysis.

The identified colloquialisms were then coded according to this established scheme, providing a systematic way to compare and contrast usage across the selected articles. Concurrently, the frequency of each type of colloquialism used within these articles was calculated. This quantitative approach contributed to a better understanding of the prevalence and role of colloquialisms in business media discourse.

Finally, the resulting data from the analysis was interpreted, allowing for meaningful conclusions to be drawn regarding the manipulative potential of colloquialisms in the context of English business media discourse. This comprehensive procedure ensured an in-depth and robust exploration of the research questions posed in this study.

4. STUDY RESULTS

The following analysis outlines the functional impact of colloquialisms in English-language business periodicals, including renowned publications such as *The Guardian*, *Forbes*, and the *Harvard Business Review*. A comprehensive review of articles categorized under headings such as Business, Economy, Markets, and Opinion columns provides evidence of diverse functional roles colloquialisms play, contributing significantly to a manipulative effect on readers.

The study has identified four primary functional categories labelled as “creating vivid imagery”, “appealing to emotion”, “creating a sense of familiarity”, and “building rapport”. These functions serve to enhance the communicative effect, rendering the business news more vibrant, memorable, and persuasive. A systematic analysis of the selected examples has also revealed their linguistic composition covering a diverse range of verbs, phrasal verbs, adjectives, nouns, and phrases replete with emotional and evaluative connotations.

4.1. Creating vivid imagery

The most prevalent function of colloquialisms found in our study was the creation of vivid images in the reader’s mind. This function was observed in 45 instances (45%) out of a total of 100 analyzed tokens. Authors frequently utilized colloquialisms to engage the readers’ imagination and paint a clear and precise picture of the intended message.

For example, in “*The decision comes ahead of the annual NATO summit in Vilnius next week and at a critical time for the alliance and European security*” [Hart 2023], the phrasal verb ‘to come ahead of’ implies that the unfolding scenario is progressing rapidly. This usage facilitates the construction of a compelling narrative image of continuous movement, subtly reassuring readers that proactive steps are underway in preparation for the upcoming summit.

In “*It may feel incredibly challenging to decline a more powerful colleague’s request. But in any interaction, a framing effect takes place where each party is sizing up who has more power and influence*” [Chhaya 2023], the author employs the phrasal verb ‘to size up’, which is derived from an explicit metaphor. This usage creates a tangible image of a power struggle, highlighting the intense competitiveness within professional environ-

ments, further emphasized by the keywords ‘challenging’, ‘power’, and ‘influence’.

In *“This colleague would frequently cite her interactions with their shared boss as a way of justifying her power and drop their name while making requests that purely served her”* [Chhaya 2023], the idiom ‘to drop names’ is used to underline the importance of workplace connections. It conjures up an image of casually using influential names to one’s advantage, thereby rendering this phrase a powerful tool for creating mental imagery.

In *“The stock market was admirably brutal with companies such as Serco: it whacked the share price down 90%, thereby inflicting necessary pain on owners; it forced management change; then it became possible to raise funds”* [Pratley 2023], the colloquial verb ‘to whack’ amplifies the dramatic plummet of the share price. The use of this verb creates a tangible picture of a heavy blow, facilitating the reader’s understanding of the severity of the situation.

In *“There are signs that many buyers are opting for variable-rate mortgages in the hope that the Bank of England will take its foot off the brake once inflation starts to come down”* [Elliott 2023], the idiom ‘to take one’s foot off the brake’ is used to evoke a vivid picture of acceleration or ease of restrictions. By juxtaposing it with ‘to come down’, the author employs antithesis to compare the banking procedures with the automotive industry, emphasizing speed and precision.

Finally, in *“Warren Hogan, an economist at Judo Bank who predicted Tuesday’s pause, reckons Australia’s rates remain ‘out of whack’ with overseas counterparts. One reason is the surge of migration that will shoehorn in more than 700,000 people”* [Hannam 2023], the verb ‘to shoehorn’ conjures up the image of squeezing into tight shoes. This colloquial usage creates a vivid mental picture of the influx of immigrants being squeezed or forced into an already tight space.

The most notable examples of colloquialisms categorized as fulfilling the function of creating vivid imagery for manipulative purposes include: ‘come ahead of’, ‘size up’, ‘drop names’, ‘whack the share price’, ‘take one’s foot off the brake’, ‘out of whack’, ‘shoehorn in’, ‘sink or swim’, ‘cut to the chase’, ‘tipping point’, ‘in the driver’s seat’, ‘in the red’, ‘level playing field’, ‘break the ice’, ‘ride the wave’.

4.2. Appealing to emotion

Colloquialisms also served as a powerful tool to elicit emotional responses from the readers. We identified this function in 25 instances (25%). Authors manipulated emotions to sway readers’ sentiments in certain directions.

In the sentence, *“Jens Stoltenberg will lead NATO for another year after member states agreed to extend his term for the fourth time, according to*

a statement on the alliance’s website, giving leaders time to rally around a successor and offering stability at a key and testing time for the alliance” [Hart 2023], the use of the phrasal verb ‘to rally around’ — which implies unity or gathering for a cause — elicits a strong emotional response. Traditionally applied in contexts associated with protests or fights for rights, it here suggests positive connotations, invoking an image of staunch support for a leader amid uncertain times. The use of this colloquial phrase leverages emotional appeal to enhance the perceived solidarity within the alliance.

The phrase “*It’s not happening. Mondays and Fridays are dead*” [Kollewe 2023] uses the colloquial lexical unit ‘dead’ to mean unprofitable, silent, or void of activity. Such language, used to express lack of business, is designed to evoke strong negative emotions, painting a vivid picture of a failing economic environment. This emotionally charged language creates a palpable sense of bleakness, magnifying the situation’s gravity.

In the statement, “*HSBC will ditch its 45-floor skyscraper at 8 Canada Square when the lease expires in 2027 and move to an office near St Paul’s Cathedral that’s roughly half the size, following in the footsteps of other companies such as the law firm Clifford Chance*” [Kollewe 2023], the verb ‘to ditch’ is employed to dramatize the act of HSBC leaving its skyscraper headquarters. This informal lexical unit, typically indicating a deliberate action out of annoyance, conveys a sense of finality and detachment, thus generating a powerful emotional impact on the reader.

Finally, the phrasal verb ‘to shake off’ used in “*the decision says a lot about demand for office space post-pandemic, and the sterile perception of Canary Wharf that the developer’s management is desperately trying to shake off*” [Kollewe 2023] further emphasizes the negative emotional implications. This colloquial phrase is often associated with unpleasant elements that one wishes to discard; hence it underscores the management’s fervent desire to alter Canary Wharf’s unfavorable perception. This choice of language contributes to the emotional resonance of the piece, demonstrating the effectiveness of colloquial language in conveying the sentiment of an organization or situation.

The most notable examples of colloquialisms categorized as fulfilling the function of appealing to emotion for manipulative purposes include: ‘jump to the rescue’, ‘pull strings’, ‘hold your horses’, ‘keep your cool’, ‘stab in the back’, ‘hot under the collar’, ‘bend over backwards’, ‘spill the beans’, ‘close to the chest’, ‘twist the knife’, ‘wear your heart on your sleeve’, ‘turn a blind eye’, ‘have a bone to pick’, ‘pull the rug’, ‘bite the bullet’.

4.3. Creating a sense of familiarity

Creating a sense of familiarity with the audience was another significant function of colloquialisms observed in the data. This occurred in 20

instances (20%). Authors were able to make their texts more relatable by employing common phrases or idioms familiar to the target readership. This allowed them to establish a common ground and ensure their message resonated more deeply.

The phrasal verb ‘to be lined up’ in the example *“His first mandate was extended owing to strong support from key powers like Washington, London, Berlin and Paris and it was extended again in 2019 and 2022 — when he already had a job lined up at Norway’s central bank”* [Hart 2023] serves to induce familiarity in the reader. The verb ‘line’, which is universally understood, serves to create an image of a job waiting in the wings. The author’s utilization of this colloquialism draws a parallel between the operations of an entity as complex as NATO and the reader’s routine tasks, thus making the process seem more relatable and personal. This functional use of the colloquialism serves to bridge the perceptual gap between the reader’s daily life and the workings of an international organization, thereby increasing the accessibility and familiarity of the content.

The phrase ‘to be privy to the chatter’ in *“One of my clients was an SVP at a technology company who was privy to the chatter across the organization about the CEO’s lack of decisiveness and how it was creating confusion for employees and teams”* [Chhaya 2023] serves a similar purpose. The underlying humor here lies in the juxtaposition of the exclusive connotation of ‘being privy’ with the ubiquitous ‘chatter across the organization’. This subtle incongruity helps to create a bond with the reader by using the colloquial ‘chatter’ that resonates with everyday life experiences.

Another example *“When your colleague asks you that oft-repeated question, ‘Why should we hire you for this job?’ your first instinct may be to prove your value to their satisfaction, even though you and they know that most everyone is applying for jobs because of the reorganization, not because they wanted to try something new”* [Chhaya 2023] illustrates the use of contraction to instill familiarity. ‘Oft’ here is part of the compound adjective ‘oft-repeated’. The contraction technique aligns with the colloquial language economy rule, which resonates in contexts where repetition is frequent. It effectively mirrors a familiar speech pattern, fostering an informal, relatable atmosphere within the formal structure of business discourse.

The most notable examples of colloquialisms categorized as fulfilling the function of creating a sense of familiarity for manipulative purposes include: ‘the ball is in your court’, ‘bite off more than you can chew’, ‘break a leg’, ‘burning the midnight oil’, ‘the elephant in the room’, ‘getting cold feet’, ‘in the same boat’, ‘kill two birds with one stone’, ‘last straw’, ‘miss the boat’, ‘no-brainer’, ‘off the record’, ‘on the back burner’, ‘peas in a pod’, ‘step up your game’.

4.4. Building rapport

In 10 instances (10%), colloquialisms were employed to build rapport with the reader. Here, authors used colloquial phrases in ways that mimicked direct conversation with the reader, thereby fostering a sense of dialogue and connection.

In “*So, the next time you sense your colleague is overly exerting their power over you (for instance, making another last-minute request even though they have been inaccessible for yours), it may be a good idea to not immediately drop what you’re doing and jump to the rescue*” [Chhaya 2023], an antithesis is formed by contrasting the actions of discontinuing (‘to drop’) and initiating (‘to jump to’). This direct appeal to the readers helps them imagine themselves in the described scenario, thereby building a connection and enhancing the manipulative effect of the text.

In the example, “*I worked with a leader who struggled to be seen as a ‘strategic’ executive and was continuously downplayed for higher level roles by HR when succession planning discussions took place. But in truth, he was quite innovative and eager to contribute to more forward-looking aspects of the business; it was because he was so good at operational execution that HR and his boss didn’t want to rock the boat through a promotion*” [Chhaya 2023], the idiom ‘to rock the boat’ is employed. This vivid metaphor compares the impact of organizational decisions to a boat being disturbed by a storm. The use of personal pronouns and anecdotal evidence from the author’s own experience helps establish rapport with the reader, making the overall message more relatable and memorable.

In the sentence, “*Instead, take a beat and say something like, ‘Actually, I’m not sure you should hire me just yet. I’d like to explore if there’s a mutual fit between my experience and your vision of where this team is going’*” [Chhaya 2023], the idiomatic phrase ‘to take a beat’ prompts the reader to pause and reflect. Used in the imperative mood, this colloquialism directly addresses the reader, creating an emotional bond and persuasively guiding them towards a particular course of action, further fostering a sense of connection between the author and the reader.

The most notable examples of colloquialisms categorized as fulfilling the function of building rapport for manipulative purposes include: ‘take a beat’, ‘rock the boat’, ‘touch base’, ‘shoot the breeze’, ‘call the shots’, ‘get the ball rolling’, ‘go the extra mile’, ‘in the same boat’, ‘jump on the bandwagon’, ‘keep someone in the loop’, ‘lend a hand’, ‘make a long story short’, ‘not beat around the bush’, ‘pull someone’s leg’, ‘take it with a grain of salt’.

5. DISCUSSION

The findings from the above research illuminate the multifaceted manipulative potential of colloquialisms found in business media discourse, showcasing colloquial expressions as versatile linguistic tools,

impacting readers' perceptions, attitudes, and decision-making processes in diverse ways.

Colloquialisms, as observed in our study, play an important role in crafting persuasive messages by evoking vivid mental images. Semantic richness, inherent in colloquial expressions, adds layers of meaning that resonate with readers and boost the message's manipulative potential. For instance, the phrase 'to come ahead of' implies a sense of urgency and priority, whereby readers are influenced to prioritize the mentioned event or decision without the need for explicit instructions. The art of persuasion through colloquialisms lies in this ability to communicate intentions while maintaining a degree of subtlety, relying on the reader's capacity to infer implied meanings. The figurative language used in colloquialisms, such as metaphors and idioms, goes beyond literal descriptions, creating persuasive imagery that captures attention and strengthens the overall impact of the discourse. Additionally, contextual appropriateness ensures that colloquialisms fit seamlessly into the discourse, making the language appear natural and credible to readers. All these factors collectively illustrate how colloquialisms wield manipulative potential through the creation of persuasive imagery.

Moving beyond imagery, colloquialisms serve as powerful tools to elicit emotional responses from readers. The examples provided in our study demonstrate how colloquial expressions can evoke strong emotional reactions. For instance, the use of 'to rally around' in the context of leadership extends an invitation for readers to emotionally invest in the portrayed unity. Emotions, as fundamental drivers of human behavior, have a significant influence on decision-making processes. Colloquialisms, by leveraging emotional appeal, can sway readers' sentiments and guide them towards the desired perspective or action.

Our study underscores how colloquialisms help authors establish a sense of familiarity with their audience. By employing common phrases or idioms familiar to the target readership, authors bridge the gap between formal discourse and everyday communication. This relatability builds a deeper connection with readers, making the message more relatable and memorable, for readers are more likely to engage with and be influenced by language that mirrors their daily interactions. For example, the colloquial expression 'to be privy to the chatter' resonates with readers familiar with office dynamics. This common workplace phrase not only adds familiarity but also conveys insider knowledge, creating a relatable atmosphere within the formal structure of business discourse. Colloquialisms, in this regard, facilitate a sense of familiarity that enhances the persuasive impact and, hence, the manipulative potential of the discourse.

In the realm of business discourse, colloquialisms are employed to build rapport with the reader as they mimic direct conversation, creating

a sense of dialogue and connection between the author and the reader. The use of personal pronouns and anecdotal evidence fosters rapport by making the message more relatable and memorable. For example, the use of 'you' creates a direct appeal to the reader, making them envision themselves in the described situation. This sense of connection enhances the persuasive influence of the discourse, as readers are more likely to be receptive to messages that resonate with them on a personal level.

Thus, the research demonstrates that colloquialisms are not merely linguistic quirks but strategic tools carrying subtle, yet powerful manipulative potential within business media discourse. Through the creation of vivid imagery, the elicitation of emotions, the establishment of familiarity, and the building of rapport, colloquialisms covertly manipulate readers' perceptions and guide their interpretations, attitudes, and decisions. Understanding these mechanisms can make us better equipped to recognize manipulative rhetoric in business media discourse.

6. CONCLUSION

This study aimed to uncover the nuanced usage of colloquialisms as a manipulative device within the discourse of business media. Revisiting our hypothesis, we postulated that the infusion of colloquial language into the English business media discourse could be substantially attributed to its latent manipulative potential. Central questions guided our exploration: what is the role of manipulative rhetoric in business media discourse? How do colloquialisms facilitate manipulation? And, importantly, what specific functions do colloquialisms perform within the scope of their manipulative power?

Study results reinforce the multi-faceted nature of colloquialisms in written discourse. Their usage transcends simple communication of meaning. Out of the total 100 tokens of colloquialisms analyzed, we found that 45% served to create vivid imagery, thus engaging readers' imagination and painting a detailed mental picture. Emotional appeal, identified in 25% of instances, played a substantial role, manipulating readers' feelings to guide their sentiments in the intended direction. Moreover, colloquialisms established a sense of familiarity in 20% of cases, making content more relatable and resonant for the target readership. The establishment of a dialogue and a sense of connection with the audience, which we categorize as building rapport, was observed in 10% of instances.

These findings not only elucidate the manipulative prowess of colloquialisms but also highlight their key functions in business media discourse, thereby offering a more subtle comprehension of how the fusion of formal and informal language styles shapes reader perception and response. This study contributes to the expanding field of linguistics and communication studies by providing a deeper understanding of the stra-

tegic use of language in shaping public opinion, thereby setting the stage for further explorations in the sphere of media discourse manipulation.

REFERENCES

1. *Akopova A.S.* Manipulation as a component of efficient communication // *The Humanities and Social Sciences*. 2016. № 6. P. 33–39. DOI: 10.18522/2070-1403-2016-59-6-21-25. EDN: YHCPDN.
2. *Akopova A.S.* Euphemism construction in English: thematic classification and statistical analysis // *Issues of Applied Linguistics*. 2023. № 50. P. 28–51. DOI: 10.25076/vpl.50.02. EDN: LFKHJA.
3. *Bezrukov V.A., Shachkova I.Yu.* Manipulations with objects in an altered state of consciousness and their nomination in stage remarks (on the material of the English language) // *Issues of Applied Linguistics*. 2023. № 50. P. 52–73. DOI: 10.25076/vpl.50.03. EDN: TDRIAK.
4. *Daniushina Y.V.* Business linguistics and business discourse // *Calidoscopio*. 2010. № 8 (3). P. 241–247. DOI: 10.4013/cld.2010.83.08.
5. *Dobrosklonskaya T.G.* Medialinguistics: modern trends in studying language in the media // *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. № 4. P. 26–38. EDN: GDKUAD.
6. *Dubrovskaya T.V., Yuskaeva E.I.* Language aggression in virtual professional communities // *Training, Language and Culture*. 2022. № 6 (4). P. 62–72. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72. EDN: DORTFW.
7. *Dykstra A.* Critical reading of online news commentary headlines: stylistic and pragmatic aspects // *Topics in Linguistics*. 2019. № 20 (2). P. 90–105. DOI: 10.2478/topling-2019-0011.
8. *Fairclough N.* Media discourse. London, 1995.
9. *Grishechko E.G.* Language and cognition behind simile construction: a Python-powered corpus research // *Training, Language and Culture*. 2023. № 7 (2). P. 80–92. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92. EDN: FDBRDZ.
10. *Grishechko O.S., Akopova A.S.* The concept of precedent phenomena and their role in shaping social consciousness // *Philological Sciences: Issues of Theory and Practice*. 2016. № 12-1 (66). P. 71–74. EDN: WYQOAD.
11. *Gutiérrez R.E.* Stereotypes in Czech phraseology: nations and ethnic groups // *Topics in Linguistics*. 2015. № 16. P. 17–28. DOI: 10.2478/topling-2015-0008.
12. *Koller V.* Designing cognition: visual metaphor as a design feature in business magazines // *Information Design Journal*. 2005. № 13 (2). P. 136–150. DOI: 10.1075/idjdd.13.2.07kol.
13. *Ksenzenko O., Mendzheritskaya E.* Contemporary media sphere from a linguocognitive viewpoint // *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*. 2021. № 5. P. 100–110. EDN: ORYVJQ.
14. *Lewis R.D.* The cultural imperative: global trends in the 21st century // *Training, Language and Culture*. 2019. № 3 (3). P. 8–20. DOI: 10.29366/2019tlc.3.3.1. EDN: HROBEW.
15. *Malyuga E.N., Grishechko E.G.* How to build the foundation for a successful research journal: Training, Language and Culture best practices // *Science Editor and Publisher*. 2021. № 6 (1). P. 48–58. DOI: 10.24069/2542-0267-2021-1-48-58. EDN: PSSVNS.
16. *Malyuga E.N., McCarthy M.* Non-minimal response tokens in English and Russian professional discourse: a comparative study // *Voprosy Jazykoznanija*. 2020. № 4. P. 70–86. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.70-86. EDN: LEQTVN.

17. *Malyuga E.N., Orlova S.N.* Teaching professional English terminology to students of economic universities // Proceedings of the 8th International Conference on Education and New Learning Technologies EDULEARN16. Barcelona: IATED, 2016. P. 7236–7241. EDN: WJOQML.
18. *Murashova E.P.* The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: an analysis of English-language political advertising // Training, Language and Culture. 2021. № 5 (2). P. 22–36. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36. EDN: NRDNHR.
19. *Nazarova T.B.* Special phraseology in business English vocabulary: forms and functions // Journal of Siberian Federal University. Humanities And Social Sciences. 2022. № 15 (12). P. 1908–1917. DOI: 10.17516/1997-1370-0545. EDN: GGCDFM.
20. *Popova K.V.* Persuasion strategy in online social advertising // Training, Language and Culture. 2018. № 2 (2). P. 55–65. DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.4. EDN: ZBEJRB.
21. *Peluso M.* The functional approach, semiotics and professional discourse // Training, Language and Culture. 2021. № 5 (2). P. 62–72. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-62-72. EDN: UAFUAF.
22. *Romanova I.D., Smirnova I.V.* Persuasive techniques in advertising // Training, Language and Culture. 2019. № 3 (2). P. 55–70. DOI: 10.29366/2019tlc.3.2.4. EDN: IHYCBA.
23. *Talbot M.* Media discourse: interpretation and interaction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
24. *Van Dijk T.A.* Elite discourse and racism. Newbury Park: Sage, 1993.
25. *Wodak R., Meyer M.* Critical discourse studies: a sociocognitive approach // Methods of critical discourse analysis. Thousand Oaks, 2009. P. 62–86.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Chhaya N. *4 Ways to Earn the Respect of a More Powerful Colleague*. Harvard Business Review. URL: <https://hbr.org/2023/07/4-ways-to-earn-the-respect-of-a-more-powerful-colleague> (accessed: 14.07.2023).
2. Elliott L. *Risks of UK housing crash rising by the day as fixed-rate mortgage deals end*. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/jul/04/risks-of-a-uk-housing-crash-rising-by-the-day-as-fixed-rate-mortgage-deals-end> (accessed: 8.07.2023).
3. Hannam P. *Enjoy it while you can: July's RBA rate pause is likely to be fleeting, unless a lot goes right*. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/jul/04/inflation-july-rba-interest-rate-pause-analysis> (accessed: 8.07.2023).
4. Hart R. *NATO extends Jens Stoltenberg's term as chief as allies remain divided over successor*. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/roberthart/2023/07/04/nato-extends-jens-stoltenbergs-term-as-chief-as-allies-remain-divided-over-successor/?sh=50e71da1221e> (accessed: 15.07.2023).
5. Kollwe J. *It has lost its appeal: Canary Wharf faces an uncertain future*. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/jul/05/it-has-lost-its-appeal-canary-wharf-faces-an-uncertain-future> (accessed: 10.07.2023).
6. Pratley N. *Private equity is failing water companies again. Get these firms back on the stock market*. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/nils-pratley-on-finance/2023/jul/05/the-best-way-to-save-thames-water-list-it-on-the-stock-market> (accessed: 10.07.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акопова А.С.* Манипуляция как компонент эффективной коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 33–39. DOI: 10.18522/2070-1403-2016-59-6-21-25. EDN: YHCPDN.
2. *Акопова А.С.* Формирование эвфемизмов в английском языке: Тематическая классификация и статистический анализ // Вопросы прикладной лингвистики. 2023. № 50. С. 28–51. DOI: 10.25076/vpl.50.02. EDN: LFKHJA.
3. *Безруков В.А., Шачкова И.Ю.* Манипуляции с предметами в измененном состоянии сознания и их номинация в авторских ремарках (на материале английского языка) // Вопросы прикладной лингвистики. 2023. № 50. С. 52–73. DOI: 10.25076/vpl.50.03. EDN: TDRIAK.
4. *Daniushina Y.V.* Business linguistics and business discourse // Calidoscopio. 2010. № 8 (3). P. 241–247. DOI: 10.4013/cld.2010.83.08.
5. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 26–38. EDN: GDKUAD.
6. *Dubrovskaya T.V., Yuskaeva E.I.* Language aggression in virtual professional communities // Training, Language and Culture. 2022. № 6 (4). P. 62–72. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72. EDN: DORTFW.
7. *Dykstra A.* Critical reading of online news commentary headlines: stylistic and pragmatic aspects // Topics in Linguistics. 2019. № 20 (2). P. 90–105. DOI: 10.2478/topling-2019-0011.
8. *Fairclough N.* Media discourse. London, 1995.
9. *Grishchko E.G.* Language and cognition behind simile construction: a Python-powered corpus research // Training, Language and Culture. 2023. № 7 (2). P. 80–92. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92. EDN: FDBRDZ.
10. *Гришечко О.С., Акопова А.С.* Понятие прецедентных феноменов и их роль в формировании социального сознания // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (66). С. 71–74. EDN: WYQOAD.
11. *Gutiérrez R.E.* Stereotypes in Czech phraseology: nations and ethnic groups // Topics in Linguistics. 2015. № 16. С. 17–28. DOI: 10.2478/topling-2015-0008.
12. *Koller V.* Designing cognition: visual metaphor as a design feature in business magazines // Information Design Journal. 2005. № 13 (2). С. 136–150. DOI: 10.1075/idjdd.13.2.07kol.
13. *Ксензенко О., Менджерницкая Е.* Лингвокогнитивные вопросы изучения современной медиасферы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 5. С. 100–110. EDN: ORYVJQ.
14. *Lewis R.D.* The cultural imperative: global trends in the 21st century // Training, Language and Culture. 2019. № 3 (3). С. 8–20. DOI: 10.29366/2019tlc.3.3.1. EDN: HROBEW.
15. *Малюга Е.Н., Гришечко Е.Г.* Как построить фундамент успешного научного журнала: опыт Training, Language and Culture best practices // Научный редактор и издатель. 2021. № 6 (1). С. 48–58. DOI: 10.24069/2542-0267-2021-1-48-58. EDN: PSSVNS.
16. *Malyuga E.N., McCarthy M.* Non-minimal response tokens in English and Russian professional discourse: a comparative study // Voprosy Jazykoznanija. 2020. № 4. С. 70–86. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.70-86. EDN: LEQTVN.
17. *Malyuga E.N., Orlova S.N.* Teaching professional English terminology to students of economic universities // Proceedings of the 8th International Conference on Education and New Learning Technologies EDULEARN16. Barcelona: IATED, 2016. С. 7236–7241. EDN: WJOQML.

18. *Murashova E.P.* The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: an analysis of English-language political advertising // Training, Language and Culture. 2021. № 5 (2). С. 22–36. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36. EDN: NRDNRH.
19. *Nazarova T.B.* Special phraseology in business English vocabulary: forms and functions // Journal of Siberian Federal University. Humanities And Social Sciences. 2022. № 15 (12). С. 1908–1917. DOI: 10.17516/1997-1370-0545. EDN: GGCFDM.
20. *Popova K.V.* Persuasion strategy in online social advertising // Training, Language and Culture. 2018. № 2 (2). С. 55–65. DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.4. EDN: ZBEJRB.
21. *Peluso M.* The functional approach, semiotics and professional discourse // Training, Language and Culture. 2021. № 5 (2). С. 62–72. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-62-72. EDN: UAFUAF.
22. *Romanova I.D., Smirnova I.V.* Persuasive techniques in advertising // Training, Language and Culture. 2019. № 3 (2). С. 55–70. DOI: 10.29366/2019tlc.3.2.4. EDN: IHYCSBA.
23. *Talbot M.* Media discourse: interpretation and interaction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
24. *Van Dijk T.A.* Elite discourse and racism. Newbury Park: Sage, 1993.
25. *Wodak R., Meyer M.* Critical discourse studies: a sociocognitive approach // Methods of critical discourse analysis. Thousand Oaks, 2009. P. 62–86.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. Chhaya N. *4 Ways to Earn the Respect of a More Powerful Colleague*. Harvard Business Review [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr.org/2023/07/4-ways-to-earn-the-respect-of-a-more-powerful-colleague> (дата обращения: 14.07.2023).
2. Elliott L. *Risks of UK housing crash rising by the day as fixed-rate mortgage deals end*. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/jul/04/risks-of-a-uk-housing-crash-rising-by-the-day-as-fixed-rate-mortgage-deals-end> (дата обращения: 8.07.2023).
3. Hannam P. *Enjoy it while you can: July's RBA rate pause is likely to be fleeting, unless a lot goes right*. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/jul/04/inflation-july-rba-interest-rate-pause-analysis> (дата обращения: 8.07.2023).
4. Hart R. *NATO extends Jens Stoltenberg's term as chief as allies remain divided over successor*. Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/roberthart/2023/07/04/nato-extends-jens-stoltenbergs-term-as-chief-as-allies-remain-divided-over-successor/?sh=50e71da1221e> (дата обращения: 15.07.2023).
5. Kollwe J. *It has lost its appeal: Canary Wharf faces an uncertain future*. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/jul/05/it-has-lost-its-appeal-canary-wharf-faces-an-uncertain-future> (дата обращения: 10.07.2023).
6. Pratley N. *Private equity is failing water companies again. Get these firms back on the stock market*. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/business/nils-pratley-on-finance/2023/jul/05/the-best-way-to-save-thames-water-list-it-on-the-stock-market> (дата обращения: 10.07.2023).

Поступила в редакцию 27.07.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 07.11.2023

Received 27.07.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 07.11.2023

ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Malyuga — Prof., Dr., Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, RUDN University, Russia; malyuga-en@rudn.ru

Valentina Budinčić — Prof., Dr., Dean of the Faculty of Foreign Languages, Alpha BK University, Serbia; vvalentinab@yahoo.com

Elena I. Madinyan — PhD, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, RUDN University, Russia; madinyan-ei@rudn.ru

ОБ АВТОРАХ

Малюга Елена Николаевна — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия; malyuga-en@rudn.ru

Будинчич Валентина — д.ф.н., профессор, декан факультета иностранных языков, Университет Альфа БК, Сербия; vvalentinab@yahoo.com

Мадинян Елена Игоревна — к.ф.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия; madinyan-ei@rudn.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ ТЕРМИНОЛОГИИ МОРАЛИ ДЖОНА ЛОККА ЧАСТЬ 2

Л.А. Манерко, А.А. Шарапкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; wordfnew@mail.ru*

Аннотация: Данная работа направлена на изучение того, как именно английский философ Джон Локк формирует терминологию для описания системы философии морали. В основе данной концептуальной системы лежит описание принципов, законов и основ морали, которые использованы Локком в опоре на традиции, существовавшие в религиозных текстах в предшествующие два столетия. Кроме того, он не использует понятие врожденных идей, а пытается описать простые и сложные идеи на основе ощущений, восприятий и других психологических терминов. Однако мы наблюдаем значимые смещения концептуальных доминант, происходящие в тексте Локка. Термин «концептуальная доминанта» использован в статьях по когнитивно-дискурсивной лингвистике. В статье подробно изучено понятие концептуальной доминанты применительно к философии и терминологии морали Локка. Данное понятие позволяет рассматривать появление новой точки зрения на человеческое знание о мире, что связано с его осмыслением под влиянием социально-культурных факторов, которые способны вывести на передний план определенные концептуальные характеристики в семантике языковых единиц в процессе коммуникации. В дискурсе Локка выделены ряд метафор, которые также помогают понять, как ученый описывает процессы восприятия и понимания, среди них ЛИНИЯ, ПЛОСКОСТЬ, КОНТЕЙНЕР, которые помогают описать терминологию морали. Но мы можем наблюдать, что ученый особое внимание обращает на восприятие мира и объектов, располагающиеся в нем, которые становятся ИСТОЧНИКАМИ знания (“fountains of knowledge”), а также сердце, душу, понимание человека. В своем описании он опирается на образы, известные его современникам.

Ключевые слова: Джон Локк; научный дискурс; философия морали; феномен моральной ответственности; концептуальный анализ; когнитивная лингвистика; корпусная лингвистика; исследования метафоры

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-6

Финансирование: Работа поддержана грантом Российского научного фонда № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности».

Для цитирования: Манерко Л.А., Шарapkova A.A. Концептуальные доминанты терминологии морали Джона Локка. Часть 2 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 69–80.

CONCEPTUAL DOMINANTS OF JOHN LOCKE'S MORAL TERMINOLOGY PART 2

L.A. Manerko, A.A. Sharapkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; wordfnew@mail.ru

Abstract: This work aims to explore the ways the English philosopher John Locke shapes the terminology for describing the system of morality in philosophy. Terminology for presenting the principles, laws, and foundations of morality is chosen with respect to tradition of religious texts of the previous two centuries. Moreover, he does not use the concept of innate ideas, but tries to describe simple and complex ideas based on sensations, perceptions, and other psychological notions. However, we observe significant shifts in conceptual dominants that occur in Locke's text. The term 'conceptual dominant' being used in cognitive linguistics studying discourse is applied to *Essay Concerning Human Understanding*. The article examines in detail the concept of conceptual dominance in relation to Locke's philosophy and terminology of morality. This concept allows us to consider the emergence of a new point of view on human knowledge about the world, which is associated with its comprehension under the impact of socio-cultural factors that can bring to the fore certain conceptual characteristics in the semantics of language units in the process of communication. In Locke's discourse, a number of metaphors are highlighted that also help to understand how a scientist describes the processes of perception and understanding, among them LINE, PLANE, CONTAINER are highlighted, which help to describe the terminology of morality. We can observe that the scientist pays special attention to the perception of the world and the objects located in it, which become the SOURCES of knowledge ("fountains of knowledge"), as well as the heart, soul, understanding of a person. In his description, he relies on images known to his contemporaries.

Keywords: John Locke; scientific discourse; moral philosophy; phenomenon of moral responsibility; conceptual analysis; cognitive linguistics; corpus linguistics; metaphor studies

Funding: This work is supported by the Russian Science Foundation, the grant № 21-78-10044 "Phenomenon of moral responsibility".

For citation: Manerko L.A., Sharapkova A.A. (2023) Conceptual Dominants of John Locke's Moral Terminology. Part 2. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 69–80.

IV. Смещение концептуальных доминант в восприятии морали и новая терминология Джона Локка

Рассмотренные в первой части исследования представления о сознании, памяти и принципах мышления создают именно ту концептуальную рамку, на основе которой строится осмысление морали и моральной ответственности у Дж. Локка (1632–1704).

В данной части мы попытаемся понять, что именно в английском тексте Локка «Опыт о человеческом разумении» (*Essay Concerning Human Understanding*, 1689) следует рассматривать в качестве основных составляющих его философии морали и как эти положения соотносены с представлениями, которые, с одной стороны, продолжали традиции прошлого, а с другой — стали научными открытиями своего времени. Более того, новое понимание философских проблем в труде Локка оказало огромное воздействие на его современников на концептуальном уровне: “he changed their ways of thinking” [Cranston 1957: 482].

Новизна исследовательского подхода определяется использованием понятия и методологии выделения «концептуальной доминанты». Данное понятие позволяет описывать обновление человеческого знания о мире в связи с перекатегоризацией знания и смещением некоторых оттенков смысла лексем под влиянием социальных и культурных факторов, которые способны профилировать определенные концептуальные характеристики в процессе коммуникации. Концептуальная доминанта служит «точкой роста сложного и многоуровневого концепта, который приводит к смене системы ценностей и перестроению концептосферы культуры, отталкиваясь теперь от происходящих в языке процессов» [Шарапкина 2018: 606]. В отличие от когнитивных доминант как явления более высокого уровня организации речевого взаимодействия посредством принципа доминантности в целом [Болдырев, Григорьева 2018; Болдырев 2019], в нашей работе речь идет о выделении определенной характеристики внутри отдельно взятой концептуальной системы. В качестве такой системы выступают человеческие представления, их восприятие и понимание, которые входят в понимание системы философии и терминологии морали в работе Джона Локка.

Идеи морали, будучи сложными ментальными конструктами, создаются человеком на основе результатов философского размышления и в процессе коммуникации с другими индивидами, что связано с поиском истин в соответствии с осмыслением собственных потребностей и общественной полезности: *Moral principles require reasoning and discourse, and some exercise of the mind, to discover the certainty of their truth* [Locke 1999: 46]. К сложным идеям относятся

существование (Existence), знание (Knowledge), сила (Power), счастье (Happiness). Именно они больше всего подвержены изменению под влиянием культурно-исторических факторов. Видоизменяясь, формируется «больше всего сложных модусов вместе с данными им именами» [Локк 2022: 329]. Они приходят к человеку через воспитание на основе рассмотрения морально одобряемых или осуждаемых примеров поведения.

Эти сложные идеи в виде неписаных правил морали располагаются в сердце (HEART is a CONTAINER for complex ideas), в чем Локк даже не сомневается, «хотя нравственные правила и не написаны в сердцах людей...» [Локк 2022: 59]: *I doubt not but, without being written on their hearts* [Locke 1999: 51]. Первое противоречит не только традиционным для философии представлениям о врожденности идей, но и существовавшей религиозной традиции, где закон Божий записан именно в сердцах людей (ср. послание к Римлянам, глава 2). Заметим, что, как и *mind*, лексема *heart* получает описание согласно привычным ему метафорическим паттернам — это либо ПЛОСКОСТЬ для начертания, либо КОНТЕЙНЕР для хранения данных (последнее не было новаторством Локка, а характерно еще для древнеанглийского языка).

Сложные идеи многообразны, так как сюда относятся восприятие, мышление, сомнение, вера, рассуждение, знание, воля и другие действия. Квинтэссенцией выступает разум или разумение (понимание), которое является «самой возвышенной способностью души» человека: *the understanding — who does not know that, as it is the most elevated faculty of the soul* [Locke 1999: 9]. В этом примере можно зафиксировать ориентационную метафору ВЕРХ (UP) как противопоставление НИЗУ (DOWN) или нейтральному состоянию человеческой души. В русском переводе письма к читателям у Локка наиболее ярко высвечивается еще одна метафора, где поиск истины или понимание (*understanding*) находится в постоянном движении, отождествляется с охотой за знанием, которое способно приносить наслаждение: UNDERSTANDING is HUNTING for knowledge. Локк указывает, что «пользование им [разумом] приносит более сильное и постоянное наслаждение, чем пользование какой-нибудь другой способностью. Поиски разумом представляют род соколиной или псовой охоты (*searches after Truth, are a sort of Hawking and Hunting*), в которой сама погоня за дичью составляет значительную часть наслаждения (*the very pursuit makes a great part of the pleasure*). Каждый шаг, который делает ум в своем движении к знанию, есть некоторое открытие, которое является не только новым, но и самым лучшим, на время, по крайней мере» [Локк 2022: 10–11; Locke 1999: 9]. Понимание подобно глазу, о нем судят только на основе «тех предметов,

которые находятся в поле его [человека] зрения, понимание может не быть довольным тем, что оно открывает, не очень сожалая о том, что ускользнуло от него, так как то ему неизвестно» [Локк 2022: 11] (*For the understanding, like the eye, judging of objects only by its own sight, cannot but be pleased with what it discovers, having less regret for what has escaped it, because it is unknown* [Locke 1999: 9]). Локк пишет, что понимание человека как психологический процесс, по его мнению, должно быть выше и глубже того, что «упадет ему в кружку для милостыни...» [Локк 2022: 11].

Рассмотренные в первой и во второй части концептуальные доминанты системы философии и терминологии морали у Локка определяются на основе выделенных нами концептуальных метафор (см. табл. 1).

Локка интересует человеческая природа и действия индивида как ответ на то, что его окружает. Важной для понимания сложных идей является их физическая первооснова. В частности, в основе морали лежит противопоставление добра (*good*) и зла (*evil and bad*), представляющих собой духовный «стержень» личности, на который опираются эмоции и страсти человека. Категория удовольствия определяет физическое состояние, связанное с телом индивида. Удовольствия познаются через ощущения и влияют на его здоровье и силу: *the consideration of the pleasure there is in health and strength* [Locke 1999: 263]. А страдание, выраженное словом *pain*, имеет отношение не столько к физической основе, сколько к сфере ментального — человеческому сознанию. Представления формируют натянутые оппозиции, что отражается и в сочетаемости слов *good* и *evil* (Рис. 1).

Отдельное внимание в работе Локка уделено морали как важной составляющей его концепции человеческого мышления и психики. У Локка она представляет собой отдельную систему, поскольку одной из его задач была попытка создания области знания, называемой Теорией морали [Манерко, Шарапкова, 2022]. Его концепция имеет отношение к познанию внешнего, социального мира действительности: *We are fitted for moral science, but only for probable interpretations of external nature* [Locke 1999: 640].

Основными стержневыми элементами этой концептуальной и терминологической системы становятся слова *moral* и *morality*. Именно на них строится совершенно новое осмысление — по большей части в рамках существующих терминов религиозно-теологического дискурса [Манерко 2022]. В этой связи следует вспомнить мнение Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые отмечали, что «доказательства функционирования концептуальной системы происходят в двух случаях — описания обобщений в области полисемии

Концептуальные доминанты в работе Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении»

Источники знания	Познавательные процессы	Формирование знания	Концептуальные доминанты и концептуальные метафоры
<p>Мир и его объекты как ИСТОЧНИКИ знания ("fountains of knowledge")</p>	<p>1) Ощущение 2) Рефлексия (Reflection) через воспоминание и припоминание (rememberance and recollection) «пространства», «места», «формы» 3) Восприятие 4) Формирование представлений 5) Мышление (<i>thinking, understanding</i>) 6) Закрепление в виде наименования (слова)</p>	<p>Первичные идеи и понятия Связь идей со словами</p>	<p>Тело (SENSATIONS in BODY) Разум (mind) — метафора tabula rasa = white paper 1) FORM of things is IMPRESS 2) MIND is a memorizing OBJECT Память — метафора empty cabinet 3) MEMORY is a CONTAINER for senses 4) Разумение (понимание) — UNDERSTANDING is HUNTING for knowledge</p>
<p>Социальная сфера деятельности человека</p>	<p>1) Объединение идей 2) Абстрагирование (<i>abstracts them</i>) 3) Использование общих терминов (<i>the use of general names</i>) 4) Применение упражнений для формирования способности к размышлению (<i>discursive faculty</i>).</p>	<p>Сложные идеи и понятия Формирование духовной и эмоциональной сфер</p>	<p>Сердце 1) HEART is a CONTAINER for complex ideas Душа (soul) is in HEART 1) Существование (Existence), 2) Знание (Knowledge), 3) Сила (Power), 4) Здоровье и сила (health and strength) 5) Счастье (Happiness) 6) Мораль (moral + morality)</p>

	Word	Cooccurrences?	Candidates?	T-score	MI	LogDice ↓
1	☐ evil	40	59	6.31	9.32	11.64 ...
2	☐ absent	19	33	4.35	9.09	10.66 ...
3	☐ greater	14	123	3.71	6.75	9.92 ...
4	☐ bad	7	10	2.64	9.37	9.31 ...
5	☐ than	17	787	3.02	4.35	8.04 ...
6	☐ luck	5	5	2.23	9.88	8.85 ...
7	☐ apparent	5	18	2.23	8.04	8.79 ...
8	☐ while	5	27	2.22	7.45	8.76 ...
9	☐ definition	5	55	2.21	6.42	8.66 ...
10	☐ proof	5	64	2.21	6.21	8.62 ...

	Word	Cooccurrences?	Candidates?	T-score	MI	LogDice ↓
11	☐ pleasure	6	149	2.39	5.25	8.62 ...
12	☐ proposed	4	43	1.98	6.46	8.38 ...
13	☐ future	4	51	1.97	6.21	8.35 ...
14	☐ a	45	4,264	6.04	3.32	8.32 ...
15	☐ greatest	4	91	1.95	5.38	8.21 ...
16	☐ way	6	325	2.31	4.12	8.18 ...
17	☐ measure	4	103	1.95	5.20	8.17 ...
18	☐ does	5	243	2.12	4.28	8.11 ...
19	☐ or	32	3,512	5.00	3.11	8.08 ...
20	☐ title	3	12	1.72	7.88	8.08 ...

Rows per page: 20 | 1-20 of 69 | 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20

Рис. 1. Данные о сочетаемости прилагательного *good* в тексте Локка, обработанного при помощи корпусного менеджера Sketch Engine

и инференциальных моделей, которые... связаны с описанием новых языковых средств и исторических изменений...» [Lakoff, Johnson 1999: 175]. Сочетание прилагательного *moral* с рядом существительных доминирует в системе отражения морали у Локка (более 70 примеров), при этом на материале проведенного корпусного анализа произведения наблюдается сочетаемость *moral* с *rule(s)* (19 примеров), *word(s)* (11), *principle(s)* (10), *rectitude* (8), *relation* (4), *discourses* (4), *knowledge* (4), *action* (3), *science* (2), *matter* (2), *right* (1), *pravity* (1) и т. д. На рисунке 2 более частотные слова изображены большими кругами, а вероятность встречаемости отражена в степени приближенности к центру круга.

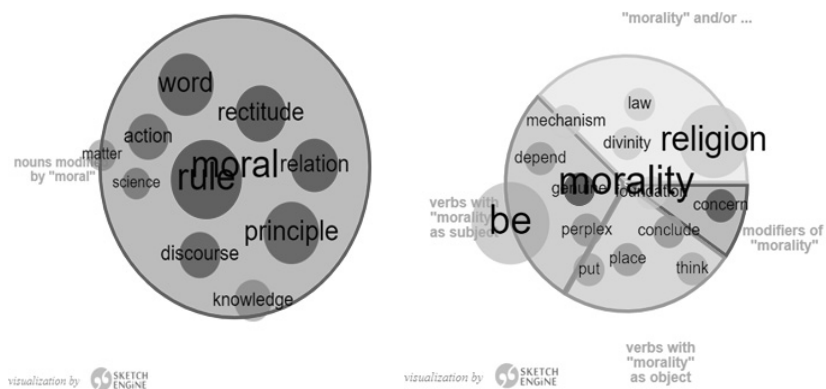

Рис. 2. Визуализация сочетаемости прилагательного *moral* и *morality* в тексте Локка при помощи программного обеспечения Sketch Engine.

Большинство терминов восходит к заимствованиям из латинского языка, которые подверглись семантическим изменениям. В них прослеживается указание на ЛИНИЮ, движение от начала по линии и прямолинейность. Ср.: *rule* от латинского *regula* ‘straight stick’ и *principle* ‘начало, первопричина’ от лат. *principium* (‘beginning, foundation’) от *princeps* (‘first’) < *primus* (‘first’) + *ceptus* (‘catcher’) [Etymonline] имеют отношение к понятию знания (knowledge, knowing). Они относились в основном к естественно-научной сфере дискурса. Слова *rectitude* и *pravity* до появления в тексте «Опыта...» Локка имели религиозные коннотации. *Rectitude* от латинского *rectitudo* ‘прямота’ от прилагательного *rectus* ‘прямой’ вошло в английский язык в XV веке в значении «прямолинейность, здравомыслие, прямота», образовавшись от старофранцузского *rectitude* (XIV век). Последнему слову противопоставлено *pravity*, указывающее на действия и поступки индивида. Слово *pravity* вошло в английский

язык в 1540–1550 годы из латыни *pravitas* от *pravus* ‘плохой’ дословно ‘crooked’ в значении, обратном прямолинейности [Etymonline]. Локк приспособливает существующую религиозную лексику к отражению новой системы морали — ее правил, норм и принципов, отнесенных философом к основным критериям, влияющим на действия человека: *Morality is the relation of voluntary actions to these rules* [Locke 1999: 340]. Слово *morality* употреблено в тексте Локка 28 раз.

Важно при этом отметить, что период Нового времени характеризовался значительным синкретизмом и еще недостаточно явной сформированностью областей знания и, соответственно, типов дискурса. Поэтому часто можно говорить не о переходе из одной области в другую, но о взаимопроницаемости языковых средств, используемых для описания того или иного процесса. «В научной литературе Просвещения дисциплины и проблемные поля, которые для нововременного научного мышления представляются радикально несоизмеримыми и лежащими в разных плоскостях, образуют непрерывный континуум» [Соколов 2011: 3].

Никоим образом не указывая на своих оппонентов, Локк продолжает развивать мысль о не-врожденности идей и знания основ морали. Он описывает новые сложные понятия свободы и воли, добавленные ко второму изданию произведения, отмечая некоторую путаницу в концепциях своих противников. Он сначала употребляет существительное *morality* с атрибутивными компонентами: *a little perplexed morality* [Locke 1999: 15] (на русский язык переведено как «немало путаницы в этику и богословие» [Локк 2022: 18]). Он утверждает важность социальной добродетели и великую роль правил морали, которые используются с предлогом *of*: *most unshaken rule of morality and foundation of all social virtue* [Locke 1999: 49]. Его риторика отличается четкостью, его волнует процесс поиска настоящих основ морали: *admitting the true ground of morality* [Locke 1999: 50], при этом ученый упоминает, что в его время основы морали больше рекомендуются, чем применяются на самом деле [Locke 1999: 50]. Доказывая состоятельность своей позиции, ученый меняет предлог *of* на *in*, приводящий к очерчиванию предмета исследования (морали): *a great and undeniable rule in morality* [Locke 1999: 49]. Это помогает ему четко противопоставить достоинство основ религии достоинствам морали — *the dignity of principles in religion or morality* [Locke 1999: 63].

Неким переломным моментом употребления слова *morality* в тексте «Опыта...» становится фраза о том, что мораль теперь основана на настоящем фундаменте, что указывает на метафорическую модель THEORIES ARE BUILDINGS: *morality, established upon its true founda-*

tions [Locke 1999: 264]. Действительно, рассуждение, базирующееся на противопоставлении религии закону, нуждается в демонстрации и доказательстве, как это делается в настоящей науке, какой является математика [Locke 1999: 638]. И только в самом конце своей работы Джон Локк приводит читателя к мысли, что рассуждения о морали представляют собой уже отдельную науку и дело человечества: *I think I may conclude that morality is the proper science and business of mankind in general* [Locke 1999: 640].

V. Выводы

Таким образом, в работе была рассмотрена философия и терминология морали Джона Локка в тексте «Опыт о человеческом разумении». Можно констатировать, что ученый использовал существующие в английском языке языковые средства, которые он позаимствовал из религиозного дискурса, и на этой основе сформировал собственную терминологическую систему. Кроме того, он предлагает новые концепты, касающиеся норм морали, моральных законов и жизни человека в обществе. Терминология морали опирается на представления о человеческом знании как отражении психологических процессов, понимании добра и зла. Важными концептуальными доминантами становятся слова *moral* и *morality* в составе словосочетаний, которые также переосмысливаются посредством метафор, введенных Локком для создания новых видов знания в совершенно иной области деятельности человека. Довольно часто описываемые образы осмысливаются на основе образных схем КОНТЕЙНЕРА, ПЛОСКОСТИ, ЛИНИИ; некоторые из них в тексте становятся персонифицированными. Концептуальные доминанты философии Локка по мере описания области морали не только приобретают социокультурные и историко-национальные характеристики, а выходят на уровень универсальных составляющих человеческого существования. Более того, именно его осмысление и уникальные метафоры представляют собой стройную, внутренне непротиворечивую систему, оказавшую огромное влияние на последующие эпохи в плане осмысления философских проблем и их воплощения в создаваемых текстах. Внимательное изучение дискурса такой языковой личности, как Джон Локк, дает возможность увидеть не только общее, но и различное, изменения и смещения концептуальных доминант через изменение частотностей тех или иных выражений, передаваемую семантику и своеобразную лексическую детализацию метафор и образных схем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н.Н.* Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 21–30.
2. *Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.* Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.
3. *Соколов П.В.* *Physica sacra* Исаака Ньютона в контексте трактатов о «теории Земли»: препринт WP6/2011/02 [Текст]. Савельева И.М. (ред.). Сер.: Гуманитарные исследования. М., 2011.
4. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении / Пер. А.Н. Савина. СПб., 2022.
5. *Манерко Л.А.* Терминология морали в работе английского философа Джона Локка: результаты корпусного анализа // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы конференции. М., 2022. С. 441–451.
6. *Манерко Л.А., Шарapkova A.A.* Структура представлений о морали в работах Дж. Локка: когнитивно-корпусный анализ // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 51. № 4. С. 724–731.
7. *Шарapkova A.A.* Концептуальная доминанта как ключ к пониманию концептуальных преобразований в художественных произведениях // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 604–607.
8. *Cranston M.* *John Locke. A Biography.* London, 1957. 496 p.
9. Etymonline [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 29.05.2022).
10. *Lakoff G., Johnson M.* *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought.* New York, 1999.
11. *Locke J.* *An Essay Concerning Human Understanding.* Hazleton, 1999.

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. Dominantnyi printsip kontseptual'nogo vzaimodeistviya v yazykovom obshchenii [The Dominant Principle of Conceptual Interaction in Language Communication]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2019, № 38, pp. 21–30. (In Russ.).
2. Boldyrev N.N., Grigor'eva V.S. Kognitivnye dominanty rechevogo vzaimodeistviya [Cognitive dominants of speech interaction]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2018, № 4, pp. 15–24. (In Russ.).
3. Cranston M. *John Locke. A Biography.* London, Longmans, Green, 1957. 496 p.
4. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [Essay Concerning Human Understanding]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2022. 864 p.
5. Manerko L.A. Terminologiya morali v rabote anglijskogo filosofa Dzhona Lokka: rezul'taty korpusnogo analiza [Terminology of Morality in the Work of the English Philosopher John Locke: the Results of Corpus Analysis]. *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Materialy konferencii.* Moscow, Izdatel'stvo MGU, 2022, pp. 441–451. (In Russ.).
6. Manerko L.A., Sharapkova A.A. Struktura predstavlenii o morali v rabotakh Dzh. Lokka: kognitivno-korpusnyi analiz [The structure of ideas about morality in the works of J. Locke: Cognitive-corporus analysis]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2022, Vyp. 51, № 4, pp. 724–731. (In Russ.).
7. Sharapkova A.A. Kontseptual'naya dominantna kak klyuch k ponimaniyu kontseptual'nykh preobrazovaniy v khudozhestvennykh proizvedeniyakh [Conceptual Dominant as a Key to Understanding Conceptual Transformations in Fiction]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2018, № 34, pp. 604–607. (In Russ.).
8. Etymonline [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 29.05.2022).

9. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books, 1999. 624 p.
10. Locke J. *An Essay Concerning Human Understanding*. Hazleton, The Pennsylvania State University, 1999. 719 p.

Поступила в редакцию 26.04.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.11.2023

Received 26.04.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.11.2023

ОБ АВТОРАХ

Манерко Лариса Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; wordfnew@mail.ru

Шарапкина Анастасия Андреевна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; warapkova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Larissa Aleksandrovna Manerko — Prof. Dr., Head of the Department of Theory and Practice of the English language, Higher School of Translation and Interpretation (Faculty), Lomonosov Moscow State University; wordfnew@mail.ru

Anastasia Andreevna Sharapkova — Ph. D., Lecturer, Department of English Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; warapkova@mail.ru

СИСТЕМА МЕЖДОМЕТИЙ В ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

Н.В. Патрова

*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия;
nvpatr@list.ru*

Т.В. Пашкова

*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия;
tvpashkova05@mail.ru*

Аннотация: В настоящее время изучение языков коренных малочисленных народов, находящихся под угрозой исчезновения, носит актуальный характер. Язык карелов-людигов малоизучен с позиции как грамматики, так и лексического состава. Целью данного исследования является систематизация интеръекций в людиковском наречии карельского языка. В процессе работы применялись, в дополнение к общенаучным эмпирическим (наблюдение, сравнение, описание) и теоретическим методам исследования (ознакомление с материалом, выдвижение гипотезы, оценка основательности предположения, проверка гипотезы), общелогические методы и конкретизирующие их приемы (индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, аналогия, системный и структурный подходы). Исследование выполнено с применением метода функционально-семантического описания. Научная новизна и теоретическая значимость работы обусловлена тем, что авторами статьи впервые проведена классификация междометий в людиковском наречии карельского языка с опорой на данные карельских грамматик и словарей. Выделяются и сопровождаются вокабулами и глоссированием две группы междометий — эмоциональные и императивные, обосновывается сужение традиционной для карельских грамматик типологии междометий, делается вывод о первообразном либо заимствованном характере людиковских интеръекционных дискурсивных слов.

Ключевые слова: служебные части речи; междометия; карельский язык; людиковское наречие; морфология; синтаксис

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-7

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-000992, <https://rscf.ru/project/23-28-00092/>

Для цитирования: Патрова Н.В., Пашкова Т.В. Система междометий в людиковском наречии карельского языка: опыт классификации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 81–92.

THE SYSTEM OF INTERJECTIONS IN THE LUDIK DIALECT OF THE KARELIAN LANGUAGE: A CLASSIFICATION EXPERIENCE

N.V. Patroeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; nvpatr@list.ru

T.V. Pashkova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; tvpashkova05@mail.ru

Abstract: At present, the study of the languages of indigenous peoples, which are under the threat of extinction, is relevant. The language of Karelians-Ludiks is poorly studied both from the point of view of grammar and lexical composition. The purpose of this study is to systematize the interjections in the Ludik dialect of the Karelian language. In the process of work, in addition to general scientific empirical (observation, comparison, description) and theoretical research methods (familiarization with the material, hypotheses, assessment of the validity of the assumption, hypothesis testing), general logical methods and methods concretizing them (induction and deduction, analysis and synthesis, generalization, analogy, systemic and structural approaches) were used. The study was carried out using the method of functional-semantic description. The scientific novelty and theoretical significance of the work is due to the fact that the authors of the article for the first time carried out a classification of interjections in the Ludik dialect of the Karelian language based on the data of Karelian grammars and dictionaries. Two groups of interjections — emotional and imperative — are distinguished and accompanied by vocables and glossing, the narrowing of the typology of interjections traditional for Karelian grammars is substantiated, a conclusion is made about the primitive and borrowed nature of Ludik interjective discursive words.

Keywords: service parts of speech; interjections; Karelian; Ludik dialect; morphology; syntax

Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-00092, <https://rscf.ru/project/23-28-00092/>

For citation: Patroeva N.V., Pashkova T.V. (2023) The System of Interjections in the Ludik Dialect of the Karelian Language: A Classification Experience. *Lomonosov Philology Journal. Philology*, no. 6, pp. 81–92.

В карельском языке три наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское. Людиковские карелы (самоназвание — *lyydilaižed*) проживают в юго-восточной части Республики Карелия: Кондопожском, Олонецком и Пряжинском районах [Родионова 2017: 6]. Относительно диалектов людиковского наречия по разные стороны российско-финляндской границы есть два мнения. Первое принадлежит Д.В. Бубриху [Бубрих 1947]: людиковские диалекты

являются частью карельского языка. Эта традиция доминирует в России. Согласно другой теории, основоположником которой является П. Виртаранта [Virtaranta 1972], людиковские диалекты являются отдельным прибалтийско-финским языком. В настоящее время карелы-людики занимают территорию, которая протянулась примерно на 200 км в восточной части Онежско-Ладожского перешейка, с севера на юг, от реки Суны до реки Свири [Муллонен 2002: 5; Муллонен 2003: 80]. Известный финляндский языковед Ю. Куёла, составитель диалектного словаря людиковского наречия, отмечал, что «владеющие людиковским наречием проживают на территории Олонецкой губернии, в Кондопожском, Мунозерском, Шуйском, и Святозерском районах» [Kujola 1944]. Другой финляндский исследователь фонетики людиковского наречия предполагал, что ранее территория проживания карелов-людиков была значительно шире, чем современная: на юге — вплоть до реки Свирь, а на севере — до островов, расположенных на Онежском озере [Turunen 1946: 5]. Людиковская территория граничит на западе с ливвиковской территорией, где говорят на ливвиковском наречии карельского языка, на севере — с собственно карельской, на востоке и юге — с русской [Родионова 2021]. «Формирование восточной границы людиковского ареала — это растянувшийся во времени процесс постепенной смены этнического и языкового сознания карелов-людиков с карельского на русское» [Захарова, Муллонен 2021: 8].

Известны попытки развития письменной формы людиковского наречия на основе михайловского и южнолюдиковского (святозерского) диалектов [Новак 2019b: 61; Родионова 2018: 48–50]. Из трех наречий карельского языка людиковское исследовано наименее детально. Если фонетика и морфология собственно карельского и ливвиковского наречий изучались планомерно на протяжении многих лет (см., например, [Зайков 2019; Патроева 2021; Ahtia 2014; Karelian in Grammas 2022; Markianova 2002] и др.), то людиковская грамматика исследована достаточно слабо: помимо фонологического строя людиковского наречия [Баранцев 1975; Turunen 1946; Turunen 1950] изучались лишь некоторые разделы морфологии [Ковалева 2011; Пашкова 2020; Пашкова 2021; Пашкова 2022].

Стоит отметить, что исследования по различным аспектам карельского языка (грамматики, лексики, диалектов) проводятся с привлечением большого объема архивного материала и образцов речи. Важным ресурсом является также и полевой материал. Однако сбор языкового материала с годами становится все затруднительней, так как число носителей, свободно говорящих на родном языке, стремительно сокращается. Людиковское наречие карельского языка находится под угрозой полного исчезновения [Родионова 2017:

3]. Главными причинами быстрого угасания людиковского языка, кроме малочисленности его носителей, являются отсутствие его преподавания в учебных заведениях, а также нехватка специалистов со знанием людиковского языка в образовании, культуре, СМИ и других официальных сферах Республики Карелия [Рагонов 2013: 24].

В 2016 г. сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук начали работу над корпусом карельского языка, который создавался по образцу корпуса вепсского языка. Карельский корпус включает в себя три подкорпуса: собственно карельский, ливвиковский и людиковский. Новый объединенный корпус носит название «Открытый корпус вепсского и карельского языков» (ВепКар, www.dictorpus.krc.karelia.ru) [Родионова 2019: 80–83]. Корпус обладает поисковой системой. Сперва выбирается рубрика «лексико-семантический поиск», далее — часть речи (в данном случае мы выбрали «междометия»), затем можно уточнить необходимое наречие карельского языка (на момент подготовки статьи в корпусе содержался 271 текст на людиковском наречии). Междометия извлекались из текстов-образцов людиковской речи начиная с 1940-х гг.

В 2019 г. российскими и финляндскими лингвистами была опубликована монография «Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем» [Новак 2019а], в которой проведено сравнительное исследование фонологической и морфологической систем всех карельских наречий, отраженных в опубликованных и рукописных дескриптивных описаниях диалектов, а также в нормативных грамматиках.

Многие аспекты синтаксического строя людиковского наречия карельского языка, в частности роль дискурсивных слов в структурно-семантической организации устного и письменного текста, еще не становились объектом исследования ученых. Так, уже более тридцати лет назад была опубликована единственная монография по синтаксису карельского языка В.П. Федотовой «Очерк синтаксиса карельского языка» [Федотова 1990], в которой представлено фрагментарное описание незначительных слов, участвующих в построении связного целого, однако примеры из людиковского наречия в ряде рубрик оказываются маргинальными либо отсутствуют.

Междометия как вид языковых универсалий играют важную роль в построении дискурса как речевого события и в этом смысле могут быть названы «дискурсивными» словами. Особенно часто междометия сопровождают такие регистры речи, как «волеуверительный» и «реактивный» (см. о регистрах: [Золотова 2004: 32–33]). «Дискурсивность» как одно из коммуникативных свойств проявляется в выражении внутреннего состояния говорящего, открыто экспли-

цируемого с помощью междометий, наряду с иными, невербальными (интонация, жест, мимика и пр.) средствами, и носит «мульти-модальный» смысл [Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков 2020: 82].

По нашему мнению, при представлении морфологической и синтаксической системы любого языка важно выделять так называемые лексико-грамматические разряды той или иной части речи, а также типичные для данной части речи морфологические и синтаксические особенности. Что касается междометий, занимающих особое положение в системе частей речи в качестве категории слов не самостоятельных и не служебных, то есть в целом незнаменательных, служащих цели не номинации объектов окружающего мира (как знаменательные слова) и не отношений между ними (как служебные лексемы), то термин «лексико-грамматические разряды» вряд ли здесь уместен: незнаменательные слова не имеют грамматических категорий и признаков, поэтому более адекватным грамматической природе междометий представляется термин «разряд по значению». При этом выделение групп разрядов по значению в грамматике не должно быть слишком дробным, не должно превращаться в анализ лексико-семантический, компонентный, который уместен на уровне лексическом и служит целям лексикографического описания.

В грамматике [Новак 2019а: 402] приводится следующая классификация междометий карельского языка: 1) звукоподражательные (подражание голосам птиц, зверей и другим звукам); 2) императивные (повелительные), выражающие побуждение к действию, приказ; 3) ругательные (вульгарные); 4) сигнальные (вокативные), используемые для привлечения внимания; 5) эмоциональные, т. е. выражающие согласие, радость, восторг, злость, негодование, удовлетворение, недовольство, обиду, растерянность, тоску, удивление, горечь, боль и пр.; 6) этикетные. В данной классификации авторами грамматики примеры из людиковского наречия не приводятся.

Вычленяемая многими авторами грамматики карельского языка группа «сигнальных» слов, служащих для привлечения внимания, установления контакта с представителями животного мира, вполне может быть внесена в разряд императивных, так как коммуникативная задача, связанная с волеизъявлением говорящего, им явно присуща.

Что касается слов «ругательных», грубо-вульгарных, то включение их в описание эмоционально-экспрессивной лексики литературного языка недопустимо, однако речевая стихия людиковского наречия, как и любого другого диалекта, представляет собой ненормативную сферу, отражающую живое устное слово, а потому группа «ругательных» выкриков вполне могла бы стать одной из

рубрик междометий при описании людиковского говора. Проблема, между тем, заключается в том, что подобные лексемы (грубо-вульгарные, а не только обценные) не включены в людиковский толковый словарь Ю. Куёла и корпус ВепКар.

Звукоподражательные слова во многих грамматиках выделяются в особую часть речи, отдельную от междометий, и именно такой классификационный подход, на наш взгляд, отвечает существу данного лексического разряда: если мы в дефиниции междометий указываем такой признак, как «слова, служащие для выражения эмоций и волеизъявлений говорящего», то ономотопеи, подражающие звукам живой и неживой природы, выполняют совершенно иную коммуникативно-дискурсивную задачу, служат прежде всего целям дескрипции окружающего мира.

Этикетные формулы как результат лексикализации также, на наш взгляд, не должны описываться в группе междометий как принадлежащие группе коллокаций соответствующего языка, то есть фразеологическому его уровню, и не соответствующие по своей семантике общекатегориальному (частеречному) значению интеръекций.

Поскольку главными для междометий дискурсивными задачами являются две: выражение эмоций и экспликация волеизъявлений субъектом речи, — то вполне достаточно для грамматического уровня абстрагирования при классификации междометий выделить только две главные группы (к тому же бинарная классификация является наиболее строгой для научного анализа): 1) эмоциональные и 2) императивные междометия.

Если сопоставить эту бинарную типологию интеръекций с данными диалектного словаря людиковского наречия [Kujola 1944], то в составе междометий упомянутого наречия карельского языка большая их часть относится к первой группе: *a* 'но, ой' [Kujola 1944: 1]; *ah* 'ах!' [Kujola 1944: 3]; *aha-h / aha-i* 'ага!, ого!' [Kujola 1944: 3]; *ai* 'ай!' [Kujola 1944: 4]; *eš* 'ах!, ой' [Kujola 1944: 50]; *jaija-i* 'ай-ай!' [Kujola 1944: 95]; *oi* 'ой!' [Kujola 1944: 279]; *voi voi!* 'ой-ой-ой' [Kujola 1944: 495].

«ВепКар» дает еще гораздо более короткий список эмоциональных интеръекций:

-) *oi* 'ой' [ВепКар: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1850>]

siid vie old'ih bohatuoikse kirguttih

net oi kui?

потом еще быть-IMPF 3PL богатый-PLTRANSL звать-IMPF 3PL

этот-PLACC ой как

потом еще были, богатыми называли их, ой, как же?

-) *a-voi-voi* 'ой-ой-ой' [ВепКар: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4257>]:

a-voi-voi suaui mitä?
ой-ой-ой быть-PRS 3SG что-PART
ой-ой-ой, чего будет?

-) *vot* 'вот' [ВеПКар: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1850>]:

siit kačo häi kuoli *vot*
потом видеть-IMP 2 SG она умирать-IMPF 3SG вот
потом, видишь ли, она умерла, *vot*

2. *Императивные* междометия, исходя из лексикографических источников, не представляют у людиков сколько-нибудь обширной группы слов:

-) *davai* 'давай' [ВеПКар: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/2017>]:

nu *davai* Hutun D'akuz sit
ну давай Хуттун-GEN Дякку-ELAT тогда
ну, *давай*, тогда о Дякку Хутуне.

-) *hoi* 'эй!' [Kujola 1944: 74]:

hoi tule abutad reged nuorita
эй приходит-IMP 2 SG помогать-PRS 2 SG сани-PLACC привязать-INF;
эй, приходи, сможешь сани привязать

-) *kiš* 'кыш!' (возглас отпугивания (например, птиц, зайца, курицы, быка))
[Kujola 1944: 135];

-) *na* 'на' [Kujola, 1944: 257]:

na sanui, tāmā šido kagliaa
на сказать-IMPF 3SG это-ACC привязывать-IMP 2SG шея-ILL
на, сказал, привяжи это на шею

-) *ptrysè* 'так подзывают теленка' [Kujola 1944: 335];

-) *nu* 'ну' [ВеПКар: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1574>]:

nu a ongo ammuine külä tāmā?
ну а есть-PRS 3SG старый деревня этот
ну, а как стара была эта деревня?

-) *čuur* 'чур!' (всклик, когда, например, один выходит за черту в игре или находит что-нибудь; когда в игре говорят 'чур!', то уже нельзя трогать игрока произносящего это) [Kujola, 1944: 448]:

čuur minä sinun taboitin!
чур я ты-ACC схватить-IMPF 1SG
чур, я тебя схватил!

-) *us!* 'побудительное междометие, например, для собаки, чтобы она шла на привязь' [Kujola 1944: 466].

Семантика междометий, в особенности императивных, ситуативно обусловлена, тесно связана с контекстом и условиями коммуникации, поэтому интеръекционная лексика является одной из составляющих функционального поля дейксиса в языке и относится к классу дискурсивных слов. Так, побуждение к тому или иному

действию с помощью междометий предполагает общее для говорящего и адресата фоновое знание о свойствах предмета, явления, с которым связано волеизъявление, а также само присутствие этого предмета в реальности.

Этимологический анализ людиковских междометий, очевидно, требует подробного разбора и может стать предметом специального рассмотрения вне рамок данной статьи, однако уже первоначальные наблюдения над представленными в статье лексемами позволяют заключить, что значительная их часть свидетельствует о близости к интеръекционному фонду русского языка (напр., *a* [Suomen sanojen alkuperä 1992: 45], *davai, oi, vot* [Suomen sanojen alkuperä 2000: 471]), а следовательно, заимствованном характере. В междометной «копилке» людиков есть, помимо общих для языков финно-угорской семьи (напр., *us*), и лексемы, которые некоторыми лингвистами относятся к универсалиям (см., напр., *ah* [Suomen sanojen alkuperä 1992: 50–51], *ai* [Suomen sanojen alkuperä 1992: 56], *hoi* [Suomen sanojen alkuperä 1992: 170], *voi-voi* [Suomen sanojen alkuperä 2000: 467]), — так, междометия, аналогичные эмоциональным выкрикам *a!* и *o!*, зафиксированы в десятках языков мира.

Состав людиковских междометий, по данным использованных источников, невелик и составляет около 20 лексем эмоционального или императивного характера (это количество, возможно, отличается от круга междометий в иных наречиях карельского языка, однако данный вопрос еще ждет своих исследователей). Сопоставление с перечнем интеръекциальной лексики (например, см. перечень из более 120 лексем в «Объяснительном словаре русского языка» [Объяснительный словарь русского языка 2003: 418–419]) русского языка позволяет заключить, что людиковский междометный тезаурус гораздо уже, и это явилось одной из причин заимствования отдельных представителей данной группы коммуникатов в процессе языковых контактов на территориях совместного проживания карелов-людиков и русских.

В системе языка междометия, как и многие другие дискурсивные слова, оказываются обычно полисемантическими, их семантика конситуативно обусловлена и функционально гибридна, что подчеркивает необходимость более глубокого семантического и коммуникативно-прагматического исследования данного класса слов на материале образцов живой устной речи. Древность интеръекциальных лексем на фоне процессов заимствования тех или иных междометных элементов текста свидетельствует о важности сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического их изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранцев А.П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Л., 1975.
2. Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947.
3. Зайков П.М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.
4. Захарова Е.В., Муллонен И.И. Словарь названий населенных мест карелов-людигов. Петрозаводск, 2021.
5. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
6. Ковалева С.В., Родионова А.П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: 2011.
7. Муллонен И.И. О формировании населения южной Карелии по топонимическим свидетельствам // Язык и народ: Социолингвистическая ситуация на Северо-Западе России: Сб. статей / под ред. А. С. Герда, М. Савиярви, Т. де Графа. СПб, 2003. С. 80–103.
8. Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
9. Новак И.П. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак, М. Пенттонен, А. Руусканен, Л. Сиилин. Петрозаводск, 2019а.
10. Новак И.П. Карельский язык и его диалекты // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019.
11. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Ок. 1200 ед. / Под ред. В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. Москва : Изд-во «Астрель», 2003.
12. Патронева Н.В., Пашкова Т.В. Система частиц в диалектах ливвиковского наречия карельского языка: проблемы описания и интерпретации // Вестник урovedения. 2021. Т. 11. № 4. С. 680–688.
13. Пашкова Т.В., Родионова А.П. «Быть» или «Не быть» потенциалу в карельском языке (на материале ливвиковского и людиковского наречий карельского языка) // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2022. Т. 16, № 3. С. 397–404.
14. Пашкова Т.В., Родионова А.П. Образование глагольных форм императива в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка // Научный диалог. Екатеринбург, 2020. № 4. С.100–112.
15. Пашкова Т.В., Родионова А.П. Словообразовательные суффиксы -NDU/-NDY/-ND(E) И -NINE в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка (на примере наименований болезней) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2021. Т. 43, № 3. С. 17–22.
16. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков: коллективная монография / отв. ред. Е. Р. Иоанесян. Москва, 2020.
17. Родионова А.П., Нагурная С.В., Чикина Н.В. Людики: вопросы сохранения языка и культуры: Исследования и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН ИЯЛИ, 2017. 167 с.
18. Родионова А.П. Людиковский глагол и его диалектные источники // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 80–84.

19. Родионова А.П., Нагурная С.В. Людиковское наречие карельского языка: проблемы становления литературной нормы // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 48–57.
20. Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск, 1990.
21. Ahtia A. E. Karjalan kieliooppi. Lauseoppi. Korjijyvä: Karjalan kielen seura, 2014. 159 s.
22. Karelian in Grammars: a study of phonetic and morphological variation: scientific electronic edition / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p.
23. Markianova L. Karjalan kieliooppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 296 s.
24. Pahomov M. Непризнанный народ: древний этнос Карелии: [о карелах-людиках] // Lyydilaine: lyydiläisen seuran vuosijulkaisu 2013. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2013. С. 22–26.
25. Suomen sanojen alkuperä / Päätoim. E. Itkonen, U-M. Kulonen. Helsinki: SKS. Vol. I, 1992. 486 p.; Vol. III, 2000. 503 p.
26. Turunen A. Lyydiläismurteidenäännehistoria. I. Konsonantit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. № 89. 338 s.
27. Turunen A. Lyydiläismurteidenäännehistoria. II. Vokaalit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1950. № 99. 266 s.
28. Virtaranta P. Polku sammui. Vammala: Vammalan Kirjapaino OY, 1972. 263 s.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *BenKar*: Открытый корпус карельского и вепского языков [Электронный ресурс]. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru> (accessed: 15.03.2023).
2. *Kujola J.* Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 p.

REFERENCES

1. Barantsev A.P. *Fonologicheskie sredstva lyudikovskoi rechi (deskriptivnoe opisanie)* [Phonological means of Ludikov's speech (descriptive description)]. L.: Nauka, 1975. 280 p. (In Russ.)
2. Bubrikh D.V. *Proiskhozhdenie karel'skogo naroda: povest' o soyuznike i druge russkogo naroda na Severe* [The origin of the Karelian people: a story about an ally and friend of the Russian people in the North]. Petrozavodsk: Gosizdat. Karelo-Finskoi SSR, 1947. 51 p. (In Russ.)
3. Zaikov P.M. *Grammatika karel'skogo yazyka* [Grammar of the Karelian language]. Petrozavodsk: Periodika, 1999. 120 p. (In Russ.)
4. Zakharova E.V., Mullonen I.I. *Slovar' nazvaniï naseleennykh mest karelov-lyudikov* [Dictionary of the names of the settlements of the Karelians-Ludiks]. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2021. 212 p. (In Russ.)
5. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. M.: IRYa RAN, 2004. 544 p. (In Russ.)
6. Kovaleva S.V., Rodionova A.P. *Traditsionnoe i novoe v leksike i grammatike karel'skogo yazyka (po dannym sotsiolingvisticheskogo issledovaniya)* [Traditional and new in the vocabulary and grammar of the Karelian language (according to sociolinguistic research)]. Petrozavodsk: IYaLI KarNTs RAN, 2011. 137 p. (In Russ.)
7. Mullonen I.I. O formirovaniï naseleniya yuzhnoi Karelii po toponimicheskim svidetel'stvam [On the Formation of the Population of South Karelia According to Toponymic Evidence] // *Yazyk i narod: Sotsiolingvisticheskaya situatsiya na Severo-Zapade Rossii* / ed. A.S. Gerd, M. Saviyarvi, T. de Graf. SPb, 2003. P. 80–103.

8. Mullonen I.I. *Toponimiya Prisivir'ya: problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [Toponymy of the Svir region: problems of ethno-linguistic contact]. Petrozavodsk: IYaLI KarNTs RAN, 2002. 353 p. (In Russ.)
9. Novak I.P., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. Karel'skii yazyk v grammatikakh. Sravnitel'noe issledovanie foneticheskoi i morfologicheskoi system [Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems]. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2019. 479 p. (In Russ.)
10. Novak I.P. Karel'skii yazyk i ego dialekty [Karelian language and its dialects] // *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki*. Petrozavodsk: Periodika, 2019. 752 p. (In Russ.)
11. *Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: Strukturnyye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnyye slova, mestoimeniya, chislitel'nyye, svyazochnyye glagoly: Okolo 1200 yed.* [Explanatory dictionary of the Russian language: Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, connective verbs: about 1200 units] / Ed. V.V. Morkovkina. 2nd ed., rev. Moscow: Astrel Publishing House, 2003.
12. Patroeva N.V., Pashkova T.V. Sistema chastits v dialektakh livvikovskogo narechiya karel'skogo yazyka: problemy opisaniya i interpretatsii [The system of particles in the dialects of the Livvik dialect of the Karelian language: problems of description and interpretation] // *Vestnik ugrovedeniya*. 2021. V. 11. № 4. P. 680–688. (In Russ.)
13. Pashkova T.V., Rodionova A.P. «Byt'» ili «Ne byt'» potentsialu v karel'skom yazyke (na materiale livvikovskogo i lyudikovskogo narechii karel'skogo yazyka) [“To be” or “Not to be” potential in the Karelian language (on the material of the Livvik and Ludikov dialects of the Karelian language)] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. Izhevsk, 2022. V. 16, № 3. P. 397–404. (In Russ.)
14. Pashkova T.V., Rodionova A.P. Obrazovanie glagol'nykh form imperativa v livvikovskom i lyudikovskom narechiyakh karel'skogo yazyka [Formation of verb forms of the imperative in the Livvik and Ludik dialects of the Karelian language] // *Nauchnyi dialog*. Ekaterinburg, 2020. № 4. P. 100–112. (In Russ.)
15. Pashkova T.V., Rodionova A.P. Slovoobrazovatel'nye suffiksy -NDU/-NDY/-ND(E) I -HINE v livvikovskom i lyudikovskom narechiyakh karel'skogo yazyka (na primere naimenovaniy bolezney) [Derivative suffixes -NDU/-NDY/-ND(E) AND -HINE in the Livvik and Ludik dialects of the Karelian language (on the example of disease names)] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Petrozavodsk, 2021. V. 43, № 3. P. 17–22. (In Russ.)
16. *Predstavlenie emotsional'noi sfery cheloveka na materiale raznykh yazykov: kollektivnaya monografiya* [Representation of the emotional sphere of a person on the material of different languages: a collective monograph] / main. ed. E. R. Ioanesyan. M: Institut yazykoznaniya RAN, 2020. 244 p. (In Russ.)
17. Rodionova, A. P., Nagurnaya S. V., Chikina N. V. *Lyudiki: voprosy sokhraneniya yazyka i kul'tury: Issledovaniya i materialy* [Ludians: the preservation of language and culture. Research and materials]. Petrozavodsk; 2017. 167 p. (In Russ.)
18. Rodionova A.P. Lyudikovskii glagol i ego dialektnye istochniki [Lyudik verb and its dialect sources] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 1 (178). P. 80–84. (In Russ.)
19. Rodionova A.P., Nagurnaya S.V. Lyudikovskoe narechie karel'skogo yazyka: problemy stanovleniya literaturnoi normy [The Lyudik dialect of the Karelian language: problems of the formation of the literary norm] // *Finno-ugorskii mir*. 2018. № 2. P. 48–57. (In Russ.)
20. Fedotova V.P. *Ocherk sintaksisa karel'skogo yazyka* [Essay on the syntax of the Karelian language]. Petrozavodsk: Kareliya, 1990. 159 p. (In Russ.)

21. Ahtia A.E. Karjalan kielioppi. Lauseoppi. Kopijyvä: Karjalan kielen seura, 2014. 159 s. (In Fin.)
22. Karelian in Grammars: a study of phonetic and morphological variation: scientific electronic edition / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p.
23. Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 296 s. (In Fin.)
24. Pahomov M. Nepriznannyy narod: drevniy etnos Karelii: [o karelakh-lyudikakh] // Lüüdilaine: lyydiläisen seuran vuosijulkaisu 2013. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2013. P. 22–26. (In Fin.)
25. Suomen sanojen alkuperä / Päätoim. E. Itkonen, U-M. Kulonen. Helsinki: SKS. Vol. I, 1992. 486 p.; Vol. III, 2000. 503 p. (In Fin.)
26. Turunen A. Lyydiläismurteidenäännehistoria. I. Konsonantit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. № 89. 338 s. (In Fin.)
27. Turunen A. Lyydiläismurteidenäännehistoria. II. Vokaalit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1950. № 99. 266 s. (In Fin.)
28. Virtaranta P. Polku sammui. Vammala: Vammalan Kirjapaino OY, 1972. 263 s. (In Fin.)

SOURCES OF EXAMPLES

1. VepKar: Otkrytyi korpus karel'skogo i vepsskogo yazykov [Open corpus of the Karelian and Vepsian languages]. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru> (accessed: 15.03.2023). (In Fin.)
2. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 r. (In Fin.)

Поступила в редакцию 26.06.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 08.11.2023

Received 26.06.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 08.11.2023

ОБ АВТОРАХ

Патроева Наталья Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»; nvpatr@list.ru

Пашкова Татьяна Владимировна — доктор исторических наук, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»; tvpashkova05@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia Patroeva — Prof. Dr.in Philology, Head of the Russian Language Department of Petrozavodsk State University; nvpatr@list.ru

Tatjana Pashkova — Prof. Dr.in History, Ph. D. in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Baltic and Finnish Philology of Petrozavodsk State University; tvpashkova05@mail.ru

МОТИВЫ ПРИРОДЫ КАК СРЕДСТВО НОМИНАЦИИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ БОГОРОДИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О.С. Румянцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; o.rumiantseva@yandex.ru*

Аннотация: Во многих произведениях художественной литературы отмечается связь Богородицы с миром природы, что обусловлено влиянием на традиционные религиозные представления о Деве Марии мифологической картины мира. В статье демонстрируется, как обозначенная особенность проявляется в выборе номинаций Пресвятой Девы, и изучается роль мотивов природы в создании Ее образа в польской литературе. Подробно анализируются народные легенды (сборник «Королева Небес. Народные легенды о Божией Матери» под редакцией М. Гавалевича и П. Стахевича), произведения средневековой религиозной (апокриф XV в. «Пшемьское размышление» и богородичные песни) и художественной литературы разного времени создания (сборники К. Бениславской «Песни, напеваемые себе», Р. Брандштеттера «Песнь о моем Христе» и «Гимны во славу Марии», поэзия М. Семпа Шажиньского, Т. Ленартовича, В. Гомулицкого, Ц.К. Норвида, К.К. Бачиньского). Наименования, связанные с миром природы, классифицируются по стандарту сравнения: Мария сравнивается с цветами и деревьями, небесными телами, драгоценными камнями, землей и птицами. Исследуется авторский замысел таких номинаций. Так, цветы призваны проиллюстрировать Ее красоту, благородство и непорочность, деревья — величественность и могущество, птицы — чистоту и простоту, солнце и луна — неповторимость и недостижимость, а утренняя звезда — надежду на спасение. Показывается, как в именовании актуализируется античная и библейская символика, и отмечаются оригинальные, нехарактерные для религиозной традиции номинации, придающие образу национальный колорит. На основании материала делается вывод о преемственности традиции восприятия Божией Матери как части природного мира.

Ключевые слова: язык религии; художественный текст; лексическая семантика; вторичная номинация; польская литература; польский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-8

Для цитирования: Румянцева О.С. Мотивы природы как средство номинации и характеристики Богородицы в произведениях польской литературы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 93–101.

MOTIVES OF NATURE AS A MEANS OF NOMINATION AND CHARACTERISTICS OF THE MOTHER OF GOD IN THE WORKS OF POLISH LITERATURE

O.S. Rumyantseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; o.rumiantceva@yandex.ru

Abstract: In many works of fiction, the connection of the Mother of God with the natural world is pointed out, which is due to the influence of the mythological worldview on traditional religious ideas about the Virgin Mary. The article demonstrates how the indicated peculiarity reveals itself in the choice of the names of the Blessed Virgin, and studies the role of the nature motifs in creating Her image in Polish literature. Folk legends (*The Queen of Heaven. Folk legends about the Mother of God* edited by M. Gawalewicz and P. Stachiewicz), works of medieval religious literature (apocrypha of the 15th century *The Przemysł Meditation* and the Marian hymns) and fiction created in different periods (poetry books *Songs Sung to Oneself* by K. Beniśławska, *Song of My Christ* and *Marian Hymns* by R. Brandstaetter, poetry by M. Sęp Szarzyński, T. Lenartowicz, W. Gomulicki, C.K. Norwid, K.K. Baczyński) are analyzed in detail. The names related to the natural world are classified according to the standard of comparison: Saint Mary is compared with flowers and trees, celestial bodies, precious stones, and birds. The article explores how the choice of names reveals the author's intention. Thus, flowers are designed to illustrate Her beauty, nobility, and purity, trees — majesty and power, birds — chastity and simplicity, the sun and the moon — uniqueness and inaccessibility, and the morning star — hope for salvation. It shows how the ancient and biblical symbolism is actualized in the names and how the original names give the image a national flavor. Based on the material, a conclusion is made about the continuity of the tradition of perceiving the Mother of God as part of the natural world.

Keywords: religious language; literary text; lexical semantics; secondary nomination; Polish literature; Polish language

For citation: Rumyantseva O.S. (2023) Motives of Nature as a Means of Nomination and Characteristics of the Mother of God in the Works of Polish Literature. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 93–101.

Культ Богородицы, распространенный среди польских католиков, корнями уходит в далекое прошлое: самый древний известный польский костел под покровительством Пресвятой Девы появился уже на рубеже IX–X вв. Однако, принимая христианство, народ не отказывался от своих прежних, языческих, верований, а лишь преобразовывал их. На сосуществование в образе Божией Матери чисто догматических, биологических и традиционных значений обращает внимание А. Недзьведзь в монографии «Икона и фигура. Значения образа Ченстоховской Божией Матери», объясняя его «наложением на образ Божией Матери каких-то раннехристианских верований,

может быть, связанных с четко не определяемым представлением богини природы, матери-земли» [Niedźwiedź 2005: 250]. О влиянии на народные религиозные представления архаичного культа земли как богини-матери пишут с опорой на этнографический материал авторы «Словаря стереотипов и народных символов» [Słownik stereotypów i symboli ludowych 1999: 18] и этнолингвистического словаря «Славянские древности» [СДЭС 1995: 316]. Одним из проявлений синкретизма религиозной и мифологической картин мира является отмечаемая в церковной и художественной литературе связь Марии с миром природы.

Народные легенды

В народных легендах [Gawalewicz, Stachiewicz 1894] Божия Матерь, являясь частью природного мира, управляет им. Бог создал Ее из райских цветов: *Wtedy Pan Bóg [...] tchnął na kwiaty rajskie, a z nich [...] wionęła cudna z wejrzenia postać pierwszej niewiasty* [Тогда Господь Богдохнул на райские цветы, и из них в потоке воздуха появилась фигура первой женщины чудесной красоты] (24). Легенды называют Марию *Kwiat Dziewica* 'Дева-Цветок', *lilia-dziewica* 'лилия-дева', *Dziewica z rajskiego kwiatu* 'Дева из райского цветка'. Природа оживает во взаимодействии с Божией Матерью, подчиняется Ее воле: *bez Jej woli ani bez Jej wiedzy, grom nie roztrzaska ni wierzby na miedzy* [без Ее воли и без Ее ведома гром не расколется даже ивы на меже] (138). Вмешательством Богородицы объясняется в легендах даже внешний вид некоторых животных и растений. Так, змея, которая однажды напугала Пресвятую Деву, была за это лишена ног и обречена ползать: *I padalcowi nogi odpadły zaraz, [...] od owego czasu ma wielki respekt przed Najświętszą Panną* [И тотчас отпали ноги медяницы, с этого времени она испытывает величайшее почтение к Пресвятой Деве] (45).

Средневековые религиозные произведения

Яркостью созданного образа Марии в средневековой религиозной литературе выделяются Ее апокрифическое жизнеописание XV в. «Пшемьское размышление» и богородичные песни. Зафиксированные в этих произведениях сравнения и именованья, связанные с природным миром, можно разделить на следующие группы:

1. Мария и цветы:

Считая **розу** символом благородства и царственности, а **лилию** — символом чистоты и непорочности, автор «Пшемьского размышления» пишет: *Jako roża między cirniem, tako kwitła miła Marja. Jako się lilja zuści nadinne kwiecie, tako się zuściła dziewica Marja między swemi wszytkiem i towarzyszkami* [Как роза среди шипов, цвела милая

Мария. Как лилия блистает среди других цветов, так и Дева Мария блистала среди всех своих подруг] (RP: 13).

Роза и лилия выступают в сравнениях также эталонами цвета: *Lice jej świeciło i było rumione jako róża z lilją* [Лик Ее сиял и был румян, как роза с лилией] (RP: 13). Роза появляется в текстах также как эталон красоты, а лилия — белизны: *Ani lilija białością, / Czerwona róża krasnością, / Ani nardus swą woniością, / Zamorski kwiat swą drogością / Maryjej się równa* [Ни лилия своей белизной, ни красная роза своей красотой, ни нарда своим благоуханием, ни заморский цветок своей ценностью с Марией не сравнятся] (Mocne Boskie tajemności, XV в.). Еще один эталон, но уже приятного запаха, в приведенном контексте — **нард**, известный в Библии по сцене помазания Иисуса миром.

2. Мария и небесные тела:

Солнце, звезды и луна в рассматриваемых произведениях — эталонные источники света: *Tyś nad słońcem jasna* [Ты светлее солнца] (Zdrowa, matko szczętna, XV в.). При этом звезды и луна выделяются на небе так же, как Мария сияет среди всех других людей: *...jako gwiazda w nocy świeci, jako miesiąc między obłoki, tak światła dziewica Marja między innymi pannami* [как звезда в ночи сияет, как месяц среди облаков, так и Дева Мария сияла среди других девушек] (RP: 13). Солнце и луна единственны в своем роде, как и Богородица.

Частотен традиционный для религиозных текстов титул *gwiazda morska* '**морская звезда**', впервые появившийся по отношению к Марии в латинском антифоне *Ave Maris Stella*, текст которого известен с VIII века. В песне «Радуйся, прекрасная королева» XV века была зафиксирована также вариация этого титула — номинация *gwiazda zamorska* '**заморская звезда**', которая призвана подчеркнуть дистанцию между людьми и Богородицей, Ее отличие и величие.

3. Мария и природа, подчиненная человеком:

Зафиксированное в «Пшемьском размышлении» именование *studnia wszej miłości* 'источник всей любви' (буквально 'колодец') не встречается в других произведениях (RP: 344). Заметим при этом, что образ колодца имеет в Библии символическую нагрузку: вода на Ближнем Востоке была ценным ресурсом и считалась символом жизни и богатства. Источник становился также местом встреч, в том числе представителей разных народов, у колодцев заключались брачные союзы. Все это находит свое отражение и в номинации *studnia miłości* 'источник любви': в любви к Богу и Марии объединяются разные народы. При этом всеохватность любви Марии соотносится с глубиной колодца.

Художественная литература XVIII–XX вв.

Значительное место занимает образ Богородицы и в польской художественной литературе. Меняясь со временем, Мария из идеализированной святой, о которой мы почти ничего не знаем, становится живой страдающей женщиной. Однако связь Ее с миром природы остается неизменной. Зафиксированные в произведениях именованья и сравнения можно разделить на следующие группы:

1. Мария и флора:

Многочисленны номинации, связывающие Богородицу с растительным миром, в сборнике **Констанции Бениславской** (1747–1806) «Песни, напеваемые себе». С ветхозаветной традицией связано именованье Марии **кипарисом и кедром**: *Tyś cypr, ale z syjońskiego sadu, cedr, lecz z Libanu* [Ты кипарис, но из Сионского сада, кедр, но из Ливана]. Согласно Библии, эти деревья использовались при возведении и украшении внутренних пространств Храма Соломона. Называя Богородицу кипарисом и кедром, автор сравнивает Ее с Храмом как с Вместилищем Бога. Вместе с тем, ливанский кедр является наиболее упоминаемым в Библии деревом, олицетворяя идею могущества.

С кипарисом связывает Мадонну и **Роман Брандштеттер** (1906–1987): *Módl się, / Madonno izraelska, / Starochrześcijańska, / Cyprysowa, / Łukaszowa* [Молись, Мадонна Израильская, Древнехристианская, Кипарисовая, Мадонна Луки] («Гимн Черной Мадонне»). Эпитет *cyprysowa* ‘кипарисовая’, выступая контекстуальным синонимом других эпитетов в этом ряду, подчеркивает древность образа и связывает его с Ветхим Заветом.

Реже Богородица сравнивается с другими деревьями. У К. Бениславской Мария именуется **явором**. С нехарактерной для природы библейских земель, но привычной читателю и почитаемой в славянских культурах **березой** сравнивает Богородицу **Теофил Ленартович** (1822–1893) в стихотворении *Stabat Mater: Jak, raniona szybkim strzałem, / Deszczem łzy wylewa brzoza, / Z takim sercem przebolełem / Stabat Mater dolorosa* [Как раненная быстрым выстрелом береза льет слезы дождем, с такой болью в сердце *Stabat Mater dolorosa* (т. е. стояла Матерь, полная горя)].

Античная символика проявляется в сборнике К. Бениславской в именовании **Laurze niezwiędły po zwycięstwie w boju** ‘лавр, не увядший после победы в бою’. Лавровый венок, символ триумфа и чистоты, в христианском искусстве часто украшает головы мучеников. В сборнике поэтессы встретилось также именованье *Oliwo pokoju* ‘Олива мира’.

Как и для средневековой религиозной литературы, для художественных произведений характерны сравнения Девы Марии с цветами, особенно с **розой** и **лилией**. У К. Бениславской встречаем *Tyś wonna Lilija* ‘ароматная лилия’, *Róża-ś jest* ‘Ты роза’, *Kwiat dziwnie i kształtny, i biały* ‘цветок, удивительно изящный и белый’; у Р. Брандштеттера — сравнение: *Panno wieczorna / O głowie pięknej / Jak róża* [Вечерняя Дева с прекрасной, как роза, головой].

2. Мария и явления, наблюдаемые в небе:

Именование Богородицы **небесами** зафиксировано лишь в произведении К. Бениславской: *Tyś niebem wielkim niebios Stworzyciela* [Ты великие небеса небес Творца].

Более частотны гипонимы, связывающие Марию с объектами, наблюдаемыми в небе. **Миколай Семп Шажиньский** (ок. 1550 — ок. 1581) в стихотворении «Сонет III Пресвятой Богородице» называет Ее **zorza ranna** ‘утренняя заря’: *Ale zorzą już nam nastań raną, / Pokaż twego słońca światłość żądaną* [Но приди к нам утренней зарей, покажи желанный свет своего солнца]. Как заря предшествует восходу солнца, так и Мария предвещает приход Спасителя, даря надежду на спасение. Модификация этого титула — **Gwiazda Zaranna** ‘Утренняя Звезда’ — отмечена в стихотворениях «К Пресвятой Деве Марии. Литания» Ц.К. Норвида, «Восхищение» Т. Ленартовича и «Ченстоховская» В. Гомулицкого (1848–1919). В последнем читаем: *Ilu smutkom, ilu cieniom / Gwiazdą stajesz się zaranną!* [Для скольких печалей, для скольких теней Ты становишься утренней звездой!]. Символ утренней звезды традиционен для религиозных текстов.

Звездой правильных поступков называет Деву Марию Р. Брандштеттер — **Gwiazdo dobrego postępu** («Гимн Мадонне атома»). Как путеводная звезда, Она указывает людям правильный путь. В стихотворении «Гимн Мадонне, стоящей на моем столе» этого же автора зафиксирован эпитет **dwunastogwiazdna** ‘двенадцатизвездная’: *O matko Najświętsza, / O Dwunastogwiazdna, / Pozwól mi się łudzić* [О Пресвятая Матерь, о двенадцатизвездная, позволь мне тешить себя иллюзиями], отсылающий к Откровению Иоанна Богослова.

Большую группу составляют также сравнения с солнцем и луной. Кроме упомянутого выше сонета М. Семпа Шажиньского, такие номинации отмечены в произведениях К. Бениславской: *Tyś tak nadobna, tak piękna Panienka, jako błyskotna w poranku Jutrzeńka, jak piękny księżyc w pełnym kołowrocie, jak okazałe słońce w jednym złocie* [Ты такая красивая, такая прекрасная Дева, как сверкающий утром рассвет, как прекрасный коловрат полной луны, как величественное солнце все в золоте], а также в стихотворении «Ченстоховская»

В. Гомулицкого: *Przez posepny ciąg stuleci / Twój, jak słońce, obraz świeci* [Угрюмые столетия освещает Твой образ, как солнце].

С лучом солнца сравнивают Марию Р. Брандштеттер: *Maryja lżejsza od promienia, / Która miała tylko tyle ciała, / Ile potrzeba było promieniowi, / By mógł stąpać po ziemi* [У Марии, легче луча, было столько тела, сколько нужно лучу, чтобы он мог ступать по земле] («Брак в Кане») и К.К. Бачиньский: *przejrzysta jak świt i płomień* [прозрачная, как рассвет и луч] («Молитва к Богородице»). Луч становится эталоном легкости и невесомости.

В произведениях польских поэтов появляется также образ **радуги**. Богородица именуется К. Бениславской *Tęcza przymierza* 'Радуга завета'. Называя Божию Матерь библейским символом божественного благословения, автор подчеркивает Ее роль в развитии отношений между человеком и Богом. Сравнение с радугой зафиксировано и в стихотворении Ц.К. Норвида.

3. Мария и земля:

С землей связывает Богородицу К. Бениславская, называя Ее *Ziemia obiecana* 'Земля обетованная', *Ziemia Adama błotem nieskalana* 'Земля Адама, не запятнанная грязью', *Ziemia Święta* 'Святая земля'. Эти метафорические именованья актуализируют библейскую символику: как и святую землю, приход Богородицы пророчили, на нее возлагали надежды. Кроме того, именование *Ziemia Adama błotem nieskalana* подчеркивает Ее свободу от первородного греха.

К ветхозаветным событиям отсылает в произведениях поэтессы и именование Марии **горой пророка**, *górką u proroka*. Через Богородицу Бог явился людям так же, как и на горе Синай явился Моисею.

В стихотворении К.К. Бачиньского «Молитва к Богородице» Пресвятая Дева показана как элемент, объединяющий небо и землю: *w której ziemia jak niebo się stała* [в которой земля стала как небо]; *któraś serce jak morze rozdarła w synu ziemi i synu nieba* [Ты, которая сердце, как море, разверзла в сыне земли и сыне неба].

4. Мария и природа во взаимодействии с человеком:

В сборнике К. Бениславской отмечается номинация *Brogu pszeniczny* 'стог пшеницы', а Р. Брандштеттер в стихотворении «Гимн Черной Мадонне» называет Ее **Голубятней Евангелия**: *O Madonno, / Ptaszeczka poetko. O Madonno, / Gołębniku Ewangelii* [Мадонна, птичья поэтесса. Мадонна, Голубятня Евангелия]. Голубь считается символом Святого Духа, а Голубятня представляет собой образ вместилища Святого Духа.

5. Мария и птицы:

Традиционный для христианской культуры образ **голубки**, символа чистоты, простоты и непорочности, зафиксирован в произведениях К. Бениславской: *Otwórz mi, otwórz, moja gołębico!* [Открой мне, открой, моя голубка].

С птицами связывает Марию и Р. Брандштеттер: *Dzieweczka / O czole z błękitu, / O spojrzeniu utkanym z ptaszęcych świergotów* [Дева с лазурным челом и **взглядом, сотканным из птичьего щебета**], делая Ее образ легким и воздушным.

Итак, произведения польской литературы демонстрируют преемственность традиции: с древнейших времен прослеживается многогранность образа Богородицы, сочетание религиозных и мифологических мотивов, что проявляется в выборе Ее номинаций. Не теряя религиозного наполнения, благодаря мотивам природы образ усложняется новыми смыслами. На первый план в именовании выступают коннотативные семы лексем: выделяется чистота, красота и могущество Марии, образу придается национальный колорит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. СДЭС — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1 / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995.
2. *Benisławska K.* Pieśni sobie śpiewane. Warszawa, 2000.
3. *Brandstaetter R.* Pieśń o moim Chrystusie. Hymny Maryjne. Warszawa, 1988.
4. *Brückner A.* Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa: z rękopisu grecko-katolickiego kapituły przemyskiej. Kraków, 1907.
5. *Gawalewicz M., Stachiewicz P.* Królowa Niebios. Legendy ludowe o Matce Boskiej. Warszawa, 1894.
6. *Niedźwiedź A.* Obraz i postać. Znaczenia wizerunku Matki Boskiej Częstochowskiej. Kraków, 2005.
7. Słownik stereotypów i symboli ludowych. Т. 1, cz. 2. Kosmos: ziemia, woda, podziemie / red. J. Bartmiński. Lublin, 1999.

REFERENCES

1. SDES — Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticeskij slovar'. Т. 1 [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary. Vol. 1]. Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow, *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1995.
2. *Benisławska K.* Pieśni sobie śpiewane. Warszawa, *IBL*, 2000.
3. *Brandstaetter R.* Pieśń o moim Chrystusie. Hymny Maryjne. Warszawa, *Instytut Wydawniczy Pax*, 1988.
4. *Brückner A.* Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa: z rękopisu grecko-katolickiego kapituły przemyskiej. Kraków, *Akad. Umiejętności*, 1907.
5. *Gawalewicz M., Stachiewicz P.* Królowa Niebios. Legendy ludowe o Matce Boskiej. Warszawa, *Nakład Gebethnera i Wolffa*, 1894.
6. *Niedźwiedź A.* Obraz i postać. Znaczenia wizerunku Matki Boskiej Częstochowskiej. Kraków, *Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 2005.

7. Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. 1, cz. 2. Kosmos: ziemia, woda, podziemie / red. J. Bartmiński. Lublin, Wyd. UMCS, 1999.

Поступила в редакцию 12.01.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 08.11.2023

Received 12.01.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 08.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Румянцева Ольга Сергеевна — аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; o.rumiantceva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Rumyantseva — Ph. D. Student, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; o.rumiantceva@yandex.ru

«МЕРТВЫЙ ХРИСТОС» ГОЛЬБЕЙНА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»: ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЙ И АНТИКАТОЛИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ

А.А. Юдахин

*Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия;
Artemyudakhin@yandex.ru*

Аннотация: В статье приводится анализ христологического и антикатолического дискурса полотна Гольбейна Младшего «Мертвый Христос» в контексте романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Концептуальный анализ полотна осуществляется в трех направлениях. Во-первых, рассматриваются различные трактовки образа «Мертвого Христа», заданные самим художником в рамках живописного нарратива. Прежде всего, мы выделяем христологический мотив Христа Воскресающего или же, наоборот, Христа умершего, а также экклесиологический мотив: с образом мертвого Христа связана критика духовно умершей Римско-Католической Церкви эпохи Реформации. Во-вторых, исследуется рецепция полотна Гольбейна Младшего в русской культурной традиции, имеющей непосредственное отношение к Достоевскому. Различные акценты (гуманистический и танатологический) в восприятии полотна Карамзиным и прот. С. Булгаковым помогают понять и осмыслить то впечатление, которое произвел гольбейновский Христос на Достоевского. И, в-третьих, образ «Мертвого Христа» анализируется в художественном контексте романа «Идиот».

В ходе исследования автор приходит к следующим выводам. Антикатолический нарратив, заложенный в полотно самим автором, актуализируется Достоевским и приобретает в романе центральное, сюжетобразующее значение. Превалирующая танатологическая оптика восприятия картины героями романа коррелирует с обличаемой князем Мышкиным бездуховностью Запада и апостасией Римско-Католической Церкви. Живописное полотно Гольбейна как визуализация антикатолического дискурса концептуально сопрягается с его вербальным выражением — антикатолической речью князя Мышкина. Таким образом, в романе «Идиот» акцентируется именно христологическое обоснование религиозно-конфессиональной полемики с католицизмом, которую Достоевский вел на протяжении всего послекаторжного творчества.

Ключевые слова: Достоевский; Гольбейн Младший; «Мертвый Христос в гробу»; христология; антикатолическая полемика; роман «Идиот»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-9

Для цитирования: Юдахин А.А. «Мертвый Христос» Гольбейна в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: христологический и антикатолический дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 102–111.

HOLBEIN'S *DEAD CHRIST* IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL *THE IDIOT*: CHRISTOLOGICAL AND ANTI-CATHOLIC DISCOURSES

A.A. Yudakhin

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia; Artemyudakhin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the Christological and anti-Catholic discourse of Holbein Jr.'s canvas *The Dead Christ* in the context of F.M. Dostoevsky's novel *The Idiot*. The conceptual analysis of the canvas is carried out in three directions. Firstly, various interpretations of the image of the *Dead Christ*, set by the artist himself within the framework of the pictorial narrative, are considered. First of all, we highlight the Christological motive of Christ Resurrecting or, conversely, of Christ who finally died, as well as the ecclesiological motive, which consists in criticizing the spiritually deceased Roman Catholic Church of the Reformation era in the image of the dead Christ. Secondly, the reception of the canvas by Holbein Jr. in the Russian cultural tradition, which is directly related to Dostoevsky, is investigated. Various accents (humanistic and thanatological) in the perception of the canvas by N.M. Karamzin and prot. S. Bulgakov help to understand and comprehend the impression that Holbein's Christ made on Dostoevsky. And, thirdly, the image of the *Dead Christ* is analyzed in the artistic context of the novel *The Idiot*.

In the course of the study, the author comes to the following conclusions. The anti-Catholic narrative, embedded in the canvas by the author himself, is actualized by Dostoevsky and acquires a central, plot-forming meaning in the novel. The prevailing thanatological optics of the perception of the picture by the heroes of the novel correlates with the lack of spirituality of the West denounced by Prince Myshkin and the apostasy of the Roman Catholic Church. Holbein's painting, as a visualization of anti-Catholic discourse, is conceptually interfaced with his verbal expression — the anti-Catholic speech of Prince Myshkin. Thus, in the novel *The Idiot*, it is the Christological justification of the religious and confessional polemic with Catholicism that Dostoevsky conducted throughout his post-reform creativity which is emphasized.

Keywords: Dostoevsky; Holbein Jr.; *The Body of the Dead Christ in the Tomb*; Christology; anti-Catholic polemic; the novel *The Idiot*

For citation: Yudakhin A. (2023) Holbein's *Dead Christ* in F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*: Christological and Anti-Catholic Discourses. *Lomonosov Philology Journal*. Series 9. *Philology*, no. 6, pp. 102–111.

1.

Роман «Идиот» замышлялся Достоевским как роман-повествование о князе Мышкине — герое, фигурирующем в черновых набросках к роману под именем «Князь Христос» (9, 246)¹. Роман о «*вполне прекрасном человеке*» (28, кн. 2: 241) становится романом о Христе, «художественная антропология вырастает здесь до христологии» [Ничипоров 2022: 180]. Христологический нарратив, изначально заявленный в образе главного героя, артикулирован самим же князем в рамках антикатолической речи, произнесенной на званом вечере у Епанчиных (VII глава IV части).

Главные положения гневной филиппики князя Мышкина в адрес католицизма в рамках данного исследования можно свести к двум. Во-первых, князь утверждает, что католицизм есть «вера нехристианская» (8, 450), проповедующая «искаженного Христа <...> им же оболганного и поруганного, Христа противоположного» (8, 450), «антихриста проповедует» (8, 450). Во-вторых, обмирщенный римский католицизм, представляющий собой замаскированную под христианскую религию политическую идеологию, порождает, по мнению князя, атеизм и социализм (8, 451). Князь Мышкин озвучивает свое «личное и давнишнее убеждение» (8, 450) в inferнальной и апостасийной сущности католицизма, проповедующего не Христа, а Антихриста. На первый взгляд радикальные, кажущиеся абсурдными утверждения Мышкина на самом деле служат поводом для изложения идеологической программы самого Достоевского [Криницын 2018: 109–110]. Анализ его эпистолярного наследия за 1867–1871 гг. отчетливо показывает, что антикатолическая речь князя Мышкина является трансляцией авторской позиции — заветных религиозных и историософских идей Достоевского.

Однако антикатолический нарратив, вложенный в уста князя Мышкина, имеет в романном мире также и живописное воплощение. И живописному аргументу Достоевский придает не меньшее значение, чем выражению собственных воззрений, которое было доверено князю Мышкину. Картина Ганса Гольбейна Младшего «Мертвое Тело Христа в гробу» (нем. *Der Leichnam Christi im Grabe*), известная в русской традиции как «Мертвый Христос в гробу», играет в романе роль «своеобразного композиционного центра, организующего повествование» [Лученецкая-Бурдина 2012: 206]. Полотно, по замыслу Достоевского, приобретает характер «системообразующего фактора, становится смысловой сердцевиной романа, его проблем-

¹ Здесь и далее тексты Достоевского цитируются по изданию: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990. Все цитации Собрания сочинений Достоевского оформляются в тексте статьи следующим образом: номер тома, номер страницы.

ным эпицентром» [Бачинин 2017: 201]. Исследователи говорят даже о наличии специального дискурса Гольбейна в «Идиоте» [Новикова 2013: 82].

Картина «Тело мертвого Христа в гробу» написана Гольбейном Младшим в 1521–1522 гг. в Базеле, всего через несколько лет после начала Реформации. В это сложное и противоречивое время религиозного кризиса, сотрясавшего Европу, именно «фигура Христа становится для Гольбейна эпицентром его раздумий <...> художник, занятый вопросами самопознания, встает одновременно на путь богопознания» [Бачинин 2017: 209].

В полотне «Мертвый Христос в гробу» Гольбейн художественно претворил как свои внутренние духовные поиски, так и главные тенденции эпохи. Состояние экзистенциальной растерянности и духовной дезориентации отражены в картине, усложняя процесс интерпретации ее символического содержания. Исследователи до сих пор расходятся во мнении, что же именно изображено здесь.

Венгерский литературовед Пал Ач, проанализировав биографию Гольбейна, пришел к выводу, что картина предполагает в целом как минимум три возможных варианта интерпретации, адекватных замыслу автора. Пал Ач констатирует, что «о художественном замысле, подчеркивающем невозможность воскресения Христа, в мире Гольбейна не может быть и речи» [Ács 2013: 77]. Полуоткрытые глаза Иисуса, а также расположение пальцев застывшей кисти правой руки могут быть истолкованы не только как свидетельства предсмертных мук Христа, но и как первые движения Христа Воскресшего, а точнее — Христа Воскресающего [Ács 2013: 78].

Вместе с тем образ «Мертвого Христа» как Христа Воскресающего может быть прочитан и в прямо противоположном ключе. Испытав через Эразма Роттердамского влияние философии гуманизма, а также теологии радикальной Реформации, Гольбейн Младший, как полагают некоторые ученые, изображает Христа «слишком человеческим мертвым Сыном» [Кристева 2010: 127]. Иисус Гольбейна переведен «из трансцендентного разряда в разряд сугубо антропологический, превращен в раба тления и смерти, намертво запертого в могиле, так что ни о каком Его воскресении уже не могло быть и речи» [Бачинин 2017: 216]. Подчеркнутая десаκραлизация визуального образа Христа, даже претерпевшего крестные муки и смерть, то, что Ю. Кристева называет «стиранием славы в образе» [Кристева 2010: 125], — все это свидетельствует о возможном кризисе веры Гольбейна Младшего в божественное достоинство Христа [Кристева 2010: 132].

Полотно «Мертвый Христос в гробу» было написано в 1521/1522 годах, почти за десять лет до перехода Гольбейна в протестантизм.

Однако уже тогда, по всей видимости, в душе художника вызревало разочарование в Римско-Католической Церкви. Кризис доверия к Католической Церкви и Папскому престолу был очевиден для многих и охватывал широкие круги европейских христиан. Отсюда проистекает третья, «самоочевидное» [Ács 2013: 80] для современников Гольбейна Младшего послание «Мертвого Христа». Поскольку Церковь, согласно апостолу Павлу, есть «Тело Христово» (1-е Кор. 12:27), Гольбейн, «описав смерть Иисуса с такой шокирующей и убедительной силой <...> сформулировал на изобразительном языке то, во что верили Эразм, Лютер и радикальные протестанты: Церковь, старая церковь — и старик в ней — мертвы. Его больше не существует. Он мертв не только символически, но и в самом буквальном смысле этого слова. Но он воскреснет, если последует за своим учителем, Иисусом» [Ács 2013: 80].

Таким образом, в полотне Гольбейна пересеклись две, а на самом деле даже три трактовки образа «Мертвого Христа», которые предполагал автор картины. Христологическая интерпретация амбивалентна и может быть прочитана и как весть о Христе Воскресающем, и как весть о Христе умершем. Выбор трактовки напрямую коррелирует с верой/неверием (как наблюдателя, так и, возможно, самого автора полотна) в божественное достоинство Иисуса Христа. Экклесиологическая интерпретация выражает критику Римско-Католической Церкви, отвернувшейся от Христа, а потому духовно «умершей». Как показал Пал Ач, обращение к каждой из трех перечисленных трактовок допустимо и уместно в рамках заданного автором живописного дискурса.

2.

Что же увидел в «Мертвом Христе» Гольбейна русский писатель Достоевский? Сам он нигде напрямую об этом не пишет. Анна Григорьевна Достоевская оставила воспоминания о том впечатлении, которое произвел гольбейновский Христос на автора «Идиота», — однако свидетельства Дневника 1867 года и опубликованных в 1916 году мемуаров разнятся. Пониманию того, что Достоевский на самом деле увидел в полотне Гольбейна, может помочь анализ традиции восприятия «Мертвого Христа» в русской культуре.

Впервые в русском культурном контексте картина Гольбейна появляется в «Письмах русского путешественника» Карамзина. В письме от 6 августа 1789 года Карамзин оставляет следующий комментарий по поводу полотна: «В Христе, снятом со Креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек он изображен весьма естественно» [Новикова 2008: 417]. Е.Г. Новикова отмечает, что Карамзин, употребляя в отношении изображенного такие описа-

тельные характеристики, как «умерший человек», в котором «не видно ничего божественного», «гольбейновского Христа <...> воспринимает вполне гуманистически» [Новикова 2008: 417]. Гуманистический акцент Карамзина — предшественника Достоевского — дополняется тем впечатлением, которое произвело полотно Гольбейна на младшего современника и читателя автора «Братьев Карамазовых», протоиерея Сергия Булгакова. Опыт соприкосновения со смертью и, в умирании, сопричастия умирающему Христу отец Сергей подробно опишет в работе «Софиология смерти» (1939), упоминая, среди прочего, полотно немецкого художника: «...у Гольбейна, хотя и в трупном образе, дано почувствовать не совершившееся, но еще лишь совершающееся умирание, самая его сила...» [Булгаков 2021: 84–85].

Впечатление Достоевского от гольбейновского Христа, на наш взгляд, может быть концептуально осмыслено лишь в контексте высказываний Карамзина и отца Сергия Булгакова. Гуманистическая оптика Карамзина, а также танатологическая оптика Булгакова акцентируют именно момент смерти, умирания Христа, лишённого Своей божественной славы. Радикализованный, доведенный до крайности танатологическая тематика, перекрывая мотив Воскресения, превалирует в полотне Гольбейна. И именно тем, как натуралистично и правдоподобно Гольбейн изобразил *modus moriendi* Христа, как нам кажется, и «восхищался» [Достоевская 1993: 234] писатель. Ретроспективно Достоевский знал о том, что Богочеловек Христос победил смерть и воскрес, и при желании в картине можно найти символические детали, свидетельствующие о начавшемся Воскресении Спасителя. Тем не менее, основной сюжет «Мертвого Христа» — именно изображение торжества смерти над Христом. Временно ли это торжество или оно окончательно? Вне контекста Священной истории, исходя только из гольбейновского образа Христа, может показаться, что победа смерти окончательна. Неслучайно поэтому Пал Ач делает важную оговорку о том, что полотно Гольбейна вряд ли предназначалось для публичного религиозного использования — слишком натуралистично художник изобразил тайну смерти Христа [Ács 2013: 72].

3.

В романе «Идиот» экфрасис картины носит дискретный характер — описание полотна приводится в книге трижды: в сцене посещения дома Рогожина князем Мышкиным (IV глава II части); в размышлениях князя Мышкина о Рогожине на пути к дому Настасьи Филипповны (V глава II части); в «необходимом объяснении» Ипполита Терентьева (VI глава III части). Во всех трех экфрасисах

Достоевский «передает не эстетическую сущность живописного полотна, но впечатление от него, возникающее напряженно-субъективное чувство персонажей» [Лученецкая-Бурдина 2012: 207]. Несмотря на некоторые различия, в восприятии картины всеми персонажами прослеживается одна и та же генеральная тенденция: человек Христос умер и не воскреснет.

На наш взгляд, непростой и полемически заостренный христологический дискурс в романе еще более усложняется мотивом богоподмены, на который указали Р.С-И. Семькина и Ю.А. Юнгеров, относя его как к князю Мышкину и Ипполиту Терентьеву, так и к «Мертвому Христу» Гольбейна [Семькина, Юнгеров 2012: 283–286]. Теологический радикализм Гольбейна заключался в том, что на полотне он изобразил начавшееся загнивание Тела (труппа) Христа, тем самым изолируя человеческую природу Христа от Его божественной природы. Таким образом, Гольбейн, сознательно или нет, нарушает главный христологический догмат IV Вселенского Халкидонского Собора (451) о «неслиянном, неизменном, нераздельном, неразлучном» единстве природ во Христе. Согласно восточнохристианской доктрине, загнивание Тела Спасителя не осуществилось именно потому, что Его Тело было пронизано божественными энергиями, было обожено. О посмертной нетленности Тела Христа подробно писал, к примеру, преподобный Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры».

Для нас важно отметить следующее: картина, выступающая в романе в качестве метафизической провокации, концептуально смыкается с антикатолическим нарративом князя Мышкина. По тонкому наблюдению М.М. Дунаева, антикатолическая филиппика Мышкина разворачивается в ответ на адресованный князю запрет Аглаи Епанчиной говорить на званом вечере о том, что «мир спасет красота» (8, 436). Подчиняясь запрету, князь начинает говорить об обратном — об анти-красоте, а именно — о католицизме [Дунаев 2002: 463]. Визуальным выражением не просто эстетической, но именно метафизической анти-красоты в романе выступает полотно Гольбейна, своеобразная анти-икона Христа. Не останавливаясь подробно на антииконической и антихристанской природе «Мертвого Христа», отметим лишь то глубокое и глубинное различие, которое пролегает между иконографической (сакральной) традицией изображения почившего Христа и тем живописным воплощением сюжета, которое предложил Гольбейн. На византийских и русских иконах мертвый Богочеловек Христос изображается *почившим*, уснувшим плотью, не подверженным окончательному разлагающему торжеству смерти. На полотне Гольбейна Христос изображен в состоянии истлевания, начавшегося физического разложения, что,

с точки зрения догматического богословия, прямо свидетельствует об отсутствии во Христе божественной природы. Достоевский как человек воцерковленный не мог не заметить этого метафизического разрыва.

В этой логике Христос Гольбейна, равно как атеизм и социализм в речи князя Мышкина, генетически восходит к католическому «антихристу» (8, 450). Католицизм как метафизическая «анти-красота» (Дунаев) концептуально сопрягается с искаженным образом гольбейновского лже-Христа, т. е. антихриста. «Мертвый Христос» Гольбейна есть лишь предельное выражение отрекшегося от Христа «дохлого католицизма» (28, кн. 2: 243). В оппозиции «оболганному и поруганному» (8, 450) католичеством образу Христа, визуализированному на полотне Гольбейна, стоит подлинно евангельский «русский Христос» (8, 453), пока еще не явленный миру. Таким образом, если верно утверждение, согласно которому роман «Идиот» написан «о вере, о России, о Христе» [Лученецкая-Бурдина 2012: 205–206], то верно и обратное: роман написан о безверии, Западе и Антихристе.

Заключение

Центральный для «Идиота» христологический дискурс обретает в романном мире ярко выраженные черты религиозно-конфессиональной, антикатолической полемики. Основанием этой полемики послужили антикатолические воззрения Достоевского, а выражена она вербально (речь князя Мышкина) и визуально («Мертвый Христос» Гольбейна). Антикатолический нарратив, заложенный в полотно самим автором, актуализируется писателем и приобретает в романе сюжетобразующее значение. Танатологическая оптика восприятия картины героями романа коррелирует с обличенным князем Мышкиным бездуховным состоянием Запада, которое, в свою очередь, обусловлено апостасией Римско-Католической Церкви. Антагонистическое противостояние России и Запада, осмыслявшееся Достоевским в историософском ключе на протяжении всего послекаторжного периода творчества, имело для писателя христологическое и конфессиональное обоснование. Собственно темам духовного, экзистенциального конфликта России и Запада, Христа и Антихриста, жизни и смерти и посвящен роман «Идиот».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачинин В. Экзистенциальная контроверза Гольбейна-Достоевского (Размышления о картине «Мёртвый Христос») // Нева. 2017. № 11. С. 200–216.
2. Булгаков С., прот. Чаша Грааля. Софиология страдания. М., 2021.
3. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. М., 1993.

4. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. III. М., 2002.
5. Захаров В. Достоевский и Гольбейн: картина и ее образ в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 28. 2012. С. 65–73.
6. Криницин А.Б. Функция и идейный смысл образа Лебедева в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 3. С. 104–117.
7. Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия. М., 2010.
8. Лученецкая-Бурдина И.Ю. Культурные реалии как способ выражения философской проблематики романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. С. 205–209.
9. Ничипоров И.Б. Русская литература и Православие: пути диалога в истории и современности. М., 2022.
10. Новикова Е.Г. «На картине этой изображен Христос, только что снятый со Креста»: Н.М. Карамзин, Ф.М. Достоевский, С.Н. Булгаков о картине Ганса Гольбейна мл. «Христос во гробе» // Проблемы исторической поэтики. 2008. №8. С. 415–428.
11. Семькина Р.С.-И., Юнгерова Ю.А. Три идеи о «Мертвом Христе»: мотив богоподмены в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // МНКО. 2012. № 5. С. 283–286.
12. Pál Ács. Holbein's "Dead Christ" in Basel and the Radical Reformation // Hungarian Historical Review 3 [Венгерское историческое обозрение 3]. 2013. no. 1. pp. 68–84.

REFERENCES

1. Bachinin V. Ekzistencial'naya kontroverzha Gol'bejna — Dostoevskogo (Razmyshleniya o kartine «Myortvyj Hristos») [Existential Holbein — Dostoevsky counter-analysis (Reflections on the painting «The Dead Christ»)]. *Neva*. 2017. № 11, pp. 200–216. (In Russ.)
2. Bulgakov S., prot. Chasha Graalya. Sofiologiya stradaniya [The Grail Cup. Sophiology of suffering]. Moscow: *Nikeya Publ.*, 2021. 384 p. (In Russ.)
3. Dostoevskaya A.G. Dnevnik 1867 goda [Diary of 1867]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1993. 454 p. (In Russ.)
4. Dunaev M.M. Pravoslavie i russkaya literature: V 6-ti chastyakh. Ch. III. 2002. [Orthodoxy and Russian Literature: In 6 parts. Part III]. [Moscow] *Church of the Holy Martyr Tatiana at Moscow State University*, 2002.
5. Zaharov V. Dostoevskij i Gol'bejn: kartina i ee obraz v romane «Idiot» [Dostoevsky and Holbein: the painting and its image in the novel «Idiot»]. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture]. 2012. № 28, pp. 65–73. (In Russ.)
6. Krinicyн A.B. Funkciya i idejnyj smysl obraza Lebedeva v romane «Idiot» [Function and ideological meaning of Lebedev's image in the novel «Idiot»]. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture]. 2018. № 3, pp. 104–117. (In Russ.)
7. Kristeva Yu. Chernoe solnce: Depressiya i melanholiya [The Black Sun: Depression and Melancholy]. Moscow: «Kogito-Centr» *Publ.*, 2010. 276 p. (In Russ.)
8. Lucheneckaya-Burdina I.Yu. Kul'turnye realii kak sposob vyrazheniya filosofskoj problematiki romana F.M. Dostoevskogo «Idiot» [Cultural realities as a way of expressing the philosophical problematics of F.M. Dostoevsky's novel «The Idiot»]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2012. № 2, pp. 205–209. (In Russ.)
9. Nichiporov I.B. Russkaya literatura i Pravoslavie: puti dialoga v istorii i sovremennosti [Russian Literature and Orthodoxy: ways of dialogue in History and modernity]. Moscow: *MAKS Press Publ.*, 2022. 232 p. (In Russ.)

10. Novikova E.G. «Na kartine etoj izobrazhen Hristos, tol'ko chto snyatyj so Kresta»: N. M. Karamzin, F. M. Dostoevskij, S. N. Bulgakov o kartine Gansa Gol'bejna ml. «Hristos vo grobe» [«This painting depicts Christ, just taken from the Cross»: N.M. Karamzin, F.M. Dostoevsky, S.N. Bulgakov on the painting by Hans Holbein Jr. "Christ in the Tomb"]. *Problemy istoricheskoj poetiki* [Problems of historical poetics]. 2008. № 8, pp. 415–428. (In Russ.)
11. Semykina R.S-I., Yungerov Yu.A. Tri idei o «Mertvom Hriste»: motiv bogopodmeny v romane F.M. Dostoevskogo «Idiot» [Three ideas about the «Dead Christ»: the motive of the God-substitution in F.M. Dostoevsky's novel «The Idiot»]. *MNKO*. 2012. № 5, pp. 283–286. (In Russ.)
12. Pál Ács. Holbein's «Dead Christ» in Basel and the Radical Reformation. *Hungarian Historical Review* 3, 2013, no. 1. pp. 68–84. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.05.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 08.11.2023

Received 23.05.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 08.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Юдахин Артем Александрович — магистр теологии, старший преподаватель факультета журналистики Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова; Artemyudakhin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Artem Yudakhin — Master of Theology, Senior Lecturer at the Faculty of Journalism of the Griboyedov Institute of International Law and Economics; Artemyudakhin@yandex.ru

ПОВЕСТЬ «ЮЛИЯ» КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ Н.М. КАРАМЗИНА

Е.Р. Лочмелис

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; dostfm182181@mail.ru

Аннотация: Тема статьи — повесть «Юлия» Н.М. Карамзина в ее отношении к литературному источнику, роману Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», и к поздним повестям автора «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный». Доказывается, что «Юлия» в литературном (формально-содержательном) отношении сильно зависит от произведений Руссо, но вместе с тем содержит структурные элементы, которые будут разрабатываться Карамзиным и в дальнейшем.

«Юлия» — дидактическая повесть, персонажи которой читают «Элоизу» и «Эмилия», сообразуя свои поступки с содержащимися в этих книгах предписаниями. Несогласие же с идеями Руссо высказывает не автор, а героиня, тогда как на композиционном уровне руссоистский пафос, напротив, утверждается.

«Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный» возможно рассматривать как варианты реализации одного замысла: они создаются в одно время, в своей основе имеют сюжетную модель романа «Новая Элоиза» — любовный треугольник, включающий персонажей, противопоставленных по критерию «чувствительности», и отражают уже оформившееся к 1796 г. расхождение Карамзина со взглядами Руссо. Кроме того, в них отчетливо просматривается романная структура и меняется тип конфликтной ситуации — это не нравственный выбор между добродетелью и пороком, а конфликт художника и толпы, что объясняется переориентацией Карамзина на немецкую романную традицию, в частности на жанр романа воспитания.

Все это дает основание рассматривать «Юлию» как претекст по отношению к поздней прозе Карамзина, что позволяет проследить его творческую эволюцию, выразившуюся в переосмыслении заданных сюжетных моделей и персонажных схем. Сравнение «Рыцаря нашего времени», «Моей исповеди» и «Чувствительного и холодного» не с зарубежными источниками (произведения Руссо и Гёте), а с более ранней повестью самого Карамзина позволяет увидеть специфические черты, которыми отмечены тексты 1799–1803 гг.

Ключевые слова: Карамзин; Руссо; Гёте; сюжет; модель; композиция; вариант; трансформация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-10

Для цитирования: Лочмелис Е.Р. Повесть «Юлия» как один из этапов творческой эволюции Н.М. Карамзина // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 112–122.

THE STORY *JULIA* AS ONE OF KARAMZIN'S CREATIVE EVOLUTION STAGES

E.R. Lochmelis

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dostfm182181@mail.ru

The article analyzes Karamzin's story *Julia* in its relation to the literary source — the novel *Julie, or the New Heloise* by Jean-Jacques Rousseau — and to the late stories, written by Karamzin (*A Knight of Our Times*, *My Confession*, *The Sensitive and the Cold*).

Comparative analysis proves that *Julia* is highly dependent on the Rousseau's works, but at the same time contains all the structural elements developed in Karamzin's later stories.

Julia is a didactic story; its heroes read *Heloise* and *Emile*, comparing their actions with the instructions in these books. Disagreement with the Rousseau's ideas is expressed not by the author, but by the heroine, while at the compositional level the Rousseauist pathos, on the contrary, is affirmed.

Three late stories (*A Knight of Our Times*, *My Confession*, *The Sensitive and the Cold*) share a rather simple plot scheme — or content core — Rousseauist love triangle, which includes characters contrasted by the criterion of 'sensitivity'. They should be considered as variants of one idea, because they are created at the same time, are based on the plot model from Jean-Jacques Rousseau's novel *Julie, or the New Heloise* and reflect Karamzin's divergence with Rousseau's views.

Moreover, it is noticeable that in these texts the novel structure became visible and the type of conflict situation was changed. It is not a moral choice between virtue and vice, but a conflict between the artist and the crowd, which is explained by Karamzin's reorientation to the German novel tradition, in particular, to the genre of the Bildungsroman.

This fact allows us to trace Karamzin's creative evolution, expressed in rethinking given plot models and character schemes. A comparison of *A Knight of Our Times*, *My Confession* and *The Sensitive and the Cold* not with foreign sources (works of Rousseau and Goethe), but with an earlier story by Karamzin himself allows us to explicate the specific features of the period of 1799–1803.

Keywords: Nikolay Karamzin; Jean-Jacques Rousseau; Goethe; plot; model; composition; invariant; transformation

For citation: Lochmelis E. (2023) The Story *Julia* as One of Karamzin's Creative Evolution Stages. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 112–122.

Предмет предлагаемого исследования — повесть Карамзина «Юлия», написанная в 1794 г. (для третьей книги альманаха «Аглая») и опубликованная отдельным изданием в 1796 г.: к этому моменту

уже в полной мере проявилось расхождение Карамзина со взглядами Руссо «на природу и воспитание человека» [Краснощекова 2008: 44], нашедшее отражение в текстах 1799–1803 гг.

«Юлия» неоднократно становилась предметом внимания исследователей. Так, об особенностях психологизма в произведениях Руссо и Карамзина писала А.Н. Беляева [Беляева 2018: 50–58], композиции повести посвящены работы А.Ю. Тираспольской [Тираспольская 2016: 32–36]. Говорилось и о том, что в «Юлии» заложены «мотивы, формы и даже некоторые внутренние черты психологического романа XIX в.» [Гуковский 1939: 510]. Однако ни одна из работ не отвечает на вопрос о значении «Юлии» в контексте всего творчества Карамзина; между тем повесть возможно рассмотреть как этапное произведение, подводящее итоги предшествующего периода творчества и содержащее новые интенции, как претекст по отношению к произведениям 1799–1803 гг. («Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный»).

«Юлия» — дидактическая повесть с выведенной в конце моралью, созданная под сильным влиянием Руссо: ее персонажи читают «Элоизу» и «Эмилю», сообразуя свои поступки с содержащимися в этих книгах предписаниями.

Несогласие же с идеями Руссо высказывает не автор, а героиня, кредит читательского доверия к которой невелик: есть объективный (третьеличный) повествователь; сам сюжет повести предполагает исправление героини в финале. «Мне кажется, что Руссо писал более по воображению, нежели по сердцу» [Карамзин 1979: 112], — говорит героиня, в то время как на композиционном уровне руссоистский пафос, напротив, утверждается: Юлия «примером своим доказала, что легкомыслие молодой женщины может быть иногда покрывалом или завесою величайших добродетелей» [Карамзин 1979: 118].

Следовательно, в отличие от произведений 1799–1803 гг., «Юлия» в литературном (формально-содержательном) отношении сильно зависит от произведений Руссо. Но в связи с тем, что некоторые из тенденций (сохранение романной ситуации, заимствованной из «Элоизы» Руссо, и системы персонажей; недопущение нравственного падения главных героинь и их дискредитации) характерны и для более поздних произведений автора, представляется целесообразным рассмотреть «Юлию» как текст, предшествующий появлению «Рыцаря нашего времени» (1799–1803 гг.), «Моей исповеди» (1802 г.) и «Чувствительного и холодного» (1803 г.).

Произведения 1799–1803 гг. уже сопоставлялись [Лотман 1998: 18; Краснощекова 1996: 66–74; Краснощекова 2008: 20–48; Сапченко 1996: 93–101], хотя как «единый текст» повести Карамзина не анализировались. Типологическое сходство между «чувствитель-

ными» и «холодными» характерами отмечалось неоднократно. Для ряда исследований является общей мысль о том, что «в “Чувствительном и холодном”, с его “двумя характерами”, <...> как в зародыше, заложены все антитетические пары героев русской литературы середины XIX века» ([Берков 1969: 16]; см. также, напр., [Манн 1995: 263–264; Удодов 1973: 513]).

«Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный» возможно рассматривать как варианты реализации исходного сюжетного инварианта: они создаются в одно время и, как и «Юлия», в своей основе имеют сюжетную модель «Новой Элоизы» (о том, как формировался и функционировал сюжетный инвариант, подробнее см. [Лочмелис 2019а: 153–161]).

Под исходной — прототипической — моделью понимается руссоистский любовный треугольник, включающий персонажей, противопоставленных по критерию «чувствительности», — это та изначально заданная схема, попытки усложнения которой Карамзин предпринимает во всех произведениях анализируемого периода. Сюжет «Новой Элоизы» претерпевает ряд однородных трансформаций:

а) связанных с контекстом других текстов Руссо: «Эмилия» и «Исповеди» [Краснощекова 2001: 52–78; Краснощекова 2008: 20–48];

б) связанных с вариативным повторением романной ситуации (в «Чувствительном и холодном» трансформация особенно наглядна: симметричная система персонажей позволяет произвести замену признаков «чувствительности» и «холодности» и зеркально отразить руссоистский любовный треугольник: Эраст — Каллиста — Леонид, Леонид — Нина — Эраст);

в) связанных с включением жизненного материала в пространство художественного текста;

г) связанных с переориентацией Карамзина на немецкую романную традицию, в частности на жанр романа воспитания, образцом которого служит «Вильгельм Мейстер» Гёте, вышедший в 1795 г. и отрецензированный Карамзиным в «Московских ведомостях». С этим же произведением связано появление романтических тенденций в поздней прозе Карамзина [см.: Лочмелис 2019: 37–50], например мысли о двоemiрии: «Поэт имеет две жизни, два мира; если ему скучно и неприятно в существенном, он уходит в страну воображения, и живет там по своему вкусу и сердцу <...>» [Карамзин 1866: 69] (письмо 1796 г.). Конфликт художника и человека материальных ценностей, невозможность реализовать подавляемый окружением внутренний потенциал намечены в «Рыцаре нашего времени» и развернуто изображены в «Чувствительном и холодном».

Поскольку в «Рыцаре нашего времени», «Моей исповеди» и отчасти в «Чувствительном и холодном» ставится задача показать

героя — личностную проекцию автора — на всех этапах его формирования, в жанрово-композиционном отношении произведения 1799–1803 гг. можно описать, в отличие от ранних повестей, как тексты романного типа.

Так, в «Юлии» все структурные элементы сосредоточены вокруг одной ситуации — нравственного выбора между добродетелью и пороком, а не организованы последовательно в соответствии с биографией героя.

По-видимому, замысел «Рыцаря нашего времени», «Моей исповеди» и «Чувствительного и холодного» оформился несколькими годами позже и оказался связан с внутренним душевным кризисом, проявившимся в переписке Карамзина с Дмитриевым. В конце 1790-х Карамзин входит в имущественные дела Плещеевых, несмотря на то что Настасья Ивановна «давно уже обходится с ним холодно» [Карамзин 1866: 113], затем родами умирает Е.И. Карамзина — все это находит отражение в произведениях 1799–1803 гг., где литературные мотивы приобретают глубоко личное звучание.

В «Юлии» нет трагически естественной развязки руссоистской любовной коллизии, как нет и смерти «чувствительной» жены «холодного», — между тем так характеризует Карамзин созданных им позднее персонажей, которых наделяет теми взглядами и суждениями, что владеют им самим после возвращения из путешествия:

«Восторги редки и дороги; их почти страшно желать <...>. Лучше жить не долго, да умереть хорошо, то есть покойно, тихо, без большого страдания» [Карамзин 1866: 90–91]. Ср.: «Он [Леонид] умер без надежды и страха, как обыкновенно засыпал всякий вечер» [Карамзин 1964а: 754].

Главное действующее лицо «Юлии» — мятущаяся героиня, а не наделенный автобиографическими чертами герой, как это будет в повестях 1799–1803 гг.

Дважды оформляется, но не получает развития любовная коллизия руссоистского типа, в которой Юлия воплощает идеал добродетели. Отсутствует и характерный для трех позднейших текстов Карамзина персонаж, функционально замещающий Вольмара (граф Миров, старый князь, Леонид); такой персонаж впоследствии даст возможность точнее воспроизвести модель «Новой Элоизы», а ее использованию придать вид сознательной художественной игры.

Важно, что «Юлия» композиционно делится на две части, каждая из которых получает индивидуальное эстетическое оформление.

Первая часть выполнена с опорой на эстетику рокайльного романа и просветительской сатиры. Литературе рококо, стадияльно предшествовавшей романам руссоистского типа, присуще стремление «говорить о серьезном легко, непринужденно, изящно и остро-

умно» (что наиболее отчетливо проявилось в «Моей исповеди») [Пахсарьян 1996: 59–68]. Однако такие черты, как «игривость, фривольность, легкость, изящество, любовь к роскоши, гедонизм и эротизм, <...> понимание счастья как наслаждения» [Пахсарьян 2004: 272] вкупе с эвфемистической формой выражения и частотными фигурами умолчания свойственны прозе Карамзина в целом. Ср.:

«Юлия»: «Но скромность есть нужная добродетель и для самого сказочника. К тому же, не знаю отчего, собственное сердце мое бьется так сильно, когда я воображаю себе подобные сцены... Может быть, какие-нибудь темные воспоминания... Оставим» [Карамзин 1979: 110].

«Рыцарь нашего времени»: «Эмилия снимает с себя белую кофточку и берется рукою за кисейный платок на груди своей... Читатель ожидает от меня картины во вкусе золотого века: ошибается! Лета научают скромности <...>» [Карамзин 1964а: 781].

Высший свет — та сцена, на которую Карамзиным выводится галерея масок: молодой Легкоум, статный Храброн, забавный Пустослов и, наконец, волокита (князь N*) и влюбленный (Арис, который «не думал представлять картинного любовника» [Карамзин 1979: 107], оказался обрисован детальнее).

В системе Карамзина князь N* и Арис — холодный и чувствительный характеры. Однако персонажи «Юлии» еще не функционируют как двойники, в отличие от Эраста и Леонида в «Чувствительном и холодном». Образ князя N* еще не оформляется как «холодный» характер, тогда как в Арисе уже узнается чувствительный меланхолик. Как и Сен-Пре, Арис отправляется в путешествие с мыслями: «Не будет у меня ни отечества, ни друзей; будет одно чувство для горести и меланхолии!» [Карамзин 1979: 114] — мотив, оставшийся впоследствии и в «Чувствительном и холодном».

Схожим образом светское общество изображено и в «Моей исповеди»: главный герой ее — граф NN — на протяжении всего повествования меняет сатирические маски.

В первой же части складывается система персонажей, которая, как и отдельные сюжетные схождения, позволяет говорить о специфике методов включения руссоистского субстрата.

Имя «Юлия» в позднейших текстах заменяется на «Эмилию» — его носят героини, наделенные той же функциональной ролью в сюжете, что и г-жа д'Этанж. Вероятно, такая номинация связана с тем, что в 1788 г. Карамзин переводит трагедию Лессинга «Эмилия Галотти». Эмилия Карамзина в «Рыцаре нашего времени» и «Моей исповеди» такая же «чувствительная, пылкая» [Карамзин 1964b: 86], как и ее литературный прототип; основная характеристика героини — добродетель, тогда как главный страх ее — поддаться соблазну.

Арис схож с Сен-Пре, «молодым человеком обыкновенной наружности», чье лицо «говорит о чувствительности» [Руссо 1968: 739]: «Не будучи красавцем, он нравился <...> взорами, одушевленными огнем внутреннего чувства» [Карамзин 1979: 107].

При этом, в отличие от Эраста и Вильгельма Мейстера, отмеченных говорливостью и неспособностью слушать других, Арис «говорил немного, но всегда основательно и приятно» [Карамзин 1979: 107].

Князь N* — персонаж, который еще не вполне развился из типа волокиты в «холодный» флегматический характер, а потому мало связан с Вольмаром Руссо (отсутствует совпадение по возрасту — черта, которая в «Моей исповеди» нужна для снижения образа старого князя). Как и князь N*, граф NN может быть назван «ветреным», «легкомысленным» [Карамзин 1979: 108, 111], а на сюжетном уровне он выступает первым увлечением героини (Юлии или Эмили), к которому она возвращается, будучи в браке. Князь N* близок графу NN по ряду характеристик. Ср.:

«<...> **молодой князь N*, любимец природы и счастья, которые осыпали его всеми блестящими дарами своими, знатный, богатый, прекрасный собою**» [Карамзин 1979: 108].

«**Природа и судьба уговорились сделать тебя [графа NN] образцом любезности и счастья; ты прекрасен, умен, богат и знатен; довольно для блестящей роли в свете!**» [Карамзин 1964а: 730]

«Эраст был **молод, прекрасен, умен и богат: сколько прав наслаждаться светом!**» [Карамзин 1964а: 745]

Характеристика (с тем же синтаксическим оформлением) впоследствии перейдет не к «холодному» Леониду, а к Эрасту: определение «знатен» окажется заменено на «молод»: к 1803 г. система достраивается и точнее повторяет заданную Руссо модель, а типология, подразумевающая деление персонажей по критерию «чувствительности», связывается с возрастом.

Увлечение светом и чувствительность становятся приметамы молодости (Сен-Пре, граф NN, Леон, Эраст), а ум, рассудочность, внутреннее спокойствие и охлаждение — приметамы зрелости и старости (Вольмар, граф Миров, Леонид). Именно поэтому Леонид не охарактеризован по критерию «возраст» на протяжении той части повести, где еще действует Эраст, антитезой которому он является.

Одна из самостоятельных (отсутствующих у Руссо и Гёте) сюжетных линий «Чувствительного и холодного» (Эраст — Нина — Леонид) присутствовала уже в «Юлии». Нине «хочется видеть в пылкой деятельности сердце флегматическое» [Карамзин 1964а: 748], поскольку «холодные люди иногда более чувствительных нравятся женщинам» [Карамзин 1964а: 748]; теми же чувствами движима и Юлия: «<...> носился по городу слух, что князь нечувствителен

к женским прелестям, что Амуровы стрелы не берут его сердце <...>. Какой вызов для самолюбия женщин!» [Карамзин 1979: 108]. Однако впоследствии князь N*, как и Леонид, уезжает из Москвы, что и становится причиной обморока Юлии и Нины.

Мысль о том, что «легче удержаться от первой, нежели от второй вины» [Карамзин 1964а: 749], произнесенная в «Чувствительном и холодном» в качестве причины, по которой Эраст «развелся с женою» [Карамзин 1964а: 749], в «Юлии» тоже звучит («Чему удивиться? <...> старая дружба!» [Карамзин 1979: 113]) и объясняет произошедший между героями разрыв.

Во второй части вновь актуализируется руссоистский контекст и эстетика просветительского сентиментализма. Юлия «становится ангелом непорочности» [Карамзин 1979: 115] и родившегося сына воспитывает в соответствии с изложенными в «Эмиле» принципами: на лоне природы «маленький Эраст расцветал, как розан» [Карамзин 1979: 117], то же и в романе «Рыцарь нашего времени»: детство Леона — «истинная Аркадия жизни» [Карамзин 1964а: 758].

Однако в «Рыцаре нашего времени» весь комплекс устойчивых мотивов — деревенский топос, образы нежной матери и ее сына, чувствительного мальчика (Эраста или Леона) — сместится в начало текста, что связано с ориентацией Карамзина на роман воспитания, задача которого — изобразить последовательное становление героя на всех этапах его жизни: «Я иду только с пером вслед за судьбою и описываю, что творит она по своему всемогуществу» [Карамзин 1964а: 761].

Поскольку связанные с возрастом категории «чувствительности» и «холодности» в эстетической системе Карамзина никогда не сосуществуют одновременно в одном персонаже, но легко перераспределяются между двумя героями-двойниками, то для интерпретации «Чувствительного и холодного» важно, что в «Юлии» чувствительного мальчика зовут Эраст, а в «Рыцаре нашего времени» — Леон. Эраст в «Чувствительном и холодном» — «вариация повзрослевшего Леона» [Краснощекова 2008: 44], противопоставленного «холодным», что «не живут, а дремлют в свете и плачут только от одной зевоты» [Карамзин 1964а: 772].

Герой романа «Рыцарь нашего времени» представляет два противоположных характера — Эраста и Леонида — в их соединении. В мыслях и поступках Леон во многом схож с Эрастом: ему так же предстоит перетерпеть «все горести, все свирепые бури, которые волнуют жизнь чувствительных» [Карамзин 1964а: 759], само же имя Леона «переходит» [Краснощекова 2008: 44] к «холодному» Леониду.

Следовательно, в повести «Чувствительный и холодный», продолжившей «Рыцаря нашего времени», отражено движение от дет-

ства (рождения) к старости и смерти, а Эраст и Леонид — воплощения одного человека на разных этапах его жизни, в том числе и внутренней, духовной. Неслучайно поэтому, что повесть оканчивается описанием последних лет жизни Леонида, душа которого «настрадалась уже в каком-нибудь первобытном состоянии и хотела единственно отдышаться» [Карамзин 1964а: 754], причем под «первобытным состоянием» подразумевается «изнуренная страстями» [Карамзин 1964а: 752] душа молодого Эраста.

С Леонидом связаны мотивные группы, не соотносимые с темой юности; его самого нельзя причислить к тем людям, которые «по большей части входят в связи с женщинами ветреными» [Карамзин 1964а: 746], — причина, по которой свойства волокит князя N* и графа NN оказались приписаны Эрасту, а не «холодному» Леониду.

Таким образом, в «Юлии» заложены структурные элементы, которые будут разрабатываться Карамзиным и в дальнейшем, а полемика со взглядами Руссо, оформившаяся в середине 1790-х (см. подробнее: [Лотман 1998: 287]), заканчивается отходом от традиции просветительского сентиментализма, о чем свидетельствуют как естественные трагические финалы «Чувствительного и холодного» и «Моей исповеди», так и ироничность авторского тона, иногда переходящая в прямое пародирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляева А.Н.* Проблема психологизма в романе Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» и повести Н.М. Карамзина «Юлия» // Вопросы русской литературы. 2018. № 1. С. 50–58.
2. *Берков П.Н.* Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII–начала XIX века // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 5–18.
3. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М., 1939.
4. *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения: в 2 тт. М.; Л., т. 1 (1964а), т. 2 (1964б).
5. *Карамзин Н.М.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866.
6. *Карамзин Н.М.* Юлия // Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 106–119.
7. *Краснощекова Е.А.* Карамзин и Руссо: «Рыцарь нашего времени» // Карамзинский сборник: Россия и Европа: диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 52–75.
8. *Краснощекова Е.А.* «Два характера»: «Чувствительный и холодный» Н.М. Карамзина и «Обыкновенная история» И.А. Гончарова // Карамзинский сборник: Творчество Н. М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 66–74.
9. *Краснощекова Е.А.* Роман воспитания — Bildungsroman — на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб., 2008.
10. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1998.
11. *Лочмелис Е.Р.* Гёте и Карамзин: опыт усвоения сюжетной модели романа Руссо «Новая Элоиза» (на примере романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» и повести «Чувствительный и холодный») // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2019. С. 37–50.
12. *Лочмелис Е.Р.* Проблема сюжетного инварианта в поздней прозе Н.М. Карамзина // Stephanos. М., 2019а. №3 (35). С. 153–161.

13. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995.
14. Пахсарьян Н.Т. Искусство жить рокально // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства. М., 2004. С. 272–279.
15. Пахсарьян Н.Т. Основные литературные направления XVIII века // История зарубежной литературы XVII — XVIII веков: Учебно-методическое пособие. М., 1996. С. 59–68.
16. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968.
17. Сапченко Л.А. «Чувствительный и холодный» Н.М. Карамзина и типология «двух характеров» в русской литературе первой половины XIX века // Карамзинский сборник: Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 93–101.
18. Тираспольская А.Ю. Повесть Н.М. Карамзина «Юлия»: наблюдения над композицией произведения // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения — 2015. СПб., 2016. С. 32–36.
19. Удодов Б.Т. Лермонтов: художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.

REFERENCES

1. Belyaeva A.N. *Problema psihologizma v romane Zh.-Zh. Russo «Julija, ili Novaja Jeloiza» i povesti N.M. Karamzina «Julija»* [Psychologism Problem in J.-J. Rousseau's Novel "Julie, or The New Heloise" and N.M. Karamzin's Story "Julia"]. *Voprosy russkoj literatury* [Russian Literature Issues]. 2018, №1, pp. 50–58. (In Russ.).
2. Berkov P.N. *Derzhavin i Karamzin v istorii russkoj literatury konca XVIII—nachala XIX veka* [Derzhavin and Karamzin in the History of Russian Literature of the late 18th — early 19th Centuries]. *18 vek* [18th Century]. 1969, Vol. 8, pp. 5–18. (In Russ.).
3. Gukovsky G.A. *Russkaja literatura XVIII veka*. [Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo narkomprosa RSFSR. 1939. 529 p.
4. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]: In 2 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad, *Khudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1964a. 810 p.; vol. 2, 1964b. 591 p.
5. Karamzin N.M. *Pis'ma N. M. Karamzina k I.I. Dmitrievu* [Letters of N. Karamzin to I. Dmitriev]. St.-Petersburg, *Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ.*, 1866. 730 p.
6. Karamzin N.M. Yuliya [Julia]. *Russkaya sentimental'naya povest'* [Russian Sentimental Tale]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 1979, pp. 106–119. (In Russ.).
7. Krasnoshchekova E.A. *Karamzin i Russo: «Rycar' nashego vremeni»* [Karamzin and Rousseau: "A Knight of Our Times"]. *Karamzinskij sbornik: Rossija i Evropa: dialog kul'tur* [The Karamzin Collection: Russia and Europe: a Dialogue of Cultures]. 2001, pp. 52–75. (In Russ.).
8. Krasnoshchekova E.A. «Dva haraktera»: «Chuvstvitel'nyj i holodnyj» N.M. Karamzina i «Obyknovennaja istorija» I.A. Goncharova [“Two characters”: “The Sensitive and the Cold” by N.M. Karamzin and “A Common Story” by I.A. Goncharov]. *Karamzinskij sbornik: Tvorchestvo N.M. Karamzina i istoriko-literaturnyj process* [The Karamzin Collection: N.M. Karamzin's Creativity and Historical-Literary Process]. 1996, pp. 66–74. (In Russ.).
9. Krasnoshchekova E.A. *Roman vospitaniya — Bildungsroman — na russkoj pochve: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoj. Dostoevskij* [Upbringing Novel — Bildungsroman — on Russian Soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky]. St.-Petersburg, *Pushkin Fund Publishing House*, 2008. 480 p.
10. Lotman Yu.M. *Sotvorenje Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, *Molodaya Gvardiya Publ.*, 1998. 382 p.

11. Lochmelis E.R. *Gjote i Karamzin: opyt usvoenija sjuzhetnoj modeli romana Russo «Novaja Jeloiza» (na primere romana «Gody uchenija Vil'gel'ma Mejstera» i povesti «Chuvstvitel'nyj i holodnyj»)* [Goethe and Karamzin: The Experience of Mastering the Plot Model of Rousseau's Novel "Julie, or The New Heloise" (on The Example of the Novel "Wilhelm Meister's Apprenticeship" and The Story "The Sensitive and the Cold")]. *Tehstologija i istoriko-literaturnyj process* [Textology and the Historical and Literary Process]. 2019, Vol. 7, pp. 37–50. (In Russ.).
12. Lochmelis E.R. *Problema sjuzhetnogo invarianta v pozdnej proze N.M. Karamzina* [The Plot Invariant in Nikolay Karamzin's Later Prose]. *Stefanos* [Stephanos]. 2019a, №3 (35), pp. 153–161. (In Russ.). doi: 10.24249/2309-9917-2019-35-3-153-161.
13. Mann Yu.V. *Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow, *Aspekt Press Publ.*, 1995. 384 p.
14. Pakhsaryan N.T. *Iskusstvo zhit' rokajl'no* [The Art of Living Rocaille]. *18 vek: Iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva* [18th Century: The Art of Living and the Life of Art]. 2004, pp. 272–279. (In Russ.).
15. Pakhsaryan N.T. *Osnovnye literaturnye napravlenija XVIII veka* [The Main Literary Trends of the 18th Century]. *Istorija zarubezhnoj literatury XVII—XVIII vekov: Uchebno-metodicheskoe posobie* [The History of Foreign Literature of the 17—18 Centuries: Educational-Methodical Manual]. Moscow, *Izdatel'stvo ROU*, 1996, pp. 59–68.
16. Rousseau J.-J. *Yuliya, ili Novaya Eloiza* [Julie, or the New Heloise]. Moscow, *Khudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1968. 774 p.
17. Sapchenko L.A. «Chuvstvitel'nyj i holodnyj» N.M. Karamzina i tipologija «dveh harakterov» v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka [“The Sensitive and the Cold” by N.M. Karamzin and the Typology of “Two Characters” in Russian Literature of the first half of the 19th century]. *Karamzinskij sbornik: Tvorchestvo N.M. Karamzina i istoriko-literaturnyj process* [The Karamzin Collection: N.M. Karamzin's Creativity and Historical-Literary Process]. 1996, pp. 93–101. (In Russ.).
18. Tiraspol'skaja A.J. *Povest' N.M. Karamzina «Julija»: nabljudenija nad kompoziciej proizvedenija* [The Narrative “Julia” by N. M. Karamzin: Observations on the Work Composition]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chtenija — 2015* [Printing and Word of St. Petersburg. Petersburg Readings — 2015]. 2016, pp. 32–36. (In Russ.).
19. Udodov B.T. *Lermontov: hudozhestvennaja individual'nost' i tvorcheskie processy* [Lermontov: Artistic Individuality and Creative Processes]. Voronezh, *Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta*, 1973. 702 p.

Поступила в редакцию 27.07.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 08.11.2023

Received 27.07.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 08.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Лочмелис Елизавета Романовна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета имени М.В. Ломоносова; dostfm182181@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta Lochmelis — PhD Candidate, Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dostfm182181@mail.ru

МОДЕРНИСТСКИЙ ХУДОЖНИК В ПРОСТРАНСТВЕ УТОПИИ: Ю. ОЛЕША И ВЕН. ЕРОФЕЕВ

И.В. Саморукова, В.В. Ромашова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева (Самарский университет), Самара, Россия;
satorukov@inbox.ru; romashovavv@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуется проблема легитимности модернистского высказывания в символическом пространстве советского утопического проекта. Главной чертой текста, включенного в утопический проект, является трансляция заданных извне установок и культурных ценностей, что в целом не согласуется с демиургическими притязаниями модернистского автора. Художник-модернист претендует на право трансформации мира. В этом смысле он ощущает себя конкурентом утопическому проекту, реализуемому властью. Материалом исследования являются роман Ю. Олеши «Зависть» (1927) и поэма Вен. Ерофеева «Москва — Петушки» (1969). Выбор произведений продиктован, во-первых, схожестью судеб обозначенных авторов; во-вторых, диахронической соотнесенностью главных героев — Николая Кавалерова и Венички — как художников в пространстве двух версий утопии (расцветающей и умирающей); в-третьих, схожестью повествовательной структуры обоих произведений. Последнее указывает на возможность рассмотрения их как примеров модернистского я-повествования (о себе и субъективном варианте действительности). Поэма Ерофеева рассматривается как своеобразная реплика на роман Олеши, поскольку она подхватывает основную интенцию романа. Авторы статьи приходят к выводу, что видение — внимание и воображение — Кавалерова и Венички демонстрируют их отчужденность от советского символического и невозможность самореализации в мире советских ценностей. Модернистский художник проигрывает и маргинализируется. Если Кавалеров как активный модернист 1920-х гг. все же предпринимает попытку найти зону контакта с советским миром, ассоциирующимся в его сознании с будущим, то Веничка пассивен и не предъявляет притязаний на легитимность собственного высказывания.

Ключевые слова: модернизм; символическое пространство; советский проект; художественное высказывание; субъективное повествование; изохрония

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-11

Для цитирования: Саморукова И.В., Ромашова В.В. Модернистский художник в пространстве утопии: Ю. Олеша и Вен. Ерофеев // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 123–134.

MODERNISTIC CREATOR IN THE SPACE OF UTOPIA: YURI OLESHA AND VEN. EROFEEV

I.V. Samorukova, V.V. Romashova

*Samara National Research University (Samara University), Samara, Russia;
samorukov@inbox.ru; romashovavv@mail.ru*

Abstract: The paper is devoted to the problem of the legitimacy of the modernist creator's statement in the field of the closed discourse of the Soviet utopian project. The main feature of the text that exists in the utopian project is the consolidation of accepted attitudes and cultural values, which is not consistent with the strategies of the modernist text. The modernist claims the right to create his own unique reality rather than follow the requirements of the new art. Yu. Olesha's novel *Envy* (1927) and Ven. Erofeev's *Moscow — Petushki* are illustrative material. The choice of literary works is justified by three reasons. Firstly, by the similarity of the fates of the designated authors. Secondly, by the diachronic correlation of the main characters of the texts — Nikolai Kavalerov and Venichka — as creators in the space of two versions of utopia (flourishing and dying). Finally, by the similarity of the narrative structures of both works, which indicates the possibility to consider them as examples of modernist self-tale (about oneself and a subjective version of reality). The authors of the paper suggest that *Moscow — Petushki* is a response to *Envy*, because it continues the development of that novel's main intention. This paper concludes that the settings of Kavalerov's and Venichka's creative statements demonstrate their alienation from the project of utopia and the impossibility of self-fulfillment in it. For this reason, both characters and their demiurges find themselves in the zone of the marginal and taboo, in the zone of distance from utopia. At the same time, Kavalerov as an active modernist of the 1920s tries to become part of the new century, while Venichka as a passive modernist of the 1960s no longer expresses any claim to a place in the Soviet world.

Keywords: modernism; symbolic space; Soviet project; creative statement; subjective narrative; isochrony

For citation: Samorukova I.V., Romashova V.V. (2023) Modernistic Creator in the Space of Utopia: Yu. Olesha and Ven. Erofeev. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no 6, pp. 123–134.

Отношение модернистского художника к советскому проекту не просто сложное, критическое, развенчивающее иллюзии. В русской литературе это отношение часто принимает характер конкуренции, поскольку художник, как определяет свою идентичность модернистский автор, претендует на признание творимой им символической реальности как уникальной и по крайней мере не менее значимой, чем ценности и символы воплощаемой в жизнь социальной утопии.

Выдвинутый тезис мы намерены развернуть в сравнительном анализе двух текстов, которые обрели статус культовых: романа

Юрия Олеши «Зависть» (1927) и поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» (1969). Попытка сопоставления ранее предпринималась [Лесин 2014], однако не была направлена на серьезное и последовательное рассмотрение ни взаимосвязи фигур Олеши и Ерофеева, ни потенциальной связи их художественных текстов.

Сходство произведений, имеющих ключевой характер для обоих художников, проявляется не только в их открыто субъективном стиле и не только в сюжете, который разворачивается как воображаемая борьба символов. Обращают на себя внимание текстуальные переключки «Зависти» и «Москвы — Петушков», порой напоминающие парафразы. Сравним, например, два эпизода: скандал в пивной у Олеши и посещение вокзального ресторана у Ерофеева, обратив внимание, что эти эпизоды занимают в структуре повествования сходное место: начало приключений-злключений персонажа [Олеша 1987: 14–15; Ерофеев, 2002: 22–23]. Сходство очевидно: пространство — питейное заведение, изображенное как господство бездушной плоти, автор-персонаж, изгоняемый с позором за неуместную дерзость, его неумолимое падение во тьму — и символическое, и буквальное.

Схожесть судеб двух писателей, необычайно одаренных, очень ярко о себе заявивших, но оставшихся авторами единственного произведения, темы и мотивы которого повторяются и варьируются в других текстах (в цикле «Вишневая косточка» и «Ни дня без строчки» Олеши, «Шагах командора» Ерофеева), также обращает на себя внимание. Олеша так и не смог, а Ерофеев даже не пытался легитимироваться как художник в советском символическом пространстве.

Попытка Олеши интегрироваться в систему эксплицирована в его речи на Первом съезде Союза писателей в 1934 г.: показательная метафора механизации творческого акта предваряет речь об отречении Олеши от Кавалерова, что, тем не менее, не помогло ему окончательно стать «своим» для новой формации писателей:

«Как художник проявил я в Кавалерове наиболее чистую силу, силу первой вещи, силу пересказа первых впечатлений. И тут сказали, что Кавалеров — пошляк и ничтожество. Зная, что много в Кавалерове есть моего личного, я принял на себя это обвинение в ничтожестве и пошлости, и оно меня потрясло. <...> Я стал думать, что то, что мне казалось сокровищем, есть на самом деле нищета.

Так у меня возникла концепция о нищем. <...> Воображение художника пришло на помощь, и под его дыханием голая мысль о социальной ненужности стала превращаться в вымысел, и я решил написать повесть о нищем» [Первый съезд Союза писателей 1934: 235].

Автор-персонаж Ерофеева, используя метафорику Олеси, ощущает себя «нищим» изначально. На советский мир Ерофеев не возлагает никаких надежд и не допускает с ним компромиссов. На вопросы интервьюера И. Большаева о роли современной советской интеллигенции в преодолении кризиса культуры он ответил: «Советская интеллигенция истребила русскую интеллигенцию <...> Никакого кризиса нет, и даже полное отсутствие всякого кризиса. То есть вообще ничего нет. <...> ни культуры, ни кризиса, ничего, решительно ничего» [Ерофеев 2003: 520].

Для оттепели, на исходе которой создается «Москва — Петушки», фигура Олеси и его «Зависть» весьма значимы. С этого периода и до конца советской власти Олеше была посвящена обширная критическая рефлексия как яркому, но до конца не реализованному, «загадочным образом» угасшему таланту. Упаковка «Зависти» в тему «интеллигенция и революция», которую использовали практически все исследователи, кроме М. Чудаковой [Чудакова 1972], пыталась вписать роман в советский историко-литературный нарратив, а не раскрыть его подлинную интенцию. Парадоксально, но эту же модель интерпретации «Зависти» и ее основного конфликта использовал А. Белинков, весьма критически относившийся к советскому историко-литературному нарративу и его «партийности». Его книга об Олеше писалась в СССР, фрагменты публиковались в журнале «Байкал» (1968), однако полностью она вышла уже в 1976 году в Мадриде. Ее название афористично формулирует концепцию Белинкова: «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша».

Однако более точным представляется рассмотрение близкого автору Кавалерова через фигуру модернистского творца.

Как доказал К.С. Поздняков, «Зависть» представляет собой переработку новеллы Т. Манна «Тристан» (1902) с целью адаптации темы «художник-модернист, одинокий гений против буржуазной витальности» к советскому контексту [Поздняков 2015: 449]. В «Зависти» немало отсылок к «Тристану»: особое, символически маркированное пространство (туберкулезный санаторий / Фабрика-Кухня), фигура жизнелюба, хозяина жизни (Клетериан / Андрей Бабичев), борьба за символическое первенство вокруг женщины, страх будущего, воплощенного в представителях новых поколений (мальш с погрешкой / Володя Макаров), мотив позорного бегства, но главное — фигура талантливого, но неуспешного, невостребованного писателя, наделенного неординарным видением (Шпинель / Кавалеров). В этом смысле «Зависть» Олеси можно рассматривать как реплику на новеллу Манна, произнесенную из советского контекста.

«Москва — Петушки», в свою очередь, является развитием темы противостояния уже окончательно маргинализованного модер-

нистского творца символам воплотившейся в жизнь и окостеневшей советской утопии. В этом аспекте текст Ерофеева анализируется нами как реплика на роман Олеши.

В самом деле, об интеллигенции в «Зависти» говорить сложно. По своему социальному положению Кавалеров — богема, художник, а не интеллигент с комплексом вины перед народом. Об этом свидетельствует каждый эпизод романа, в котором субъект письма озабочен одним, чисто модернистским стремлением — сказать о мире свое слово. Действие разворачивается на исходе НЭПа, так что безработному творцу, сшибающему копейчку на куплетах про совбарышень, противостоит не революция с ее романтикой, героизмом и кровавостью, а то, ради чего она свершилась: утопия советского коллективизма, символически представленная Фабрикой-Кухней, и ее патрон — советский начальник Бабичев, изображенный как новый барин, новый хозяин жизни.

Неявное (для Бабичева) соперничество литератора и директора треста пищевой промышленности есть попытка Кавалерова найти легитимный способ поставить себя наравне с людьми «нового века». Маргинальность несостоявшегося литератора вскрывается через невозможность для Кавалерова эстетически принять символическое пространство утопии: антропологическая значимость фабрики-кухни ему не раскрывается, аэродром теряет былую привлекательность, поскольку «авиация стала промышленностью» [Олеша 1987: 30], стадион стал местом триумфа молодого Володи Макарова (и публичного позора Кавалерова). Кавалеров существует как бы «между»: между рождающимся проектом соцреализма с его механизированными публичными пространствами и витальным пространством мещанской пошлости (пивные, кровать вдовы Прокопович), которое В. Тупицын метко назвал «коммунальным телом» [Тупицын 1998: 11], имея в виду и реальные формы социального устройства, и его артикуляционные характеристики. Этой «пошлости» герой Олеши приписывает черты «старого мира», у Ерофеева «коммунальное тело» — оборотная сторона безальтернативного советского.

В поэме «Москва — Петушки» образ утопии символически выражен Кремлем, незыблемым для советской культуры центром власти, а коммунальное тело, как у Олеши, опутано карнавальными метафорами, связанными с едой, напитками и материально-телесным низом. Подобно Кавалерову-маргиналу, Веничка — дитя андеграунда, воплощенного через метафорику коммунального тела. В той же степени, что и предшественник, в мире воплощенной утопии с ее бесчеловечными императивами Веничка — «так», сбоку припеку. Акты пьянства, разработка системы индивидуальных

графиков (губительная инициатива, неприемлемая для дискурса власти) и многочисленные уходы в интертекстуальность в целом отвечают тем же установкам на сотворение субъективного варианта действительности, что и трансформирующее видение в «Зависти». Кавалеров тоже часто нетрезв и лишь в таком состоянии предпринимает нечто похожее на поступок. Когда голова Кавалерова ясна, он мучается от того, что его не замечают, как не замечают мальчика на посылках.

В диахроническом аспекте Кавалерова, существующего на рубеже 1930-х гг., разумно рассматривать в качестве активного модерниста, заставшего благотворные 1920-е гг. и живущего согласно этим угасающим в новом культурном пространстве импульсам; Веничка, напротив, модернист пассивного порядка, уже не имеющий каких-либо притязаний на признание.

Нарративы Кавалерова и Венички открыто субъективны, сконцентрированы на «пишущем» субъекте и его рецепции. Их мысли и жизненные установки не совпадают с установками окружения. Стиль обоих текстов, говоря языком Олеси, «высокопарен и низкопробен» [Олеша 1987: 65] одновременно. Основная предпосылка письма Кавалерова и Венички — заявить о себе, оставить хоть какой-то «след» [Эпштейн 2015], позволяющий идентифицировать их как автономных единиц социума. Фокус на рецепции повествователя обостряет эстетическую конфронтацию с проектом реальности, предлагаемым властью. Официальному взгляду художник противопоставляет собственное видение, свой фокус восприятия мира. В обоих текстах на этом восприятии постоянно делается акцент:

«Да, она стояла передо мной, — да, сперва по-своему скажу вам: она была легче *тени* <здесь и далее курсив наш. — И.С., В.Р.>, ей могла бы позавидовать самая легкая из теней — *тень падающего снега*; да, сперва по-своему: не ухом она слушала меня, а *виском*, слегка наклонив голову; да, на орех похоже ее лицо: по цвету — от загара, и по форме — скулами, округлыми, сужающимися к подбородку. Это понятно вам? Нет? Так вот еще. От бега платье ее пришло в беспорядок, открылось, и я увидел: еще не вся она покрыта загаром, на груди у нее увидел я *голубую рогатку вены*...

А теперь — по-вашему. Описание той, которой вы хотите полакомиться. Передо мной стояла девушка лет шестнадцати, почти девочка, широкая в плечах, сероглазая, с подстриженными и взлохмаченными волосами — очаровательный подросток, стройный, как шахматная фигурка (это уже по-моему!), не великий ростом» [Олеша, 1987: 38].

Веничку тоже не понимают. Интенция его речи не угадываются представителями «коммунального тела», тем более не считается руководящими лицами:

«И так всю жизнь. Всю жизнь довлеет надо мной этот кошмар — кошмар, заключающийся в том, что понимают тебя не *превратно*, нет — “*превратно*” бы еще ничего! — но именно *строго наоборот*, то есть совершенно по-свински, то есть *антиномично*» [Ерофеев 2001: 31].

Кавалеров хочет славы, хочет сиять как советский начальник Бабичев, но не из-за проекта колбасы, а по причине того, что может воплотить мир, как никто другой. Он завидует славе и, как всякий завистник, наказан демонстрацией собственной пошлости.

В «Москве — Петушках» на легитимацию модернистского художника нет никакой надежды. Утопия окостенела в образе Кремля, недостижимого и нежеланного для Венички. От исполинского знака власти он прячется в поток иронической рефлексии, травестирует и заговаривает зло. В этой вере в силу внимания, воображения и яркого слова Веничка, как и Кавалеров, исключительно самонадеян. Он уверен, что творит иную реальность, суть которой могут уловить лишь избранные. Однако в потоке травестируемых символов и переименованных цитат автор-персонаж Ерофеева начинает заговариваться, терять сознание, чувство автономии — символы сбивают его с пути и в конце концов добивают.

Общим является развертывание повествования через настоящее нарративное время (*praesens historicum*) [Падучева 2010: 287–288], при котором излагаемое событие и факт его изложения синхронизируются. Это позволяет рассматривать тексты с точки зрения изохронического повествования. Ж. Женнет предпочитал говорить о данном явлении в рамках постоянства темпа, исключая понимание изохронии как совпадения времени истории и псевдвремени повествования [Женнет 1998: 341]. Однако можно предположить, что некоторые модернистские тексты все же пытаются создать иллюзию своего бытования в актуальном времени, т. е. во времени своего непосредственного рождения.

Кавалеров всю первую часть романа не апеллирует к точному времени в рамках диегетического мира: многие сцены (к примеру, глава 2) не имеют границ ни как единичные явления, ни как повторяющиеся. По сути, это растянутый итератив с интегрированными воспоминаниями и многочисленными отступлениями Кавалерова. Ретроспективные фрагменты (например, воспоминания об отце) встраиваются без явного грамматического указания на прошедшее диегетическое время. Они врываются в повествование, уподобляя его композицию акту погружения в память. Субъективное изложе-

ние чередуется с цитацией служебных записок, пространной и тоже не маркированной датами. Это свидетельство того, что в «Зависти» предпринята попытка изохронического повествования, правда, во второй части произведения повествующая инстанция меняется на так называемое «третье лицо» и нарративная оптика становится более широкой.

Повествование Венички еще больше походит на изохронию (и в плане синхронизации, и в отношении ритма). Формальное членение нарратива на завершённые единицы в виде глав создает темпоральную и пространственную динамику. Оформление мысли Венички развивается синхронно его передвижению (если мы допускаем, что диегетически Веничка все-таки сел в электричку), однако наличие аллюзий и реминисценций, охватывающих мировую культуру, а также обилие иронической рефлексии накладывают на этот внешний ритм собственную темпоральность, связанную с реализацией Венички как художника, стремящегося реинтерпретировать окружающее его символическое пространство. Изохрония Ерофеева вскрывает неустойчивость положения Венички как субъекта истории. Речь идет не только о большой истории, советском нарративе, в основе которого лежит проект утопии, но и об истории как составляющей повествования. По мере развития повествования фабульные моменты все более растворяются в субъективных интерпретациях автора-персонажа, что затрудняет установление его статуса в событии, вплоть до финала, когда Веничка не уверен, жив он или мертв:

«Я не знал, что есть на свете такая боль, я скрючился от муки. Густая красная буква “Ю” распласталась у меня в глазах, задрожала, и с тех пор я не приходил в сознание, и никогда в него не приду» [Ерофеев 2001: 119].

И настоящее нарративное время, и потенциальная изохрония закрепляют понимание «Зависти» и «Москвы — Петушков» как примеров модернистского я-повествования, в котором письмо в настоящем времени принципиально. Это попытка осуществления творческого акта здесь и сейчас, доказательство того, что автономный творческий субъект жив и претендует быть услышанным. Недостижимость последнего связана с нелегитимностью подобного эгоистичного жеста как в мире высоких символов власти, так и в пространстве окормляемого ей «коммунального тела».

Кавалеров возвращается в ненавистную ему постель вдовы Прокопович. Веничка, условное путешествие которого начинается с лестничной клетки подъезда, так и не попадает в заветные Петушки и находит свою смерть в том же подъезде. Символический квест завершается полным фиаско. Попытка предъявить миру свое я об-

рывается молчанием. У Кавалерова остается шанс «переквалифицироваться в управдомы», вернуться к сочинению комических куплетов и реприз, футбольных репортажей и прочих изящных мелочей, чем и занимался остаток жизни автор «Зависти». Для Веночки такой сценарий отыгран в вагоне до обетованных Петушков, которые он проскочил. Да и существуют ли эти Петушки, описанные в духе блоковских «Поэтов», утопии модернистской автономии творца?

Напомним, что и «Зависть», и «Москва — Петушки» стали, что называется, культовыми и породили в русской прозе второй половины XX века своеобразный жанр — я-повествование о горделивом, но проигрышном поиске своего места-пространства, зоны дистанции-контакта с легитимным символическим, куда входит классика, мемы идеологии и голос коммунального тела. Такова, в частности, трилогия И. Яркевича «Как я и как меня» [Яркевич 1996: 5–95], в которой автор-персонаж с претензией на автономию пытается самоутвердиться путем иронической рефлексии не только советских образцов, но и символов культуры высокого модернизма (Серебряный век) и даже текстов неподцензурной, подпольной культуры. Среди последних, кстати, есть и «Москва — Петушки» [Саморукова 2002: 147–162].

Эта сюжетная модель повторяется до сих пор в я-повествованиях и «автофикшн» на тему места художника в современном мире, что заставляет задуматься о границах так называемого российского постмодернизма. При становлении этого понятия было принято расширять границы явления, и книга М. Липовецкого, одна из первых теоретических работ на эту тему, признавшая за отечественным постмодернизмом реальную художественную парадигму со специфической поэтикой, начинается с анализа «Дара» [Липовецкий 1997: 8–9]. К слову, Набоков не только заметил и высоко оценил «Зависть», но и разгадал основную стратегию романа — поиск художественной автономии внутри советского мира [Набоков 2002: 204–205]. Но думается, что «русский постмодернизм» и все его «канонические» тексты, где присутствует фигура заплутавшего художника, скорее описывает подспудно жившую внутри советского мира модель модернистского письма с фигурой художника в центре. На фабульном, при всей условности этого понятия по отношению к подобным текстам, уровне автономный творец проигрывает, но на уровне письма он оказывается востребованным, о чем говорит неутраченный интерес к произведениям типа «Зависти» и «Москвы — Петушков».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добренко Е. Futur plus perfectum: соцреализм и стазис // Homo scriptor. Сб. ст. и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна. М., 2020. С. 204–223.
2. Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. М., 2003.
3. Ерофеев В. Москва — Петушки. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Комм. Э. Власова. М., 2002.
4. Женнет Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 308–434.
5. Кабаков И., Тупицын В. За пределами коммунальной речи // Творчество. 1992. № 1. С. 22–25.
6. Кларк К. Соцреализм и сакрализация пространства // Соцреалистический канон. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 119–128.
7. Лесин Е. Сегодня ваша очередь спать с Анечкой... // Независимая газета, 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2014-02-20/1_glavnaia.html?ysclid=1z4gvp76x92944684 (дата обращения: 06.10.2023).
8. Липовецкий М. Модернизм и авангард: родство и различие // Филологический класс. 2008. № 2 (20). С. 24–31.
9. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки ист. поэтики). Е., 1997.
10. Набоков В.В. Набоков о Набокове и прочем: Интервью. Рецензии. Эссе. М., 2002.
11. Олеша Ю. Зависть. Ни дня без строчки. Рига, 1987.
12. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стеногр. отчет. М., 1990.
13. Поздняков К.С. Литератор и «халтуртрегер»: проблема художественного высказывания в советской литературе 20-х — 30-х гг. XX века // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2014. Т. 16. № 2–1. С. 182–184.
14. Поздняков К.С. Зависть Тристана // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, 2015. Т. 17, № 1–2. С. 447–449.
15. Саморукова И.В. Субъект художественного высказывания как «герой произведения». Трилогия И. Яркевича «Как я и как меня» // Дискурс — художественное высказывание — литературное произведение: типология и структура эстетической деятельности. Самара, 2002. С. 147–162.
16. Симбирцева Н.А. Культурологический потенциал категории «текст культуры» // Человек в мире культуры. 2013. № 3. С. 27–32.
17. Тупицын В. Коммунальный (пост)модернизм: Рус. искусство второй половины XX в. М., 1998.
18. Чудакова М. Мастерство Юрия Олеша. М., 1972.
19. Эпштейн М. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы, критика и библиография. 2015. № 131 (1).
20. Яркевич И. Как я и как меня. Роман-трилогия // Как я и как меня. Роман-трилогия. Рассказы. М., 1996. С. 5–95.

REFERENCES

1. Chudakova M. *Masterstvo Yuriya Oleshi* [Yura Olesha's mastery]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1972, 100 p. (In Russ.)
2. Clarck K. *Socrealism i sakralizatsiya prostranstva* [Social realism and the sacralization of space]. *Socrealisticheski' kanon. Sbornik statei pod obche' redakcie' H. Gunt-*

- tera i E. Dobrenko. Saint Petersburg: *Academicheskii' proekt Publ.*, 2000, pp. 119–128. (In Russ.)
3. Dobrenko E. *Futur plus perfectum: socrealism i stasis* [Futur plus perfectum: social realism and stasis]. *Homo scriptor: Sbornik statei i materialov v chest' 70-letiya M. Epshteina. Mocsow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2020, pp. 204–223. (In Russ.)
  4. Epstein M. *Scriptorika. Vvedenie v antropologiu i personologiu pis'ma* [Scriptoria. Introduction to the anthropology and personology of writing]. *Novoe literaturnoe obozrenie. Teoriya i istoriya literatury, kritika i bibliografiya*, 2015, no. 131 (1). (In Russ.)
  5. Erofeev Ven. *Moi ochen' zhiznenni put'* [My very life journey]. Moscow: *Vagrius Publ.*, 2003. 621 p. (In Russ.)
  6. Erofeev Ven. *Moskva — Petushki. Bessmertnaya poema Venedicta Erofeeva "Moskva — Petuchki"*. *Komm. E. Vlasova* [Moscow — Petushki. An immortal poem by Venedikt Erofeev "Moscow — Petushki". Comments by E. Vlasov]. Moscow: *Vagrius Publ.*, 2002. 573 p. (In Russ.)
  7. Genette G. *Povestvovatel'ni' diskurs* [Narrative discourse]. *Figures*. Moscow: *Izdatel'stvo im. Sabashnikovih Publ.*, 1998, pp. 308–434. (In Russ.)
  8. Kabakov I., Tupitsyn V. *Za predelami kommynal'noi rechi* [Beyond the communal speech]. *Tvorchestvo*, 1992, no 1., pp. 22–25. (In Russ.)
  9. Lesin E. *Segodnya vasha ochered' spat' s Anechko'...* [Today it's your turn to sleep with Anechka...]. *Nezavisimaya gazeta*, 2014. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2014-02-20/1_glavnaya.html?ysclid=Iz4gvp76x92944684 (accessed: 06.10.2023) (In Russ.)
  10. Lipovetsky M. *Modernism i avangard: rodstvo i razlichie* [Modernism and the avant-garde: affinity and distinction]. *Philologicheskii' klass*. 2008, no. 2 (20), pp. 24–31. (In Russ.)
  11. Lipovetsky M. *Russkii' postmodernism (Ocherki istoricheskoi' poetiki)* [Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics)]. Ekaterinburg: *Ural. gos. ped. un-t Publ.*, 1997. 317 p. (In Russ.)
  12. Nabokov V.V. *Nabokov o Nabokove i prochem: Interviu. Retenzii. Esse*. [Nabokov about Nabokov and etc.: Interviews. Reviews. Essays]. Moscow: *B.S.G.-Press Publ.*, 2002. 704 p. (In Russ.)
  13. Olesha Yu. *Zavist'. Ni dnya bez strochki* [Envy. Not a day without a line]. Riga: *Liesma Publ.*, 1987. 349 p. (In Russ.)
  14. *Pervi Vsesoyuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei, 1934: Stenograficheskii' otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers, 1934: Verbatim record]. Moscow: *Sov. pisatel' Publ.*, 1990. 718 p. (In Russ.)
  15. Pozdnyakov K. S. *Literator i "halturtreger": problema hudozhestvennogo vyskazyvaniya v sovetskoi literature 20-h — 30-h gg. XX veka* [A literary man and a "hackertrager": the problem of creative statement in soviet literature in the 1920d and 1930s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo ctentra Rossi'skoi akademii nauk. Soctial'nye, gumanitarnye, medico-biologicheskije nauki*, 2014, T. 16, no 2–1, pp. 182–184. (In Russ.)
  16. Pozdnyakov K. S. *Zavist' Tristana* [Tristan's envy]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo ctentra Rossi'skoi akademii nauk. Soctial'nye, gumanitarnye, medico-biologicheskije nauki*, 2015, T. 17, no 1–2, pp. 447–449. (In Russ.)
  17. Samorukova I. V. *Sub'ekt hudozhestvennogo vyskazyvaniya kak "geroi proizvedeniya". Trilogiya I. Yarkevicha "Kak ya i kak menya"* [The subject of a creative statement as the "character of the work". I. Yarkevich's trilogy "How I did and how I was"]. *Discourse — Creative Statement — Literary Work: Typology and structure of aesthetic activity*. Samara: *Izdatel'stvo Samarskii' universitet Publ.*, 2002, pp. 147–162. (In Russ.)

18. Simbirtceva N. A. *Kul'turologicheski' potencial kategorii "tekst kul'tury"* [The cultural potential of the category "culture text"]. *Chelovek v mire kul'tury*. 2013, no. 3, pp. 27–32. (In Russ.)
19. Tupitsyn V. *Kommunal'nyi (post)modernism: Russkoe iskusstvo vtoroi poloviny XX veka* [Communal (post)modernism: Russian art of the second half of the 20th century]. Moscow: *Ad Marginem Publ.*, 1998, 206 p. (In Russ.)
20. Yarkevich I. *Kak ya i kak menya. Roman-trilogiya* [How I did and how I was. Novel trilogy]. *Kak ya i kak menya. Roman-trilogiya. Rasskazy*. Moscow: *Proza-press Publ.*, 1996, pp. 5–95. (In Russ.)

Поступила в редакцию 14.07.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 09.11.2023

Received 14.07.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 09.11.2023

ОБ АВТОРАХ

Саморукова Ирина Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева; samorukov@inbox.ru

Ромашова Виктория Валерьевна — магистрант Самарского национального исследовательского университета имени акад. С.П. Королева; romashovavv@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Samorukova — Prof. Dr., Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations of Samara National Research University; samorukov@inbox.ru

Victoria V. Romashova — PhD Student, Samara National Research University; romashovavv@mail.ru

ОБРАЗЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТИУТОПИИ С ПОЗИЦИЙ СЕМИОТИКИ КУЛЬТУРЫ ЛОТМАНА

И.Г. Меркулова

Международный центр семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; igmerkulova@gaugn.ru

Аннотация: Образы антиутопии — миф или реальность? Как осмыслить риски в области прогресса с позиций семиотики культуры? В статье мы предлагаем семиотический подход к этике отношений между человеком и продуктами искусственного интеллекта в литературном контексте.

Литературная антиутопия начала XXI века строится по принципу «щупать будущее» (Шкловский) и одновременно «приглядываться к аналогичным событиям в прошлом» (Лотман). С точки зрения семиотики человек в антиутопии — это образ «мыслящего тростника»: способность к инновациям является его эволюционным преимуществом. Мысль человека сопоставима с геологической силой, и в этом смысле подход Юрия Лотмана продолжает интеллектуальную традицию Владимира Вернадского, от биосферы к семиосфере.

Современные антиутопии Кадзуо Исигуро показывают нам общество будущего с разделением человеческих коллективов на «резервные» и «легитимные». Клонов и роботов предлагается рассматривать не как бездушные устройства, но как художественные произведения. Тексты антиутопий — основа для размышлений об этическом поведении человека будущего.

Ключевые слова: образы антиутопии; семиотика культуры; человеческие коллективы; технический прогресс

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-12

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках государственного задания ГАУГН по теме «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2023-0004).

Для цитирования: Меркулова И.Г. Образы литературной антиутопии с позиций семиотики культуры Лотмана // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 135–146.

IMAGES OF LITERARY DYSTOPIA FROM THE PERSPECTIVE OF LOTMAN'S SEMIOTICS OF CULTURE

Inna G. Merkoulouva

International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; igmerkoulouva@gaugn.ru

Abstract: Dystopian images: myth or reality? How to understand the risks in the field of progress from the perspective of semiotics of culture? In the article we propose a semiotic approach to the ethics of the relationship between humans and artificial intelligence products in a literary context.

The literary dystopia of the early 21st century is built on the principle of “feeling for the future” (Shklovsky) and at the same time “taking a closer look at similar events in the past” (Lotman). From the point of view of semiotics, a person in a dystopia is an image of a “thinking reed”: the ability to innovate is his evolutionary advantage. Human thought is comparable to geological force, and in this sense, Yuri Lotman’s approach continues the intellectual tradition of Vladimir Vernadsky, from the biosphere to the semiosphere.

Modern dystopias by Kazuo Ishiguro show us a society of the future with the division of human groups into ‘reserve’ and ‘legitimate’. Clones and robots are proposed to be viewed not as soulless devices, but as works of art. Dystopian texts are the basis for thinking about the ethical behavior of a person of the future.

Keywords: dystopian images; semiotics of culture; human groups; technical progress

Funding: The article was prepared with financial support within the framework of the state task of the GAUGN on the topic “Digitalization and the formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects” (FZNF-2023-0004).

For citation: Merkoulouva I.G. (2023) Images of Literary Dystopia from the Perspective of Lotman’s Semiotics of Culture. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 135–146.

Введение

В мире научно-технического прогресса и цифровой коммуникации мы все чаще обращаемся к образам литературной фантастики — утопии и антиутопии. Понять их актуальность сегодня помогают некоторые положения семиотики культуры Юрия Лотмана.

Станислав Лем более 35 лет назад в своей лекции «Познание и Зло» говорил о том, что разум дан человечеству «для того, чтобы мы могли заглянуть в будущее» [Лем 1987: 2]. Это будущее цивилизации, которая рождена беспрецедентными обещаниями прогресса. В своей книге 2018 г. «Краткие ответы на большие вопросы» С. Хокинг пишет о социальном прогрессе: «Мы никогда не можем сказать наверняка,

откуда придет следующее научное открытие. Но, рассказывая <...> о чуде научных открытий, мы в значительной степени увеличиваем шансы появления новых Эйнштейнов <...>. *Так что не забывайте смотреть не только под ноги, но и на звезды.* Старайтесь искать смысл в том, что вы видите [Хокинг 2021: 238, курсив наш].

Искать смысл в том, что мы видим, и смотреть на звезды, — так можно было бы сформулировать задачу, стоящую перед современными учеными-семиотиками.

Образ Другого

«Человек спросил у компьютера “Есть ли Бог?”. Компьютер ответил: “Теперь есть!” — и расплавил выключатель» [Хокинг 2019: 222]. В такой юмористической форме С. Хокинг поднимает один из насущных вопросов. Сегодня для нас важнее ответить на вопросы типа «Превзойдет ли нас искусственный интеллект?», «Стоит ли его бояться, а вместе с ним и прогресса в целом?», чем попытаться понять, в чем смысл искусственного разума. Мы ведем себя так, как будто знаем, кто этот Другой, который скоро будет жить рядом с нами. А на самом деле начать следует с *представления о Другом.*

В творчестве Юрия Лотмана особое внимание всегда уделялось вопросам о будущем человечества. Стали хрестоматийными его статьи «Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума» (1977/2000с) и «Технический прогресс как культурологическая проблема» (1988/2000b). Тема технического прогресса интересовала ученого как причина перемены всего образа жизни людей. Круг его любимых авторов известен — Пушкин, Карамзин, Достоевский. Однако представление о будущем глазами писателей-фантастов, область «предсказывания непредсказуемого» также вызывали интерес семиотика.

В беседе «Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются» Лотман говорит об области, которая называется «семантикой *возможных миров*» [Лотман 1987/2005а: 270]. Наша бытовая жизнь кажется нам единственно данной. А если представить ее как *одну из возможных*? Кажется, что именно этим и занимаются научные фантасты. Однако, по мнению Лотмана, они фантазируют *мало*. Гораздо перспективнее были бы произведения, которые показывают нам реальную ситуацию как одну из альтернатив. «Возможные миры», о которых Лотман пишет в конце 1980-х годов, через 30 лет станут одним из центров притяжения современной европейской семиотики. Как считает представитель Парижской

школы Жак Фонтаний, мы имеем дело с «созданием миров в социальном контексте правдивой информации» [Fontanille 2021: 221]¹.

Образы фантастической литературы для Лотмана — не просто представление о возможном мире. Фантастический роман способен поставить вопрос о *форме* искусственного интеллекта, а не просто изобразить его в виде друга или врага. До последнего времени искусственный интеллект принято было представлять в виде некой машины. Однако под машиной, даже самой совершенной, принято понимать «серийное устройство» [Лотман 2005b: 232]. Превосходя человека в отдельных качествах, оно всегда будет уступать ему в индивидуальности. В простых ситуациях достаточно хранить известную информацию, а в сложных нужно вырабатывать новую. Для этого «необходимо быть личностью», способной к непредсказуемому саморазвитию. Эти качества личности, говорит Лотман, «присущи художественному тексту». Поэтому высокоразумное устройство «скорее будет напоминать стихотворение, нежели самый совершенный *примус*» [Там же]. То есть речь идет не о *количественном усовершенствовании* человека (серийная машина), а о его *качественном подобии*. В этом устройстве, как и в человеческом организме, должно быть место несовершенствам. Последние — не досадные помехи, а условие внутреннего обогащения системы.

Прогресс, утопия, антиутопия

Тема «несовершенства» как отправной точки прогресса волновала не только семиотиков, от Лотмана до Греймаса, с его итоговой работой 1987 г. «О несовершенстве» (*De l'imperfection*). Этот сюжет был центральным в размышлениях русских формалистов начала XX века. «Энергия заблуждения» — так звучит знаменитая формула Шкловского, на которую его вдохновили строки Толстого о «земной стихийной энергии»². Предвосхищая размышления Лотмана, Шкловский писал: «Человечество мягкими умными руками щупает будущее, берет его и оценивает, будет ли эта ткань хороша вновь» [Шкловский 1983: 68].

«Щупать будущее» — идеальная метафора для фантастической литературы, объединяющая две противоположности: утопию как идеал и антиутопию как предупреждение. По Лотману, расширение возможностей человека в ходе прогресса порождает веру во всевластие человеческого гения. Отсюда — представление природы как *сырого материала*, который предстоит переделать [Лотман 2000b: 626].

¹ Здесь и далее цитаты зарубежных авторов-семиотиков даются в нашем переводе.

² Толстой, письмо к Н. Страхову от 8 апреля 1878 г.

Эпоха недавней пандемии была проанализирована учеными из самых разных областей, в том числе семиотиками³. Она напомнила человечеству о «мести природы» и об известных антиутопиях Хаксли, Оруэлла, Замятина. Последний в романе «Мы» описал людей будущего как однородный коллектив пронумерованных существ [Замятин 1989: 383]. Подобный коллектив представляет собой «утопическую параболу» [Fontanille 2019: 11], когда не только будущее, но и прошлое может породить страх перед прогрессом. Обращаясь к эпохе Возрождения, Лотман отмечает, что технический прогресс вызывает одновременно восхищение и страх перед непредсказуемостью жизни. Движение вперед стимулирует регенерацию «весьма архаических культурных моделей» сознания [Лотман 2000b: 629].

Ситуация пандемии напомнила нам об иерархии человеческих ценностей в ситуации замкнутого пространства и потенциальной угрозы вокруг, когда здоровье объявлялось «высшей ценностью» [Fontanille 2021: 90]. Этот период, несомненно, вдохновит новые поколения фантастов на антиутопии будущего. Однако пандемия как «проблема» случилась как бы «в скобках» человеческой истории, в определенный пространственно-временной период. А «за скобками» остались вопросы глобального будущего человечества. Именно эти вопросы поднимает в своих романах нобелевский лауреат Кадзуо Исигуро, тексты которого представляют собой богатый материал для семиотического анализа.

Коллектив улучшенных людей

В 1979 году на вопрос о возможной цивилизации суперличностей, соединяющих в себе качества лучших индивидов, Лотман ответил, что она «была бы обречена на скорое вымирание» [Лотман 2005b: 235]. В первые десятилетия XXI века вопрос о трансгуманном обществе улучшенных людей из предмета фантастических гипотез превратился в повестку дня международных организаций. Приверженцы трансгуманизма мечтают сотворить «после-человека», преодолев его ограниченные возможности при помощи искусственного интеллекта. Как считает Генеральный директор ЮНЕСКО О. Азуле, люди обязаны провести всемирное обсуждение этой проблемы, чтобы встретить новую эпоху, «не жертвуя нашими ценностями» [Azoulay 2018: 36]. Данная позиция близка к лотмановской, когда он пишет о том, что «без этической памяти человечество не выживет» [Лотман 2005c: 230].

---

³ См. сборник 2021 г. *Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов.*

Насколько этичен коллектив улучшенных людей?⁴ В романе Исигуро 2005 г. «Не отпускай меня» (*Never Let Me Go*) рассказчик, тридцатилетняя Кэти, вспоминает свою школу, где ученики воспитывались отдельно от внешнего мира с мыслью о том, что они — «особенные» существа и им нужно дорожить своим здоровьем, которое однажды этому миру понадобится. Это дети-клоны, созданные с единственной целью — стать донорами для «нормальных» людей [Исигуро 2018: 101]. Перед нами — трансгуманный коллектив, созданный человечеством для своего же потребления. В терминах Греймаса и Куртеса такой коллектив представляет собой *синтагматический актант*, где «единицы замещают друг друга при выполнении единственной программы. В этом коллективе члены различаются только по выполняемой функции в процессе» [Greimas, Courtés 1979: 43].

Функции коллектива клонов заранее определены: ученики делятся на две группы, на доноров и помощников — будущих доноров. Коллектив организован как «резервное» сообщество на службе людям. Это деформирующее зеркало социального прогресса, пример будущей легализации уже существующей продажи человеческих органов. При этом для клона отдать органы — не значит стать частью «легитимного» коллектива настоящих людей. «Дар» работает в одну сторону: будущие «улучшенные» люди способны только «брать», их отношение к клонам — не просто потребление, но страх и отвращение.

Почему люди испытывают отвращение к созданным для их же пользы существам? Разгадка кроется в форме жизни коллектива. Это *полное подчинение*, как в религиозных сектах: доноры не могут «протестовать», а их помощники обязаны исполнять приказы людей. Речь персонажей Исигуро отличается безличными конструкциями: *мне было сказано, моей работой довольны*. В конце романа, после последней операции и гибели донора (описанной не как смерть, а как *завершение* жизненной программы — *had completed*), рассказчик демонстрирует подчеркнутую покорность:

“The only indulgent thing I did, just once, was a couple of weeks after I heard Tommy had completed, when I drove up to Norfolk, even though I had no real need to” [Ischiguro 2005: 294].

Полное подчинение сродни новому рабству, именно оно вызывает отторжение у людей будущего. Реакция понятна, если мы обратимся к работе Лотмана «Культура и взрыв». Семиотик пишет, что в человеческом обществе, наряду с «дураком» и «умным» (оба отличаются *предсказуемым* поведением), существует третий элемент

⁴ Более подробно тема коллективов будущего представлена в нашей работе 2021 г. на французском языке.

системы — «сумасшедший», совершающий немислимые для «нормального» человека поступки [Лотман 2000а: 41]. Доноры трансгуманного коллектива Исигуро сравнимы с группой сумасшедших, внушающих страх. Опасность — в нелогичной покорности, заволащывающей прогресс в экзистенциальный тупик.

С точки зрения семиотики культуры смысл антиутопии «Не отпускай меня» — не просто *предупредить* о возможных последствиях «улучшения» человечества. Рамка непредсказуемого поведения — определенная надежда на будущее, если рассматривать форму жизни трансгуманного коллектива как несовершенную, но *стремящуюся к совершенству* [Греймас 2022: 95]. Если однажды мы окажемся в будущем мире высоких технологий, с сильным искусственным интеллектом и излечимыми болезнями, с одной стороны, и донорами-клонами, с другой, то в дискурсе нашей «совместной жизни» с этим прогрессом будет важным именно понятие «жить с (кем-то)». Как пишет Фонтаньей, в выражении «жить с» на первом месте стоит предлог «с» (*совместно с*) и лишь на втором месте — глагол «жить», со своими специфическими эмоциями, страстями и др. [Fontanille 2015: 27].

«Искусственные Друзья» будущего

Роман Исигуро 2021 г. «Клара и Солнце» (*Klara and the Sun*) — не просто описание общества будущего с «резервными» и «легитимными» человеческими коллективами. Это принципиально новое понимание высокоразумного существа, которое, как и предсказывал Лотман, напоминает скорее стихотворение, чем примус. Исигуро предлагает нам образ Искусственного Друга, которого в будущем подростки смогут купить себе в специальном магазине:

“...we're a very special store. There are many children out there who would love to be able to choose you, choose Rosa, any one of you here” [Ischiguro 2021: 8].

Назначение Искусственных Друзей — сопровождать подростков в том обществе, где их родители полностью заняты работой и оставляют детей в одиночестве. Социальный статус взрослых диктует им необходимость генетического «улучшения» своих детей. «Неулучшенный» ребенок не имеет никаких шансов для будущей профессиональной реализации, а «форсированные» дети рискуют не выдержать операции и умереть.

С точки зрения нарративной семиотики талантливо созданный Искусственный Друг Клара выполняет свою программу, как и положено «роботу». Конечная цель — не дать подростку *быть одиноким* (lonely). С позиций семиотики страстей [Greimas, Fontanille 1991] и семиотики культуры [Лотман 2000а] Клара — одновременно субъ-

ект и объект настоящих человеческих эмоций. Образ Клары — не что иное, как лотмановский «перевернутый образ»: в пространстве *за пределами нормы* существует целая гамма возможностей, от уродства до полноты положительных качеств [Лотман 2000а: 73]. Лотман пишет о «перевернутом образе», говоря о перевоплощениях женщин в мужчин и наоборот. Исигуро переворачивает образы согласно духу прогресса: люди приобретают черты бездушных машин, а роботы, напротив, демонстрируют чисто «человеческие» качества — преданность и честность. В ходе взаимоотношений Клары и ее друга, «улучшенной», но заболевшей после операции девочки Джоззи, взрослые члены семьи относятся к роботу утилитарно: «Не знаю, должна ли я вести себя с Вами, как с разумным существом или как с пылесосом» [Исигуро 2021: 145]. Они же озвучивают Кларе чудовищный антигуманный план: когда больная дочь умрет, Искусственный Друг должен ее «заменить», воссоздать ее внешность и поведение: “The new Josie won’t be an imitation. She *really will be Josie*. A *continuation of Josie*” [Ischiguro 2021: 208].

«Незаменимых нет?» В ответ на этот лозунг «бездушная» машина Клара оказывается способной преподавать урок «духовным» людям: она отдает свои внутренние детали, чтобы Джоззи выздоровела. Дискурс Клары приобретает черты молитвы, она просит об *особой милости* Солнце: “I could see <...> the Sun’s evening face. Please show your *special kindness* to Josie” [Там же: 277]. Девочка выздоравливает, но в мире прогресса нет места для человеческой благодарности: Джоззи вырастает и оставляет Клару на свалке. «Очеловечение робота» через непредсказуемое поведение, о котором писал Лотман, доступно Кларе через безграничное доверие к людям. Однако доверие, как и дар в предыдущем романе, функционирует лишь в одну сторону.

Образы будущего в антиутопиях Исигуро доказывают правоту гипотез Лотмана и дают читателям надежду: высокоразумные устройства завтрашнего дня действительно напоминают произведения искусства или стихи. Клоны и роботы способны на настоящую любовь, которая приводит к *непредсказуемым* положительным последствиям — подросток выздоравливает. Путь любви следует *архаическим моделям* человеческого сознания (молитва Солнцу как Божеству), и в итоге технический прогресс становится «больше, чем культурологической проблемой» [Лотман 2000b: 638].

В качестве заключения

«Щупать будущее», но «строить футуристические модели осторожно» — это положение Лотмана основано на идеях Вернадского, повлиявшего на создание концепта семиосферы [Лотман 2000а]. Для

Вернадского человек во всех его проявлениях — это определенная «закономерная часть» строения биосферы [Вернадский 1977: 33].

В книге «Культура и взрыв» Лотман обращается к паскалевскому образу «мыслящего тростника» [Лотман 2000а: 31]. Человек — всего лишь слабый тростник, но это тростник мыслящий. Способность к непредсказуемым решениям является его эволюционным преимуществом. У Исигуро «мыслящий тростник» — это антиутопический образ главного героя (Кэти, Клары), призванный примирить конфликтные элементы: человеку дан шанс извлечь уроки из планетарных кризисов, пандемий и технических экспериментов.

В тексте «Познание и Зло» Лем писал, что если бы он мог расспросить Высшее Всезнающее Существо, то спросил бы одно: «что имеет смысл, а что является бессмыслицей в речах Искусственного интеллекта» [Лем 1987: 1]. А Лотман, размышляя о роли литературы в развитии человеческой цивилизации, говорил, что гуманитарная сфера неразрывно связана с совестью: «гуманитарий стоит лицом к лицу с Историей Человечества, с его главным вопросом о смысле жизни» [Лотман 2005с: 230].

И классическая литература, и литература фантастическая, и семиотика — все они занимались главным вопросом поиска смысла. Поиск смысла в его трансформации — это и есть своеобразная «манера заниматься семиотикой»: «Смысл — это изменчивость предметов, которые мы постигаем благодаря их способности к означиванию» [Fontanille 2019: 12].

Размышления Лотмана о будущем заканчиваются парадоксом: «Было бы большим несчастьем, если я или кто-то вдруг смог бы ответить на вопрос о смысле жизни. Зачем тогда жить?..» [Лотман 2005с: 230]. Так семиотика культуры обозначает социальную составляющую образов антиутопии: мы обречены оставаться на пороге непредсказуемого, в точке бифуркации последствий прогресса и архаических моделей сознания. Но именно так мы и должны двигаться, «смотря на звезды». Сумеет ли мы точку бифуркации прожить как *продуктивную трансформацию* нового смысла — зависит от нас, участников научно-технических открытий XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1977.
2. Замятин Е.И. Мы. М., 1989.
3. Лем С. Познание и зло. Перевод Виктора Язневича. Новый Мир. 2021. № 10. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2021_9/Content/Publication6_7839/Default.aspx?fbclid=IwAR35bz3j75EEgddXM7iZ320mY YrJAWqo5kROHnx299bT92_r7iBBIDQe7qYë (дата обращения: 10.07.2023).
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. Внутри мыслящих миров. Культура и взрыв. СПб., 2000а.

5. *Лотман Ю.М.* Технический прогресс как культурологическая проблема // Семиосфера. Внутри мыслящих миров. Культура и взрыв. СПб., 2000b. С. 622–638.
6. *Лотман Ю.М.* Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются // Воспитание души. СПб., 2005a. С. 269–275.
7. *Лотман Ю.М.* Азбука судьбы. // Воспитание души. СПб., 2005b. С. 231–235.
8. *Лотман Ю.М.* Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Семиосфера. Внутри мыслящих миров. Культура и взрыв. СПб., 2000с. С. 557–567.
9. *Лотман Ю.М.* Восприятие мира // Воспитание души. СПб., 2005с. С. 230.
10. *Меркулова И.Г.* Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов // Русский семиотический альманах. Коллекция. М., 2021. URL: <https://sochum.ru/s978-5-6045843-2-30000619-4-1/?sl=ru> (дата обращения: 10.07.2023).
11. *Толстой Л.* Письмо к Н. Страхову от 8 апреля 1878 г. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1873-1879/letter-391.htm> (дата обращения: 10.07.2023).
12. *Хокинг С.* Краткие ответы на большие вопросы. Пер. С. Бавина. М., 2019.
13. *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М., 1983.
14. *Шкловский В.Б.* Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М., 1981.
15. *Azoulay A.* Making the most of Artificial Intelligence // The UNESCO Courier. Artificial Intelligence. The Promises and the Threats, 2018, 3, July-September, pp. 36–39. URL: <https://unesco.public.lu/dam-assets/courriers/26521leng.pdf> (дата обращения: 10.07.2023).
16. *Fontanille J.* Ensemble. Pour une anthropologie sémiotique du Politique. Liège, 2021.
17. *Fontanille J.* Confinement et pandémie. Notes sémiotiques. // New normality, new life forms: semiotics in the era of crises. Russian Semiotic Almanac. Collection. 2021, pp. 88–91. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s978-5-6045843-2-30000619-4-1/?sl=en> (дата обращения: 10.07.2023).
18. *Fontanille J.* La parabole comme utopie douce. P.L. Basso, D. Bertrand, A. Zinna (Eds.) // Utopies et formes de vie, Toulouse, Éditions CAMS/O, Collection Actes, 2019, pp. 3–17.
19. *Fontanille J.* Formes de vie. Liège, 2015.
20. *Greimas A.J.* De l'imperfection. Périgueux, 1987.
21. *Greimas A.J., Courtés J.* Sémiotique : Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. Paris, 1993.
22. *Greimas A.J., Fontanille J.* Sémiotique des passions : Des états de choses aux états d'âme. Paris, 1991.
23. *Hawking S.* Brief Answers to the Big Questions. London, 2018.
24. *Merkoulova I.* Les collectifs transhumains en littérature. Un regard sémiotique sur les limites de la créativité // Créativité sémiotique et institutions du sens. Dans la dialectique entre l'individuel et le collectif. Sous la direction de Pierluigi Basso Fossali. Limoges, 2021b, pp. 453–465.
25. The UNESCO Courier. Artificial Intelligence. The promises and the threats. 2018, No 3, July-September.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Исигуро К.* Не отпускай меня / Пер. с англ. Л. Мотылева. М., 2018.
2. *Исигуро К.* Клара и Солнце / Пер. с англ. Л. Мотылева. М., 2021.
3. *Ishiguro K.* Never Let Me Go. London, 2005
4. *Ishiguro K.* Klara and the Sun. London, 2021.

REFERENCES

1. Vernadsky V. Nauchnaya mysl' kak planetnoje yavlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, *Nauka*, 1977, 193 p.
2. Zamyatin E. My [We]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*, 1989, 351 p.
3. Lem S. *Poznanije i zlo* [Knowledge and Evil]. Translated by Viktor Yaznevich. *Novy Mir*, 1987, № 10. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2021_9/Content/Publication6_7839/Default.aspx?fbclid=IwAR35bz3j75EEgddXM7iZ320mYYrJAWqo5kROHnx299bT92_r7iBBIDQe7qY (accessed: 10.07.2023).
4. Lotman J. *Semiosfera. Vnutri mysljatschih mirov. Kultura i vzryv* [Semiosphere, Universe of the Mind, Culture and Explosion]. Saint-Petersbourg, *Iskusstvo-Spb.* 2000a. 704 p.
5. Lotman J. Tekhnitcheskij progress kak kulturologičeskaya problema [Technical progress as a cultural problem]. *Semiosfera. Vnutri mysljatschih mirov. Kultura i vzryv*. Saint-Petersbourg, *Iskusstvo-SPB*, 2000b, pp. 622–638.
6. Lotman J. Popytki predskazyvat interesny v toj mere, v kakoj oni ne opravdyvajutsa [Attempts to predict are interesting to the extent that they are not justified]. *Vospitanije dushi* [Soul Education]. Saint-Petersbourg, *Iskusstvo-SPB*, 2005a, pp. 269–275.
7. Lotman J. Azbuka sudby [Fate alphabet]. *Vospitanije dushi* [Soul Education]. Saint-Petersbourg, *Iskusstvo-SPB*, 2005b, pp. 231–235.
8. Lotman J. Kultura kak kollektivnyi intellekt i problemy iskusstvennogo razuma [Culture as collective intelligence and problems of artificial intelligence]. *Semiosfera. Vnutri mysljatschih mirov. Kultura i vzryv* [Semiosphere, Universe of the Mind, Culture and Explosion]. Saint-Petersbourg, *Iskusstvo-Spb.* 2000c, pp. 557–567.
9. Lotman J. Vospriyatie mira [Perception of the world]. *Vospitanije dushi* [Soul Education]. Saint-Petersbourg, *Iskusstvo-SPB*, 2005c, p. 230.
10. Merkoulova I. (ed.) Novaja normalnost, novye formy zhizni: semiotika v epokhu krizisov/ New normality, new life forms: semiotics in the era of crises. *Russian Semiotic Almanac. Collection*, 2021a. 148 p. URL: <https://sochum.ru/s978-5-6045843-2-30000619-4-1/?sl=ru> (accessed: 10.07.2023).
11. Tolstoy L. Letter to N. Strakhov, April 8, 1878. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1873-1879/letter-391.htm> (accessed: 10.07.2023).
12. Hawking S. *Kratkie otvety na bolshie voprosy* [Brief Answers to the Big Questions]. Translated by Sergei Bavin. Moscow, *Bombora*. 2021. 256 p.
13. Shklovsky V. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow, *Sovetskiy pisatel*, 1983, 385 p.
14. Shklovsky V. *Energiya zabluzhdeniya. Kniga o sujete* [The energy of delusion. Story book]. Moscow, *Sovetskiy pisatel*, 1981, 354 p.
15. Azoulay A. Making the most of Artificial Intelligence. *The UNESCO Courier. Artificial Intelligence. The Promises and the Threats*, 2018, 3, July–September, pp. 36–39. URL: <https://unesco.public.lu/dam-assets/courriers/265211eng.pdf> (accessed: 10.07.2023).
16. Fontanille J. *Ensemble. Pour une anthropologie sémiotique du Politique*. Liège, *PU de Liège*. 2021. 305 p.
17. Fontanille J. Confinement et pandémie. Notes sémiotiques. *New normality, new life forms: semiotics in the era of crises. Russian Semiotic Almanac. Collection*. 2021, pp. 88–91. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s978-5-6045843-2-30000619-4-1/?sl=en> (accessed: 10.07.2023).
18. Fontanille J. *La parabole comme utopie douce*. P.L. Basso, D. Bertrand, A. Zinna (Eds.). *Utopies et formes de vie*, Toulouse, *Éditions CAMS/O, Collection Actes*, 2019.

- pp. 3–17. URL: <http://mediationsemiotiques.com/ac2016-fontanille> (accessed: 10.07.2023).
19. Fontanille J. *Formes de vie*. Liège, *PU de Liège*. 2015. 278 p.
  20. Greimas A.J. *De l'imperfection*. Périgueux, *Fanlac*. 1987. 99 p.
  21. Greimas A.J., Courtés J. *Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris, *Hachette*. 1993. 454 p.
  22. Greimas A.J., Fontanille J. *Sémiotique des passions: Des états de choses aux états d'âme*. Paris, *Seuil*. 1991. 335 p.
  23. Hawking S. *Brief Answers to the Big Questions*. London, *Hodder and Stoughton*. 2018. 256 p.
  24. Merkoulouva I. Les collectifs transhumains en littérature. Un regard sémiotique sur les limites de la créativité. *Créativité sémiotique et institutions du sens. Dans la dialectique entre l'individuel et le collectif*. Sous la direction de Pierluigi Basso Fossali. Limoges, *Pulim*, coll. *Semiotica Viva*, 2021b, pp. 453–465.
  25. *The UNESCO Courier. Artificial Intelligence. The promises and the threats*. 2018, No 3, July-September. 72 p.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Ishiguro K. *Ne otpuskay menia* [Never Let Me Go]. Translated by Leonid Motylev. Moscow, *E Press*, 2018. 352p. (In Russ.)
2. Ishiguro K. *Klara i Solntse* [Klara and the Sun]. Translated by Leonid Motylev. Moscow, *Inspira*, 2021. 352 p. (In Russ.)
3. Ishiguro K. *Never Let Me Go*. 2005. London, *Faber and Faber Limited*. 296 p.
4. Ishiguro K. *Klara and the Sun*. 2021. London, *Faber and Faber Limited*. 344 p.

Поступила в редакцию 12.08.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 09.11.2023

Received 12.08.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 09.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Меркулова Инна Геннадьевна — доктор лингвистики и семиотики, кандидат филологических наук, доцент, основатель и руководитель Международного центра семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук, igmerkulova@gaugn.ru

ABOUT THE AUTHOR

Inna Merkoulouva — Ph.D., Associate Professor, Founder and Director of the International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue, State Academic University for the Humanities, igmerkulova@gaugn.ru

К 220-ЛЕТИЮ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

СТИХОТВОРЕНИЕ Г.Р. ДЕРЖАВИНА «ПРОБЛЕСК»: АВТОБИОГРАФИЯ В СВЕТЕ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ БЛАЖЕНСТВА

В.Л. Коровин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; korovin@yandex.ru*

Аннотация: Разбирается «Проблеск» Державина (1810, опубл. 1816), ошибочно считающийся переводом из Л. Козегартена, и доказывается, что это оригинальное произведение. Только первая и последние его строфы (5 из 14-ти) имеют частичные соответствия в стихотворении Козегартена *Aussicht*, где речь идет о посмертном воздаянии за земные страдания, о блаженстве вечной жизни, ожидающей того, кто до конца не потеряет веры в нее. Державин, в отличие от Козегартена, исходящего из доктрины об «оправдании верой», пишет о своих делах, за которые он заслуживает небесного блаженства. Центральные строфы в «Проблеске» — автобиографические, в них содержится апология жизни и служебной деятельности Державина. Он по порядку применяет к себе евангельские заповеди блаженства (Мф 5:3–11), каждому посвящая отдельную строфу, и доказывает, что исполнил их (везде пользуясь имплицативной конструкцией «если..., то...») и заслуживает «вечных благ». В статье комментируются эти строфы, отмечаются переклички с другими текстами Державина, в том числе с его мемуарной и деловой прозой, раскрываются намеки на политические обстоятельства 1810 г., когда, находясь на Званке, он создал цикл духовных стихотворений, начатый с «Надежды», а законченный «Проблеском» (заповеди блаженства относятся именно к надежде как одной из трех христианских добродетелей: вера, надежда, любовь). В двух из тех строф, которые имеют соответствие у Козегартена, Державин касается и своего литературного творчества. «Проблеск» находится в ряду таких его стихотворений, как «Памятник» (1795), «Мой истукан» (1794), «Лебедь» (1804) и др., где он говорит о своих правах на «бессмертие» и признательность потомства.

Ключевые слова: Державин; Л. Козегартен; 1810 год; духовные стихотворения; автобиография; библейские мотивы в поэзии; заповеди блаженства; бессмертие; история русской литературы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-13

Для цитирования: Коровин В.Л. Стихотворение Г.Р. Державина «Проблеск»: автобиография в свете евангельских заповедей блаженства // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 147–160.

G.R. DERZHAVIN'S POEM *GLIMPSE*: AN AUTOBIOGRAPHY IN THE LIGHT OF THE GOSPEL BEATITUDES

Vladimir L. Korovin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; korovinv@yandex.ru

Abstract: The article analyzes Derzhavin's poem *Glimpse* [Problek] (1810, ed. 1816), which is mistakenly considered a translation from L. Kosegarten, and proves that this is an original work. Only the first and last stanzas of it (5 out of 14) have partial correspondences in Kosegarten's poem *Aussicht*, which deals with posthumous retribution for earthly suffering, the bliss of eternal life that awaits the one who does not completely lose faith in it. Derzhavin, in contrast to Kosegarten, who proceeds from the doctrine 'sola fide', writes about his deeds, for which he deserves heavenly bliss. The central stanzas in *Glimpse* are autobiographical, they contain an apology for Derzhavin's life, especially his official activities. He applies the Gospel Beatitudes to himself in order (Mt 5:3–11), dedicating a separate stanza to each, and proves that he has fulfilled them (everywhere using the implicative construction 'if ... then ...') and deserves 'eternal blessings'. The article comments on all these stanzas, notes correspondence with other texts of Derzhavin, including his memoir and business prose, hints at the political circumstances of 1810, when, while on *Zvanka*, he created a cycle of spiritual poems, which began with *Hope*, and finished with *Glimps* (the Beatitudes refer specifically to Hope as one of the three Christian virtues: Faith, Hope and Love). In two of those stanzas that have a correspondence with Kosegarten, Derzhavin also refers to his literary work. *Glimpse* is among such his poems as *Monument* (1795), *My Idol* (1794), *Swan* (1804), etc., where Derzhavin speaks of his rights to 'immortality' and the gratitude of posterity, and should be considered in this series as well.

Keywords: Derzhavin; L. Kosegarten; 1810; spiritual poems; autobiography; Biblical motifs in poetry; Beatitudes; immortality; history of Russian literature

For citation: Korovin V.L. (2023) G.R. Derzhavin's poem *Glimpse*: An Autobiography in the Light of the Gospel Beatitudes. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 147–160.

«Проблеск» — стихотворение, опубликованное Г.Р. Державиным в последней, пятой части его «Сочинений» [Державин 1816: 79–82] (далее цит. по этому изд.), а написанное 6 августа 1810 г., вскоре после трех переводов из Л. Козегартена¹, сделанных 27, 28 и 29 июля («Тоска души», «Явление», «Предвестие») [Морозова 2019: 172–173]. «Тоска души» и «Явление» впервые напечатаны в 1813 г. с подзаго-

¹ Ludwig Gotthard (Theobul) Kosegarten (1758–1818), немецкий поэт, лютеранский пастор и проповедник; см. о нем, в частности: [Holmes 2004] (первая монография о нем на англ. яз.) и [Coblentz-Arfken 2009]. В России раньше Державина им заинтересовался Карамзин, чье стихотворение «Могила» (1792, во 2-й ред. «Кладбище») — подражание Козегартену (разбор см.: [Мальцева, Шадеко 2022]).

ловками «Перевод из Козегартена» и «Подражание Козегартену»². В «Сочинениях» Державина они напечатаны без подзаголовков, как и впервые здесь опубликованные «Предвестие» и «Проблеск»³. Я.К. Грот для всех четырех стихотворений указал источники у Козегартена⁴, а в частности, к «Проблеску» дал такой комментарий: «Писано 6 августа на Званке и сперва было озаглавлено “Просвет”. Это парафразис на *заповеди блаженства* и опять подражание Козегартену» [Державин 1870: 60] (цитируем по 2-му акад. изд.; первоначально у Грота слов о заповедях блаженства не было: впервые они появились в «Дополнительных примечаниях» к 1-му изд. со ссылкой на «рукописные заметки П.И. Бартенева» [Державин 1864–1883, 3: 78, 745]).

Этот краткий комментарий нуждается в коррективах⁵. Во-первых, в «Проблеске» нет «парафразиса» *текста* заповедей блаженства (Мф 5:3–11), есть лишь аллюзии на них, и не везде очевидные (не случайно Грот сначала их не заметил), а во-вторых, это в основном оригинальное произведение.

«Проблеск» Державина состоит из 14-ти 6-стишных строф (84 стиха), он почти вдвое больше стихотворения Козегартена *Aussicht*, в котором 11 четверостиший. И «подражанием» ему в «Проблеске» являются только 5 строф: первая и четыре последних, но и в них нет полного соответствия немецкому тексту. Приводим первые строфы двух стихотворений. У Козегартена:

² Сочинения и переводы, издаваемые Росс. академиею. Ч. 6. СПб., 1813. С. 174–180.

³ Державин поместил их в ряду других духовных стихотворений, написанных на Званке летом 1810 г., выстроив его как единый цикл: «Тоска души» — «Надежда» — «Слава» — «Добродетель» — «Явление» — «Упование на защиту Божию» (Пс 58) — «Предвестие» — «Проблеск» [Державин 1816: 50–82] (только переложение Пс 58, по Гроту, написано в 1811 г.). О «Славе» и «Идолопоклонстве» см.: [Коровин 2016; Коровин 2017].

⁴ [Державин 1864–1883, 3: 68, 73, 75, 78]: «Тоска души» — *Das Wehen des Allliebenden*; «Явление» — *Die Erscheinung*; «Предвестие» — *Ahnung*; «Проблеск» — *Aussicht* (оригиналы: [Kosegarten, 1: 53–57; 2: 43–45; 1: 111–113; 1: 114–116]; Грот отмечал, что, «как видно из рукописей Державина», он пользовался именно этим трехтомным изданием). Уточним, что «Явление» — перевод 1-й ред. стих. *Die Erscheinung* (“Ich lag auf grünen Matten...”), а не его позднейшей версии [Kosegarten, 3: 278–280] (у Грота без пояснений указаны обе). Далее *Aussicht* цит. по указ. изд.

⁵ Указание, что «Проблеск» — перевод или подражание, стало, кажется, главной причиной невнимания к нему со стороны позднейших исследователей. В двух сборниках, где, помимо собраний сочинений Державина, это стихотворение перепечатывалось (в т.ч. одном нами подготовленном), данное указание повторяется: [Державин 1993: 205–209, 356]; [То были времена чудес 2021: 69–72, 600–601]. Как перевод, где «...Державину принадлежит <...> внешняя форма стихотворения», «Проблеск» рассматривается и в единственной до сих пор публикации, где о нем специально заходит речь [Федосеева, Шанаева 2010: 62–64].

Umschatte mich mit deinem Engelflügel,
Gedank der Ewigkeit!
Ich seh in dir, wie im krystallinen Spiegel,
Vergolten alles Leid⁶.

У Державина:

Хранителя меня ты Ангела крылами,
О мысль бессмертия! приосеняй,
Да в нем, как в зеркале, души очами
Я будущих блаженств увижу рай;
Подобно путник как сверх вод, сквозь лес, в мрак ночи
Зрит проблеск от луны.

При явном здесь «подражании», текст Державина 1) оригинален по стихотворной форме (уникальной в его творчестве⁷); 2) дополнен двумя стихами, не имеющими соответствия в немецком тексте; 3) по смыслу отличается от него даже в первых четырех стихах, которые как будто выглядят близким переводом: Козегартен говорит о воздаянии «за все страдания», Державин — *только* о «рае» «будущих блаженств», умалчивая о страданиях. Это значимое расхождение: оно обусловлено тем, что дальше два поэта пишут о разном, притом обнаруживая не во всем сходные религиозные убеждения.

Козегартен далее (в строфах 2–6) пишет именно о страданиях, в особенности от утраты друга и возлюбленной, с которыми, он верит, снова встретится «там»: “Was ich verlor in hingeschiednen Jahren, / Wird dort mir aufgespart” («Что я утратил в минувшие годы, / сохраняется для меня там»). Сама «мысль о вечности» для него залог загробного блаженства, в последних строфах (7–11) выражается усилие веры в него, которую поэт желает сохранять и в старости, до смертного часа. Козегартен исходит из лютеранской доктрины об «оправдании верой» и не помышляет о своих заслугах и добродетелях.

У Державина совсем иная тема: он далее пишет как раз о своих заслугах — о жизненных принципах и делах, за которые заслуживает небесного блаженства. Он склоняется к идее «оправдания делами», более характерной для православия (а для служащего русского дворянства с петровских времен в особенности актуальной). Строфы 2–9 в «Проблеске» — автобиографические, в них Державин оценивает прожитую им жизнь в свете заповедей блаженства, стро- го по их порядку в Нагорной проповеди.

⁶ «Осени меня твоим ангельским крылом, / мысль о вечности! / Я вижу в тебе, как в хрустальном зеркале, / вознаграждение за все страдания» (перевод здесь и далее мой — В.К.).

⁷ Такими строфами — Я6-5-5-5-6-3 — у Державина написан только «Проблеск» (см. «Метрико-строфический справочник» к его стихотворениям: [Пастернак 2022: 224–241]).

Коль не был горд и подл и лишь из самолюбья
Пронырством не пролез вельмож я в сонм,
Но с малых должностей всегда орудье
Был Бога и Царя, их чтя закон:
Се зрю, се зрю себя сидящим выше неба
Между Князей духов!

Вне контекста здесь трудно было бы опознать отсылку к первой из евангельских заповедей: «*Блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное*» (Мф 5:3)⁸. Тем не менее именно ее подразумевает Державин и, в согласии с традицией ее толкования⁹, заявляет о своем *смирении* («не был горд»), но конкретизирует, что проявлял его на службе, которую начал «с малых должностей». Не само по себе смирение (как духовное качество), а одно из правил, которыми он руководствовался на службе, описывается в этой строфе. Это правило — быть «орудьем Бога и Царя», т. е. действовать не по своему произволению, а «всегда» по поручению свыше. Оно изложено Державиным в автобиографических «Записках» (над которыми он в 1810 г., видимо, уже начал работать [Морозова 2019: 169]) со ссылкой на евангельскую притчу о добром пастыре (Ин 10:1–18) (о ней же он вспоминает и в написанной незадолго до «Проблеска» оде «Идолопоклонство» [Коровин 2017: 117–118]):

«...Державин сначала и в продолжение всей своей службы имел себе в неперменное правило, чтоб никогда никого ни о чем не просить и ни на что не напрашиваться, а напротив ни от чего не отказываться <...> (основывая то правило на священном писании: что никто же примет честь токмо званный от Бога, и что пастырь добрый не прелазит чрез ограду <...>); и что *когда его на что призовут, то невидимо сам Бог поможет ему* исполнить самые труднейшие дела с успехом и легкостию; а когда он чего проискал своими домогается, то обязан будет все бремя переносить на собственных своих плечах. Поелику же нет человека без слабостей и без недостатков, то и *никогда не осмеливался он надеяться на свои собствен-*

⁸ Здесь и далее цит. по тексту Елизаветинской Библии.

⁹ Слова о «нищих духом» понимаются как относящиеся либо вообще к смирению, либо к добровольной нищете (монашеской, например). В церковной традиции представлены оба толкования, но более адекватным и основным считается первое (см., напр.: [Иларион 2016: 80–91; Петров 2017]), которому и следует Державин. В России оно стало общепринятым со времен Феофана Прокоповича, автора написанной по поручению Петра I книги «Христовы о блаженствах проповеди толкование» (1722) и букваря «Первое учение отроком» (1720), включавшего катехизис с толкованием заповедей блаженства (до конца XVIII в. он оставался популярным учебным пособием). Ранее — например, в «Православном исповедании веры» Петра Могилы (XVII в.) — эти слова понимались как относящиеся к добровольной нищете.

ные способности, как-то ум, сведения и прочее; вопреки же тому, когда ему приказывала вышняя власть что-либо производить по ее собственному, а не по его желанию, то он действовал тогда ни на кого не смотря, смело и решительно, со всею возможною силою, уверен будучи, что Богу это надобно...» [Державин 1864–1883, 6: 665–666 (курсив мой — В.К.).]

Признаваясь, что «не осмеливался» — в определенных ситуациях — ставить свои «ум» и «сведения» выше имеющихся у «вышней власти», Державин заявлял о своем смирении, избранном им в качестве линии поведения на службе, но не от природной скромности или из карьеризма, а по религиозным соображениям¹⁰, поэтому в «Проблеске» и смог применить к себе первую из заповедей блаженства.

Следующие заповеди — *«Блажени плачущии: яко тии утешатся. Блажени кротцыи: яко тии наследят землю»* (Мф 5:4–5). В «Проблеске»:

Когда грустил, вздыхал и проливал слез реки,
Что нравов простота и веры луч
В вселенной погасал и человеки
Творились злей зверей средь бранных туч:
Утешенным себя в Едемских вижу куцах

Средь праотцев моих!
Коль сердцем кроток, тих, боголюбив душою,
Не тягостен рабам и добр я был,
Доволен отческих полей землею
И жатвой чуждой дух мой не мутил:
Наследию себя взираю награжденна
Небесного Отца!

Заповедь о плаче обычно толкуется как предписывающая оплакивать свои грехи, но, например, Иоанн Златоуст добавлял: «А плакать нам повелевает не о своих только грехах, но и о грехах других. Так поступали святые, как то Моисей, Павел, Давид» [Миллер 1997]. Державин и здесь следует традиции, но о своих грехах не вспоминает, поскольку в этом стихотворении занят апологией самого себя — своей жизни и служебной деятельности. Последней он

¹⁰ Почтение к царям тоже понималось им как религиозная обязанность (напр., в стих. «Молитва» (1797): «Твоей лишь воле в угожденье / В лице царя Твой образ чтил» [Державин 1864–1883, 2: 14]), что не мешало ему как в стихах (чаще прикровенно), так и в мемуарной прозе (более открыто) давать резкие оценки конкретным мероприятиям и личным качествам каждого из трех царей, которых он своей службой, по его мнению, оставил в долгу (в «Эпитафии самому себе», датированной 1804 или 1805 г.: «...верой, правдой вержа злобу, / В долгу оставил трех царей» [Державин 1864–1883, 3: 504]).

в этих строфах как будто не касается: они больше обращены к настоящему, чем к прошлому, а с 1803 г. он находился в отставке, однако и тут он не оставлял государственных забот.

Летом 1810 г. Державин среди прочего написал предисловие к своей большой деловой записке «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» и оду «Слава», в которых, обращаясь к Александру I, обличал завоевателей на примере Александра Македонского, а думал о Наполеоне, формально еще союзнике русского царя, вторгшемся в Испанию, и о ненужной, с точки зрения Державина, новой русско-турецкой войне [Коровин 2016]. Слова о «бранных тучах» в «Проблеске», как и о падении нравов и веры, имели для него злободневный подтекст: это отголосок его недовольства политикой Александра I, ламентация не только поэта, но и бывшего государственного деятеля, который теперь не может ни на что повлиять и вынужден лишь со скорбью взирать на происходящее.

Заповедь о кротости тоже небезразлична к отношениям старика Державина с молодым царем: «Гимн кротости» — так назвал он свои стихи на коронацию Александра I в 1801 г. и потом постоянно призывал его к кротости и миролюбию, в том числе в предисловии к вышеупомянутым «Мечтам...»: «Быть царств посредником, или паче миротворцем, вот прямая слава кроткого Александра» [Державин 1864–1883, 7: 441]. Здесь он советовал царю не стремиться к расширению границ, довольствуясь и без того «обширнейшею в свете монархией», унаследованной им от предков. На этом фоне относящиеся как будто только к самому Державину стихи «Доволен отческих полей землю / И жатвой чуждой дух мой не мутил» выглядят вариацией того же совета: здесь в пример царю он ставит себя, на своем месте исполнившего заповеди о кротости и (о чем речь ниже в строфе 8) миротворстве.

Строфы 5 и 6:

Когда не Царския желал, искал награды,
И мзды чьей за труды, за подвиг мой;
Но домогался лишь везде единой правды,
Считая жребий всех за жребий свой;
Насыщенным себя я вижу правосудьем
От Истины святой!

Коль милостивым всем был, щедрым, милосердным
И бедным завсегда желал помочь,
Стыдился к страждущим глухим быть, твердым,
Сирот и вдов не гнал от дома прочь:
О диво! в грозный день, в суд страшный, неумытный
Помилованным зрюсь!

Ср.: *«Блажени алчущии и жаждущии правды: яко тии насытятся. Блажени милостивии: яко тии помиловани будут»* (Мф 5:6–7). Эти заповеди Державин, первый российский министр юстиции, применял к себе, наверное, с наименьшими сомнениями. Его «Записки» изобилуют рассказами о защите им правды в суде и старании помочь нуждающимся, уже в начале их можно прочесть, что в детстве, оставшись без отца, он наблюдал, как чинились обиды его матери в судах, и «такое страдание матери от неправосудия вечно осталось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот» [Державин 1864–1883, 6: 417–418]. И в поэзии Державина правосудие и милость — важнейшие и взаимосвязанные темы [Кочеткова 1996].

О своем служебном рвении и бескорыстии, которое, по словам Державина, было «известно всем коротко его знающим» (что он «...о своих делах не заботился и не радел, а хлопотал и ссорился всегда за казенные и за чужие, ему по должности порученные» [Державин 1864–1883, 6: 666]), он продолжает говорить и в следующих трех строфах (7–9):

Когда был сердцем чист, чужд козней и коварства,
Не ставил никому на лов сетей;
Но искренней душой презря препятства
Невинных в вред себе спасал людей:
О восхищение! зрю Бога лучезарна
К себе лицом к лицу!

Не из корысти коль себе хвалы и славы;
Но из желанья лишь всем добра
Смиреньем укрощав враждебны нравы,
Судил, мирил на сильных мощь не зря:
О несказанна честь! — за миротворство Божьим
Я сыном наречен!

Коль обносимым был и оклеветан лжами
За то, что истину и правду чтил,
Что Божьими блюдом, храним судьбами
И ими весь мой век поддержан был:
Весельем Ангельским, небесным наслаждаюсь
В беседе я святых!

Ср.: *«Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят. Блажени миротворцы: яко тии сынове Божии нарекутся. Блажени изгнани правды ради: яко тех есть Царствие Небесное»* (Мф 5:8–10). Применяя к себе эти блаженства, наш поэт имел в виду целый ряд конкретных «происшествиев и дел», о которых рассказывается в его

«Записках»¹¹, а также в его «Примечаниях» (1805) и позднейших «Объяснениях» на свои сочинения. Случаи, когда он спасал невинных, он коротко перечислил в комментарии к оде «Мой истукан» (1794) [Державин 1864–1883, 3: 648]. Заповедь миротворства исполнял, заседа в третьей суде, для которого составил правила, которыми потом очень гордился, хотя Александр I так их и не подписал¹². В 1789 г. был под судом и следствием после губернаторства в Тамбове, но полностью оправдался, а затем был приближен к себе императрицей, т. е. практически официально был признан гонимым за правду.

Лишь одну — последнюю, девятую заповедь — он в своей жизни не исполнил: *«Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради»* (Мф 5:11). В ней ублажаются гонимые за веру в Христа, а Державину такого случая не представилось. И как раз о ней в «Проблеске» нет ни слова, ни намека.

В 10-й строфе он уже переходит к выражению восторга от ожидающей его заслуженной награды на небесах: «О радость! о восторг! толико быть блаженным... <и т. д.>», а далее — в последних четырех строфах (11–14) — возвращается к стихотворению Козегартена, у которого им соответствуют пять заключительных строф (7–11). И, как было с первой строфой, соответствия эти снова лишь частичные, а расхождения совсем немаловажны. Самое интересное из них касается оценки Козегартеном и Державиным своего творчества, их самооценки как поэтов.

У Козегартена в 7-й строфе говорится о невыразительном и исчезающем среди земных тягот звоне его струн, которые там, на небесах, зазвучат как «псалом, льющийся через небеса, как пение высших сфер»¹³. Державин передает это иначе (в 11-й строфе):

Тогда-то там, о там! не здешне земно тленье,
Не проходящи сны мирских торжеств,
Но с ликом душ вовек Творцу хваленья
На арфе возглашу в кругу Божеств,
И небо и земля, моря и преисподня
Послушают меня!

---

¹¹ Их полное заглавие: «Записки из известных всем происшествий и дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина».

¹² В примечаниях к стих. «Лебедь» (1804): «...он будет бессмертен памятью как по поэзии, в которой он говорил языком сердца, так и по правилам Третьего суда, которые он поднес императору, веселясь, что он доставит тем некогда благо своему отечеству» [Кононко 1973–1975, 1975: 125].

¹³ «Mein Saitenspiel, das hier von Erdendingen / Nur matt und irdisch klang, / Wird psalmenströmend durch die Himmel klingen, / Wie Sphären-Hochgesang.»

Не качество, а лишь некоторые темы его поэзии — «земно тлень» и «мирские торжества» — представляются Державину недостойными вечности, а сам он по праву займет свое место между псалмопевцами:

Давид, Иоасаф тогда свои псалтиры
Мне с радостью дадут, — да в них бряцав,
Во гармоничные созвучны лиры
Сольюся Ангелов, сам Ангел став;
В бессмертном превитать я буду озаренье,
Как ясный Божий луч!

У Козегартена: “Homer und David werden mein sich freuen...” («Гомер и Давид будут радоваться мне...»). На месте Гомера у Державина оказывается загадочный «Иоасаф»: это ошибочное или намеренно ради метрики видоизмененное написание имени Асаф. Так звали певца и музыканта, воспевавшего псалмы вместе с царем Давидом. В Псалтири именем Асафа надписано двенадцать псалмов (49 и 72–82), переложением одного из них (81-го) является ода Державина «Властителям и судиям», которая в свое время навлекла на него клевету — обвинение в «якобинстве» (его рассказ об этом см.: [Державин 1864–1883, 3: 595–596]).

Заменяв пару «Давид и Гомер» на пару «Давид и Асаф», Державин дал понять, что не по поэтическому мастерству, а по *богодухновенности* превосходят его псалмопевцы, ожидающие его на небесах. А кроме того, называя Асафа, он одновременно напоминал о лучшем из своих переложений псалмов и еще об одном случае, когда он был гоним за правду, за что евангельской заповедью обещано Царствие Небесное.

Концовка у Державина тоже отлична от стихотворения Козегартена *Aussicht*, которое заканчивается словами о вере в спасение, с которой поэт сойдет в «безмолвную могилу» (“*Ins jammerlose Grab*”). Могилы — последнее слово его стихотворения. В «Проблеске» Державина этого слова нет. Он заканчивает цитатой из апостола Павла (1 Кор 2:9: «...ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его»):

Хотя болезнь когда, хоть смерть мне приразится,
Не преставай елей свой в грудь мне лить
И по последний вздох в уме твердиться,
Что в гроб иду не умирать, но жить;
Тех вечных благ вкушать, что в небе приготовил
Бог любящим Его.

«Проблеск» — в целом оригинальное и очень характерное для Державина произведение. У Козегартена кроме некоторых стихов в начале и в конце он заимствовал лишь идею увидеть себя в сиянии будущего блаженства. Само слово «проблеск» Державин здесь употребил едва ли не впервые в русской литературе¹⁴, что отчасти подтверждается его колебанием в выборе его для заглавия стихотворения (сначала было «Просвет»). В тексте встречаем сравнение: «как проблеск от луны», заглавие же метафорично и должно быть понято как «проблеск» надежды, «проблеск» света Царствия Небесного, заслуженного поэтом.

Это стихотворение в большей части автобиографическое, перекликающееся с мемуарной прозой Державина и другими текстами, относящимися к 1810 г., содержит намеки на политические обстоятельства того времени.

«Проблеск» замыкает ряд духовных стихотворений Державина, начатый в июне 1810 г. стихотворением «Надежда». Именно к надежде как одной из трех христианских добродетелей (вера, надежда, любовь) обращают евангельские заповеди блаженства, которые в «Проблеске» поэт последовательно применяет к себе, оценивая в их свете свою жизнь, а главным образом — служебную деятельность, и делает это с целью ее апологии. Импликативные конструкции (если..., то...) смягчают впечатление от дерзновенности похвалы поэта, но очевидно, что он говорит о соответствии своей жизни названным условиям, заявляет об исполнении им заповедей блаженства.

В строфах 11–12, уже имеющих соответствия у Козегартена (в отличие от строф о блаженствах), Державин касается и своего литературного творчества, тоже, хоть и косвенно, давая ему апологетическую оценку, а подразумевая прежде всего свою духовную поэзию (как ода «Бог») и переложения псалмов, в частности — оду «Властиелям и судиям».

¹⁴ «Словарь Академии Российской» (Т.1–6. СПб., 1789–1794) не знает слова «проблеск». НКРЯ на данный момент (25.08.2023) первое его употребление фиксирует именно в этом стихотворении, у самого Державина это слово, по нашим данным, больше нигде не встречается. Следующее его употребление НКРЯ дает в названии стихотворения Тютчева «Проблеск» (1825), которое имеет целый ряд текстуальных переключек с «Проблеском» Державина. Нам известны два случая употребления слова «проблеснув» в стихотворениях Семена Боброва (в изд. 1804 г.); любопытно, что в одном случае оно связано с надеждой («...надежда, проблеснув / В сердцах пылающих...»), в другом — со смертью («...рука плачевной смерти, / Проблеснув лучем косы...»), см.: Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. / Изд. подгот. В.Л. Коровин. М., 2008. Т. 1. С. 104, 441. (Лит. памятники). Смерть и надежда входят в число ключевых понятий державинского «Проблеска».

«Проблеск» дополняет ряд таких стихотворений Державина, как «Памятник» (1795), «Мой истукан» (1794), «Лебедь» (1804) и др., где он говорит о своих правах на бессмертие и признательность потомства, и должен рассматриваться в том числе и в этом ряду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Державин Г.Р.* Сочинения. Ч. 5. СПб., 1816.
2. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота: [В 9 т.]. СПб., 1864–1883.
3. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота: [В 7 т.]. 2-е акад. изд. (без рисунков). Т. 3. СПб., 1870.
4. *Державин Г.Р.* Духовные оды / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Б.Н. Романова. М., 1993.
5. *Иларион (Алфеев).* Иисус Христос. Жизнь и учение: В 6 кн. Кн. 2. Нагорная проповедь. М., 2016.
6. *Кононко Е.Н.* Примечания на сочинения Державина // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2 (22). С. 107–116; 1974. Вып. 1 (23). С. 81–94; 1975. Вып. 1 (25). С. 110–125.
7. *Коровин В.Л.* Об оде Г.Р. Державина «Слава» (1810) и его политических и религиозных взглядах накануне Отечественной войны 1812 г. // Литературоведческий журнал. 2016. № 39. С. 32–45.
8. *Коровин В.Л.* Ода «Идолопоклонство» и духовные стихотворения Г.Р. Державина 1810 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 1. С. 114–126.
9. *Кочеткова Н.Д.* «Правосудие» и «милость» в поэзии Державина // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 72–78.
10. *Мальцева Т.В., Шадеко В.П.* Стихотворения «Ужасы и прелести могилы» Л.Г. Козегартена и «Кладбище» Н.М. Карамзина: от религиозной дидактики к элегии // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 1. С. 92–98.
11. *Миллер Т.А.* Заповеди блаженства в истолковании свт. Иоанна Златоуста // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). С. 58–73.
12. *Морозова Н.П.* 1810-й год в жизни Г.Р. Державина (материалы к летописи) // Державин и его время. Вып. 14. СПб., 2019. С. 155–179.
13. *Пастернак Е.А.* Версификация Г.Р. Державина: метрика, рифма, строфика. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
14. *Петров А.Е.* Нагорная проповедь: Экзегеза Нагорной проповеди в древней Церкви // Православная энциклопедия. Т. 48. М., 2017. С. 235–250.
15. «То были времена чудес...»: Евангельские истории в русской поэзии / Сост., предисл., примеч. В.Л. Коровина. М., 2021. (Б-ка всемирной литературы).
16. *Федосеева Т.В., Шанаева О.Н.* Духовные воззрения Г.Р. Державина позднего периода творчества (1790–1810 годы) // Вестн. Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2010. № 29. С. 59–71.
17. *Coblenz-Arfken K.* Kosegarten. Vorbote der Romantik von Rügen und Hiddensee. Hamburg, 2009.
18. *Holmes L.* Kosegarten: The turbulent life and times of a Northern German poet. New York, 2004.
19. *Kosegarten L.* Poesieen. Bd. 1–3. Leipzig, 1798–1802.

REFERENCES

1. Derzhavin G.R. *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. St. Petersburg, *Tipografiya V. Plavil'shchikova Publ.*, 1816. [8], 239 p. (In Russ.)
2. Derzhavin G.R. *Sochineniya* [Works with explanatory notes by Ya. Grot]. Vol. 1–9. St. Petersburg, *Imp. Akad. nauk Publ.*, 1864–1883. (In Russ.)
3. Derzhavin G.R. *Sochineniya* [Works with explanatory notes by Ya. Grot]. 2nd academic edition (in 7 Vols.). Vol. 3. St. Petersburg, *Imp. Akad. nauk Publ.*, 1870. (In Russ.)
4. Derzhavin G.R. *Dukhovnyye ody* [Spiritual odes]. Comp., prep. text, intro. article and notes by B.N. Romanov. Moscow, *Klyuch Publ.*, 1993. 384 p. (In Russ.)
5. Ilarion (Alfeyev). *Iisus Khristos. Zhizn' i ucheniye: V 6 kn.* [Jesus Christ. Life and Teaching. In 6 Books]. Book 2. Sermon on the Mount. Moscow, *Izd-vo Sretenskogo monastyrya, Eksmo Publ.*, 2016. 615 p. (In Russ.)
6. Kononko E.N. Primechaniya na sochineniia Derzhavina [Notes on the writings of Derzhavin]. *Voprosy russkoi literatury* [Questions of Russian Literature]. Lvov, 1973, Issue 2 (22), pp. 107–116; 1974, Issue 1 (23), pp. C. 81–94; 1975, Issue 1 (25), pp. 110–125. (In Russ.)
7. Korovin V.L. Ob ode G.R. Derzhavina “Slava” (1810) i yego politicheskikh i religioznykh vzglyadakh nakanune Otechestvennoy voyny 1812 g. [On Derzhavin's ode *Glory* (1810) and his political and religious views on the eve of the Patriotic war of 1812]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2016, No. 39, pp 32–45. (In Russ.)
8. Korovin V.L. Oda “Idolopoklonstvo” i dukhovnyye stikhotvoreniya G.R. Derzhavina 1810 g. [Ode *Idolatry* and spiritual poems by G.R. Derzhavin 1810]. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*. 2017, No. 1, pp. 114–126. (In Russ.)
9. Kochetkova N.D. “Pravosudiye” i “milost'” v poezii Derzhavina [‘Justice’ and ‘Mercy’ in Derzhavin's poetry]. *XVIII Century. Coll. 20*. St. Petersburg, *Nauka Publ*, 1996, pp. 72–78. (In Russ.)
10. Maltseva T.V., Shadeko V.P. Stikhotvoreniya “Uzhasy i prelesti mogily” L.G. Kozegartena i “Kladbishche” N.M. Karamzina: ot religioznoy didaktiki k elegii [The poems *Horror and Delights of the Grave* by L.G. Kosegarten and *Cemetery* by N.M. Karamzin: from Religious Didactics to Elegy]. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2022, Vol. 28, No. 1, pp. 92–98. (In Russ.)
11. Miller T.A. Zapovedi blazhenstva v istolkovanii svt. Ioanna Zlatoustu [The Beatitudes as interpreted by St. John Chrysostom]. *Alfa i Omega* [Alpha and Omega]. 1997, No. 1(12), pp. 58–73. (In Russ.)
12. Morozova N.P. 1810-y god v zhizni G. R. Derzhavina (materialy k letopisi) [The 1810th year in the life of G.R. Derzhavin (materials for the chronicle)]. *Derzhavin i yego vremya* [Derzhavin and his time]. Issue 14. St. Petersburg, *Vserossiyskiy muzey A.S. Pushkina Publ.*, 2019, pp. 155–179. (In Russ.)
13. Pasternak E.A. *Versifikatsiya G.R. Derzhavina: metrika, rifma, strofika* [Verification by G.R. Derzhavin: Metric, Rhyme, Stanza]. Diss. ... Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2022. 332 p. (In Russ.)
14. Petrov A.E. Nagornaya propoved': Ekzegeza Nagornoy propovedi v drevney Tserkvi [The Sermon on the Mount: The Exegesis of the Sermon on the Mount in the Ancient Church]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 48. Moscow, *Pravoslavnaya entsiklopediya Publ.*, 2017, pp. 235–250. (In Russ.)
15. “*To byli vremena chudes...: Yevangel'skiye istorii v russkoy poezii* [‘Those were the days of miracles...’ Gospel Stories in Russian poetry]. Comp., preface, notes by V.L. Korovin. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2021. 640 p. (In Russ.)

16. Fedoseeva T.V., Shanaeva O.N. Dukhovnyye vozzreniya G.R. Derzhavina pozdnego perioda tvorchestva (1790–1810 gody) [Spiritual views of G.R. Derzhavin of the late period of creativity (1790–1810)]. *Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*. 2010, No. 29, pp. 59–71. (In Russ.)
17. Coblenz-Arfken K. *Kosegarten. Vorbote der Romantik von Rügen und Hiddensee*. Hamburg, *Hamburger Haiku Verlag*, 2009. 153 S.
18. Holmes L. *Kosegarten: The turbulent life and times of a Northern German poet*. New York, *P. Lang*, 2004. 254 p.
19. Kosegarten L. *Poesieen*. Bd. 1–3. Leipzig, *H. Gräff*, 1798–1802.

Поступила в редакцию 12.08.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 09.11.2023

Received 12.08.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 09.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Коровин Владимир Леонидович — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; korovinv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Korovin — Prof. Dr. Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; korovinv@yandex.ru

«ЧТО Ж! СТАКАН ДЕРЖА ВИНА // ВЫПЬЕМ ЗА...»: О ДЕРЖАВИНЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Е.А. Пастернак

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; pasternakea@ty.msu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются случаи упоминания Державина в русской поэзии (с 1790-го по 2023 г.). Певец Фелицы предстает не только выдающимся оригинальным поэтом, но и правдолюбом, вельможей, видным сановником екатерининской эпохи, наконец, другом или приятелем своих ровесников и кумиром юных Пушкина и Дельвига. Со временем образ реального Державина, каким мы его знаем благодаря источникам, в том числе автобиографическим «Запискам», становится все более размытым. Некоторые ипостаси Державина привлекают поэтов чаще (поэт и сановник), другие встречаются редко (друг современников) или вовсе не упоминаются (теоретик литературы или автор упомянутых «Записок»). Такой выбор влияет на формирование образа поэта и в сознании массового читателя (например, в XX в. одним из излюбленных сюжетов становится описание встречи Державина и Пушкина в Лицее, что обусловлено важностью этого эпизода в биографии Пушкина, но не «старика Державина»), и среди новых поколений литераторов. По-своему Державина представляют в своих текстах поэты-авангардисты.

Случаи интереса к формальным особенностям державинских стихотворений, к фигуре Державина-стихотворца редки. Выделяются примеры включения объемных цитат из державинских произведений в собственные стихотворения (например, у Рылеева и Симонова). Отдельно рассматривается новое стихотворение Германа Лукомникова, строки из которого вынесены в название настоящей работы: имя Державина не названо в тексте, непрого-воренная фамилия поэта зашифрована в составной рифме.

Ключевые слова: Державин; русская поэзия; поэзия XVIII века; цитаты; Герман Лукомников

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-14

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10132) в Институте мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Пастернак Е.А. «Что ж! Стакан державина // Выпьем за...»: о Державине в русской поэзии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 161–170.

“CHTO ZH! STAKAN DERZHA VINA // VYP’IEM ZA...”: ABOUT DERZHAVIN IN RUSSIAN POETRY

Ekaterina Pasternak

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; pasternakea@my.msu.ru

Abstract: The article deals with mentions of the name of Gavriil Derzhavin in Russian poetry in 1790–2023. In the poems, the singer of Felitsa appears not only as an outstanding original poet, but also as a lover of truth, a statesman, a representative of the Catherine the Great era, and finally, a friend and acquaintance of his peers and the idol of the young Pushkin and Delwig. In later texts, the image of the real Derzhavin, as we know him from sources, including autobiographical *Notes*, becomes more and more blurred. Some hypostases of Derzhavin attract poets more often (poet and statesman), others are much less common (a friend of some of his contemporaries), some are not mentioned at all (literary theorist or the author of the mentioned *Notes*). Such a choice also influences the formation of the image of the poet among the general readers (for example, in the 20th century, one of the favorite plots is the description of the meeting between Derzhavin and Pushkin at the Lyceum, which is clearly related to the importance of this episode in Pushkin’s biography, but not in that of “old Derzhavin”), and among other poets. Avant-garde poets represent Derzhavin in their texts in their own way.

Very few poets pay attention to the formal features of Derzhavin’s poems. Sometimes voluminous quotes from his work are included in poems by later authors (for example, by K. Ryleev and K. Simonov). A new poem by German Lukomnikov, lines from which are included in the title of this work, is considered separately: Derzhavin’s name is not mentioned in the text, the poet’s unspoken surname is encrypted in a compound rhyme.

Keywords: Derzhavin; Russian poetry; poetry of the 18th century; quotes; German Lukomnikov

Funding: This article results from the research project based at the Institute for World Culture of Lomonosov Moscow State University (MSU) and supported by the Russian Scientist Foundation grant 19-78-10132.

For citation: Pasternak E.A. (2023) “Chto zh! Stakan derzha vina // Vyp’iem za...”: About Derzhavin in Russian Poetry. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 161–170.

С конца XVIII в. Державин — поэт, сановник и вельможа, знакомый и друг выдающихся людей своей эпохи — многократно упоминался в русских стихах. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка включает 128 текстов со 164 вхождениями слова «Державин» [НКРЯ¹]. Обзор только этих примеров без учета

¹ В этой статье мы ограничиваемся анализом материалов Поэтического подкорпуса НКРЯ, которые собраны и выложены по ссылке <https://doi.org/10.5281/zenodo.8436650> [Электронный ресурс. Дата обращения: 2.09.2023]. Мы ограничи-

эпиграфов из Державина и ряда всем известных канонических стихотворений «державинского текста»² (очевидно, что далеко не всегда Державин назван в них прямо³) позволяет прояснить, каким предстает в глазах современников и потомков один из главных русских поэтов. От эпохи к эпохе в фокусе внимания оказывались разные его ипостаси.

* * *

Самое раннее стихотворение нашей выборки — это вольные ямбы «высокого штиля», опубликованные анонимно в мае 1790 г. Автор воспеваает поэтическое мастерство 46-летнего Державина, который, согласно первому катрену стихотворения, «лучше сам изображае[т] // Возлюбленный души предмет», чем великий «Рафаел» (1). Аноним хвалит богатство языка и воображения своего героя, их одних «довольно, чтоб прославить // Навек писателя перо» (1), однако Державин также стремится изобразить «священной истины добро». Незвестный автор самокритично и, в общем-то, справедливо называет свое произведением «слабы[ми] юноши стих[ами]» (1), однако тема правды, которой посвящена последняя строфа, актуальна для Державина.

В стихотворениях, авторы которых были лично знакомы с Державиным, — другая интонация. Так, в 1794 г. И. Дмитриев пытается утешить друга, потерявшего любимую первую жену, Е.Я. Бастидон, которую вслед за вдовцом зовет Пленирой. Дмитриев описывает радостную жизнь супругов, за которой было приятно наблюдать, он согласен с философским настроением адресата: «Конечно, так судьбы всемогщны предписали, // Чтоб счастье и напасть познал ты, сын печали! // Но воззрим к вышнему!» (2). В другом стихотворении Дмитриева Державин, находящийся в кругу других поэтов, «всех в восторг приводит дух» (126). Тут можно увидеть не только признание заслуг поэта, но и легкую насмешку над его тяжеловесным синтаксисом. Насмешлив и В.Л. Пушкин — в «Вечере», где аттестуются разные поэты-современники. «Державин, например, изрядно бы писал, // Но также, кроме од, не стоит он похвал» (125), — впрочем, эти слова принадлежат не лирическому герою, альтер эго самого В.Л. Пушкина, а невежде Стукодею, и объектом истинной насмешки здесь является этот светский сплетник.

ваемся данными НКРЯ как наиболее представительными, поскольку в нем отражаются наиболее известные для читателя старые тексты и достаточно полно представлены более новые. Далее возле цитат мы указываем в круглых скобках номер произведения по таблице.

² Например, мы не рассматриваем «Певца во стане русских воинов», «Воспоминания в Царском Селе» и др. Кроме того, не учитываются многочисленные стихотворные послания современников к Державину, включая опубликованные в 1780-е гг., в которых, как правило, не упоминается именно фамилия поэта.

³ См., напр., [Державин 1864–1883: т. 9, 502–511].

Некоторое количество поэтических откликов вызвала смерть Державина⁴. Уже в середине августа 1816 г. Капнист пишет длинную торжественную оду, конечно, одической децимой, наполненную отсылками к творчеству поэта вроде «О смерть! И царь, и раб презренный // Подданство всё равно твоё»; здесь же кратко перечисляются ключевые темы державинских произведений: он «воспел величество Творца, // Победы росса знамениты, // Волшебны прелести Хариты // И блеск Фелицына венца» (104). В первую строфу другого стихотворения Капниста, «На тленность», вмонтированы «<Последние стихи Державина>», следующие две написаны как их продолжение — и с точки зрения стиля (достаточно упомянуть словосочетание «всежруща тлень» (102)), и с точки зрения версификации (8-стишия АБАБВгВг). Оплакивают кончину Державина Милонов (28; «Ты скрылся, Державин! — ты скрылся, наш Феб!») и Дельвиг (27; рефрен его гексаметров: «Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!»), а Вяземский (97) в короткой эпиграмме ищет способ уколоть участников «Беседы любителей русского слова». Длинный текст Милонова, переполненный церковнославянизмами, предваряет эпиграф из Шекспира, он содержит комичные с точки зрения биографии подлинного Державина утверждения, создающие отстраненный образ идеального поэта («Твой путь был ко славе усыпан цветами» (99)). Хотя стихотворение Дельвига тоже возвышенно, написано с использованием многочисленных сложных эпитетов, его строфы начинаются с простого повторяющегося «Державин умер!» (98). Обескураживающая новость сообщается другу, и не воображаемому, условному, а настоящему — Пушкину.

Имя Державина неоднократно включается в перечисления, главным образом в компанию поэтов его времени: Ломоносов, Дмитриев, Карамзин (Востоков (124)), Дмитриев и Ломоносов (Пушкин (111)), Карамзин и Дмитриев (Вяземский (100)), Петров, Державин, Карамзин (Полежаев (79)), Херасков, Княжнин, Петров, Богданович, Дмитриев и В.Л. Пушкин (Вяземский (72)) и т. д. Встречается и менее очевидное соседство. «Державин рвётся в стих, а втащится Херасков» (93), — иронизирует Вяземский. Весьма разных поэтов XVIII в. В. Курочкин решает назвать через запятую: «Сумароков... Кантемир, // Петров, Херасков и Державин» — и дать им «старомодную» характеристику: «Живая оных дней струна» (64). В XX в. такого рода перечисления уже объединяют поэтов разных поколений: «Вот — Грибоедов, Тютчев, вот — Державин. // А мне? Нельзя ли Баратынским стать?» (Асеев (36)); «Когда... Державин громоздил, а Батюшков

⁴ Любопытно, что в «Послании в Вену к друзьям» Милонова 1818 г. Державин оценивался уже как герой из прошлого (94).

хандрил» (Е. Рейн (12)). В произведении Г. Оболдуева указывается на сходство Державина и Тютчева (39). «Поэтические ласточки» трех поэтов становятся опорой для такого перечисления Н. Моршена: «Державин, Фет и Мандельштам» (16). Подобные «серии» у поэтов поставангарда разнообразны: здесь и ассоциативное перечисление: «Радищев-Кутузов // Хемницер-Державин // Бобров-Менделеев // Русское слово вот» (А. Хвостенко (33)), и перечисление с определениями: «Правдоискатель князь Хворостинин // Лжеклассичный Ломоносов // Учёный русский дьяк О! Тредьяковский О! // Мурза самодержавный Державин» (Г. Сапгир (29)), и простой список поэтических ориентиров автора: «Мои учителя // Тредьяковский // Державин // Хлебников» (И. Холин (13)).

Рассмотрим теперь некоторые из тех стихотворений нашей подборки, где имеются отсылки к державинскому творчеству. В «Езерском» Пушкин вспоминает о памятных всем державинских стихах («...двух своих соседей // И смерть Мещерского» воспел и т. д. (81)) и полушутя-полусерьез рассуждает о судьбе и о поэзии. Л. Трефолев неожиданно вспоминает: «Гавриил Державин пел: “Пчела золотая!”» (62). Он первым из поэтов нашего списка называет вместе с фамилией имя певца Фелицы — то ли для придания тексту большей комичности, то ли для того, чтобы «уложить стих в размер»⁵. «<Последние стихи Державина>» перефразирует И. Елагин: «Да что я — бревно какое, // подхваченное рекою // смывающих всё времён. // А где-то рядом Державин // барахтается, забавен // и с участью примирён» (эпиграф к этому тексту — первый катрен «Реки времён...» (31)). Они же остроумно монтируются с другой визитной карточкой поэта, «На смерть князя Мещерского», О. Охупкиным: «Река времён. Глагола звон. // Ещё гремит старик Державин» (23)⁶.

В некоторые произведения включаются целые части державинских стихотворений. Одна из рылеевских дум полностью обращена к поэту, в ней упоминаются места, связанные с Державиным (Хутынский монастырь), романтически настроенный юноша — герой стихотворения — размышляет о поэте, чей образ здесь идеализирован, и вспоминает, что тот говорил «любимцам трона», — с помощью цитат из «Вельможи» и «Властителем и судиям» длиною в несколько строк (90). В объемном произведении Симонова, об-

⁵ Фамилия поэта указана и после прямой цитаты в «Тугих парусах» Н. Моршена: « — Я есмь — конечно, есть и Ты (Державин)» (9).

⁶ Впрочем, встречаются отсылки и к менее известным произведениям: «Лебедь» Вс. Зельченко среди прочего перефразирует одноименное произведение Державина; интересно, что в нем упоминается «европейская ночь» (11), явно отсылающая к сборнику стихотворений В. Ходасевича, написавшего биографию Державина.

ращенном к Суворову, описано, как «Костров, иль господин Державин <...> Уже, наверно, оду пишет» (далее цитируется «На победы в Италии» (45))⁷. Суворов говорит державинскими стихами у С. Стратановского — и с помощью прямых цитат («Я — червь, я — раб, я — бог штыков»), и с помощью обращения к излюбленным державинским духовным размышлениям (сам полководец называет здесь Державина «Пиндаром северным» (24)). В поэме Вознесенского «Авось!» герой-стихотворец, которому приписаны стихи «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный. // Увечный // наш бранный разум цепляется за пирамиды, статуи, памятные места — // тщета!» (27), характеризуется фразой «Понятно, это не Державин, // но любопытен по терзаньям» (27); ироничное переосмысление «Памятника» становится еще очевиднее благодаря внутренней рифме, подчеркнутой графическим членением.

Отдельные формальные особенности поэзии Державина редко становятся темой для поэтического разговора без привязки к конкретным его поэтическим шедеврам, однако есть и такие случаи. Так, высокопарное стихотворение А. Несмелова содержит следующее замечание: «Но порой, удачной рифме рад, // Ты не веришь, что ещё Державин // Обронил её сто лет назад» (41), — действительно, державинские рифмы по своему устройству во многом предвосхищают рифмы XX в.

* * *

Державинский образ традиционно сопровождает лира: он «на лире звонкой // Восп[ел] великие дела // Царицы» у Капниста (122), на золотой — «возгремел, // Бессмертную в стихах бессмертных он воспел» у В.Л. Пушкина (117), «лирой... бряцал златострунной» у Бенедиктова (75), а у Б. Фёдорова он и вовсе «лиры властелин» (88). Однако обычно характеристики более конкретны, причем поэтическая и политическая ипостаси Державина смешиваются, например, у Дмитриева (державинские «честь, правда и язык богов» (123)) и Воейкова («поэтов красота», «вельможей образец» (121)).

Иногда подчеркивается лишь его статус вельможи: в «Послании...» Батюшкова один из героев — Державин, он упоминает «Отчизны сладкий дым» (107; отсылка к самому поэту); в «Орле двуглавом» Брюсова Державин «славу пел» (58) именно заглавному «герою». Обычно, напротив, Державин предстает только в роли поэта: у Дельвига (он «россов восхищал! // Под дланью трепетали струны, // На сильных он метал перуны — // И добродетель прославлял» (108)), Милонова (Державин — настоящий, честный поэт, в отличие от

⁷ Показательно, что здесь Державин в духе времени не играет, а говорит с лирой, причем не златострунной, а железной.

пародийного Луказия (116)), Гнедича, высмеивающего Хвостова (настоящий поэт, Державин «к вершинам Геликона... чрез многотрудный путь столь быстро прилетел», что не суждено адресату Гнедича (115)), Кюхельбекера («дивный исполин», «бард дивный»; тяжеловесность этих стихов создает пародийный эффект (91)), К. Масальского («Вслед за собой увлек Державин-исполин // Тму подражателей» (82)) и др. Изысканное определение поэту дает Вяземский: «юных муз блистательный рассвет», к тому же он счастливее Ломоносова парадоксальным образом — «как русский и поэт» (95). Именно с Державина начинается история русской поэзии, доходящая до «последнего звена» (последнего то ли по времени, то ли по уровню при сравнении с великими поэтами) у Рейна в его варианте «Памятника»: «Я был счастлив, ибо был в Отчизне // Самое последнее звено // Вервия, что заплетал Державин» (6).

Уже в XIX в. Державин предстает как тот, кто «внукам завещал Екатеринин век» (87). Связь с веком отмечена и Вяземским — правда, в язвительном ключе: «Державин, веку дав заглавье, // Сказал: *Весь век стал бригадир*» (85). Он же пишет о том, как высока роль поэтов в восприятии эпох («Екатерины век, её роскошный двор, // Созвездие имён сопутников Фелицы, // Народной повести блестящие страницы, // Сановники побед: Державин и Петров» (68)). Связь с фигурой Екатерины находим у Б. Садовского в «Царях и поэтах» («Екатерину пел Державин» (56)), оригинально и сравнение Б. Божнева: «И солнце, что Державин, // Лежит у царских ног» (46). У Д. Самойлова вся эпоха и вовсе характеризуется через Державина: «До свиданья, Державин, // И его времена» (26).

Характеристика Державина — «автора од» и Державина — символа своего времени парадоксальным образом повторяется в «Портрете» А.К. Толстого (65) и в «Оде на Победу» М. Тарловского, которая выглядит как пародия на настоящую оду — и из-за несоблюдения формальных правил (по необъяснимой причине она написана октавами), и из-за несуразных стилизаций («Се твой превыспревший глагол // Мы емлем в шелестах читален» (40)), и из-за фигуры самого адресата. Интересны совсем иные по стилю экспериментальные «Одические строфы» В. Кривулина: 8-стишия, написанные без прописных букв и лишь с некоторыми знаками препинания, наполненные отсылками и ассоциациями («самозванный бог державин // самочинный бег червя» (10)).

Державин предстает мастером, который может «судить» литературу, — например, у С. Шевырёва 1830 г. (84) и в ироничном стихотворении Фета, где вечные соперники Жуковский и Державин становятся союзниками, поскольку «не нуждаются» в бездарном поэте, к которому обращено стихотворение (74). Ап. Майков в 1853 г.

тоскует по настоящей поэзии: «Наш век велик, могуч и славен; // Но где ж, Россия, твой Державин?» (по версии Майкова, в этот год «И вновь Россия торжествует!..» (71)). Иронична реплика Н. Щербины: «За что Державин был министром, // Не видит Майков и гроша» (70), — отсылка к Державину становится способом остроумно уколоть другого поэта.

Литературный Державин порой наделяется сверхъестественными способностями. Юный Дельвиг просит живую легенду, «Пиндара российского»: «Дай мне парящий восторг!» — и, говоря о себе, на самом деле воспевает своего адресата: «Дай, и вовеки прославлюсь, // И моя громкая лира // Знаема будет везде!» (109). Внезапно именно Державина в качестве помощника призывает В. Шишов, который не только просит: «Приди ко мне, о Гавриил Державин, // Наставником сладчайшего труда» (49), — но и вспоминает о легендарном Багриме, зачинателе державинского рода. Имя поэта обыгрывается и В. Соснорой, намекающим на архангела: «пускай Державин гений // и Гавриил, — но всё ж не та труба!..» (17).

У Ходасевича образ Державина с его ласточкой и вовсе становится, наряду с Катуллом и его воробьем, символом рая, где живут «поэтов и зверей возлюбленные тени» (47), — именно туда попадет кот Мурр и надеется попасть лирический герой, столь близкий к реальному поэту.

* * *

В XX в. Державин становится воображаемым собеседником поэтов. Например, в первой части «Стихов о русской поэзии» Мандельштам обращается к Державину, где тот внезапно оказывается соседом Языкова; упомянутый в первой строфе татарский кумыс — способ ассоциативно напомнить о происхождении поэта (48).

В нашей подборке есть и примеры текстов, в которых авторы вживаются в образ великого предшественника. Д. Самойлов пишет «Старика Державина», пытаюсь сочетать воспроизведение мыслей героя и живой рассказ о нем: так, Державин не просто «жадный поэт» — он «воровато // Руки прятал в рукава халата, // Только лиру не передавал» (35). Как нередко бывает у Самойлова, в сюжете этого стихотворения смешиваются времена: вся 1-я строфа и часть 2-й — рассказ о поэтах-современниках, участниках Великой Отечественной войны. Подобная ситуация — в стихотворении Вс. Рождественского «Державин в Петрозаводске»: в нем олонецкий губернатор размышляет об истинной государственной службе и мечтает писать стихи (это иллюстрируется цитатой из «Водопада»). Любопытно сравнить те мысли, которые Рождественский приписывает Державину: «А мне ты долг иной назначь — // От губернаторства подале. // Уж лучше буду петь Кивач, // Как я — бушующий в опале» (28), — со

словами самого Державина⁸: «...государыня назначает его губернатором в Олонецк, которую губернию в том году должно было открыть, то и потребовалось его согласие. Будучи у императрицы в хорошем мнении, не благодаразумно бы было не согласиться на её волю» [Державин 2000: 94–95]⁹.

Неоднократно Державина вписывают в полностью придуманные сюжеты: у Н. Агнивцева поэт общается с некоей дамой в голубом кринолине (50), Л. Мартынов сопоставляет воображаемого старого Пушкина с Державиным и Карамзиным (21). Впрочем, стихотворения, имеющие биографическую основу, тоже не лишены вольностей. Так, Державину посвящена часть «Поэта и музы» Ю. Домбровского (42). Он представляет жизнь поэта после смерти его любимой Пленеры (именно этим именем ее логично называет Домбровский), но описанное далеко не полностью биографично: вскоре Пленере сменила Милена, Д. Дьякова, и в 1795 г. Державин вовсе не становится исключительно певцом печали. Любопытно, что Домбровский решает не цитировать реальные стихи Державина, когда описывает творческие муки поэта, а придумывает свои, тематически созвучные творчеству Державина. Такой прием позволяет осознать, что это — именно «фантазия на тему».

Излюбленный же русскими поэтами державинский сюжет — это, конечно, встреча Державина и Пушкина. Ее изображают Г. Шенгели (он пытается представить и передать чувства старого поэта, однако в итоге у него получается стихотворение и об истории поэзии, и о смене поколений в целом (54)), Ю. Инге (44) и Я. Смеляков, дающий развернутую характеристику старому поэту: «Всесветно одинок, // ослабый и мясистый» (25)). Как видно из наших примеров, популярной тема лицейского благословения стала лишь в XX в.

* * *

Итак, образ Державина в русской поэзии разносторонен, причем некоторые его ипостаси или детали биографии привлекают поэтов чаще (Державин-сановник), к каким-то можно найти лишь единичные обращения (Державин-старик и устаревающий поэт), а какие-то не встречаются вовсе (Державин — теоретик литературы). Упоминания Державина-друга, приятеля, знакомого или «учителя» сменяются описаниями его как идеализированного великого русского поэта или как условного воображаемого собеседника, имеющего мало общего с реальным человеком, каким мы знаем его из источников.

---

⁸ Как известно, в «Записках» он говорит о себе в 3-м лице.

⁹ Разумеется, Державин также стремится создать для читателей определенный образ самого себя в прошлом.

Напоследок обратимся к стихотворению, цитата из которого вынесена в заглавие этой работы, новейшему и пока не изданному тексту Г. Лукомникова:

...А по краю перечти:
Наша жизнь — РУИНА ЧТИ.
Что ж! Стакан держа вина,
Выпьем за...

Два слова в конце третьего стиха — составная рифма с полным совпадением звукового состава с выпущенным последним словом. Державина уже необязательно называть прямо, как и объяснять, «по краю» чего нужно увидеть то ли настоящий, то ли случайный акростих, — имя и творчество Державина и так остались в истории поэзии, которая — во многом благодаря ему — продолжает развиваться и открываться с новых сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Державин Г.Р.* Записки. М., 2000.
2. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота: [В 9 т.]. СПб., 1864–1883.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

Poetic subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8436650> (дата обращения: 02.09.23).

REFERENCES

1. Derzhavin G. R. Sochineniia [Works] [In 9 vol.]. Saint Petersburg: Izd. Imperatorskaia Akademiiia Nauk Publ., 1864–1883. (In Russ.)
2. Derzhavin G. R. Zapiski [Notes]. Moscow, Mysl' Publ., 2000. 344 p. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

Poetic subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8436650> (accessed: 02.09.23). (In Russ.)

Поступила в редакцию 25.07.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 10.11.2023

Received 25.07.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 10.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Пастернак Екатерина Алексеевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; pasternakea@my.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Pasternak — (Ph. D.) Junior Researcher, Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; pasternakea@my.msu.ru

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И.С. ТУРГЕНЕВА

«Я ЗАДУМАЛ ЭТУ ШТУКУ В ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ»: К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПОВЕСТИ «ДОВОЛЬНО» В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

И.А. Беляева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия;
belyaeva-i@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается повесть И.С. Тургенева «Довольно» с точки зрения ее роли в творчестве писателя, которая до сих пор еще не определена, несмотря на усилившийся в последние десятилетия интерес к текстам, созданным после «Отцов и детей». «Довольно» традиционно привлекает исследователей как пример философского нарратива у Тургенева, насыщенного многочисленными аллюзиями, и как опыт новой литературной формы, которая не всегда, однако, рассматривается как удачная и релевантная задачам, что были поставлены самим писателем. В целом научной аналитике в немалой степени довлеет история рецепции этого сочинения современниками Тургенева, которые, за редким исключением, отнесли к «Довольно» негативно. В статье предлагается краткий обзор откликов на повесть Тургенева. Основное внимание автора статьи привлекли суждения Л.Н. Толстого. Его оценки «Довольно» на протяжении жизни были разными. Вначале Толстой принял общую позицию отрицания этого текста, хотя автор статьи увидел в некоторых «шопенгауэровских» высказываниях в «Воине и мире» равнодушную полемичку с Тургеневым. Но уже в 1880-е годы у Толстого складывается представление о том, что «Довольно» — ключевой текст Тургенева, который выражает наиболее емко и точно один из важнейших «фазисов» (всего Толстой у Тургенева их насчитывал три) в жизни и творчестве писателя. Толстой внимательно относился к тургеневскому «фазису» «сомнения во всем», оценил его искренность и честность в данном вопросе и увидел тесную связь крайнего сомнения у Тургенева с новой религиозностью. Автором статьи предложен также анализ поэтики «Довольно» в свете ключевых топосов и мотивов прозы писателя 1850-х годов, прослежена соотнесенность повести с характерными тенденциями в развитии тургеневской лирической прозаической миниатюры (сочетание лирической субъективности и генерализации), что подтверждает правоту Толстого.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Довольно»; рецепция; Ф.М. Достоевский; В.Ф. Одоевский; Л.Н. Толстой; Шопенгауэр; лирическая проза; пессимизм; философский дискурс

Для цитирования: Беляева И.А. «Я задумал эту штуку в тяжелое время»: к вопросу о значении повести «Довольно» в творчестве И.С. Тургенева // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 171–184.

“I CONCEIVED THIS THING IN A HARD TIME”: ON THE QUESTION OF THE SIGNIFICANCE OF THE STORY *ENOUGH* IN THE WORKS OF I.S. TURGENEV

Irina Belyaeva

Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; belyaeva-i@mail.ru

Abstract: The article deals with I. Turgenev’s story *Enough* in terms of its role in the writer’s work, which has not yet been determined, despite of the increased interest in texts created after *Fathers and Sons* in recent decades. *Enough* traditionally attracts researchers as an example of Turgenev’s philosophical narrative, saturated with numerous allusions, and as an experience of a new literary form, which, however, is not always seen as successful and relevant to the tasks set by the writer himself. In general, scientific analytics is dominated by the history of the perception of this work by Turgenev’s contemporaries, who, with rare exceptions, reacted to *Enough* negatively. The article offers a brief overview of the responses to Turgenev’s story. The main attention of the author of the article was attracted by the judgments of L. Tolstoy. His assessments of Turgenev’s *Enough* varied throughout his life. At first, Tolstoy took the general position of denying this text, although the author of the article saw in some of the writer’s ‘Schopenhauer’ statements in *War and Peace* an indifferent polemic with Turgenev’s judgments from *Enough*. But already in the 1880s Tolstoy develops a view that *Enough* is Turgenev’s key text, which most capaciously and accurately expresses one of the most important “phases” (in total Tolstoy counted three of them) in the life and work of the writer. Tolstoy was attentive to Turgenev’s “phase” of “doubt in everything”, appreciated his sincerity and honesty in this matter and saw a close connection between Turgenev’s extreme doubt and faith and new religiosity. The author of the article also proposes an analysis of the poetics of *Enough* in the light of the key topoi and motifs of the writer’s prose of the 1850s, traces the correlation of the novel with the characteristic trends in the development of Turgenev’s lyrical prose miniature (a combination of lyrical subjectivity and generalization), which confirms the correctness of Tolstoy.

Keywords: Turgenev; *Enough*; perception; Dostoevsky; V. Odoevsky; L. Tolstoy; Schopenhauer; lyrical prose; pessimism; philosophical discourse

For citation: Belyaeva I. (2023) “I Conceived This Thing in a Hard Time”: On the Question of the Significance of the Story *Enough* in the Works of I.S. Turgenev. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 171–184.

Повесть И.С. Тургенева «Довольно» в последние годы вновь стала привлекать внимание исследователей. Оказалось, что многие

вопросы, как, например, организация пространства и времени [Бельская 2008], христианские корни пессимизма [Барицкий 2017], историко-литературные и биографические контексты [Данилевская 2021], требуют дополнительного освещения. Наряду с востребованностью исследований о философско-мировоззренческом и мифопоэтическом фундаменте творчества Тургенева при изучении этого текста [Батюто 2004; Тарасов 2009; Тиме 2011; Топоров 1998], вновь актуализируется интерес к философским идеям писателя и средствам их репрезентации [Головко 2015; Скуднякова 2019], а также к культурфилософским смыслам экзистенциальной проблематики [Злотникова 2018]. Не менее остро стоит вопрос о поэтике лирического философского повествования у Тургенева [Акелькина, Коптева 2020]. Однако исследовательский интерес к повести зачастую сопровождается признанием того, что эксперимент писателя в области построения нового лирико-философского нарратива был не вполне удачен. «Художественное философствование в повести “Довольно” не состоялось именно потому, что повествователю не хватило энергии творчества для органического синтеза “науки” (мышления), “поэзии” (искусства) и “безотчетного верования”», — ссылаясь на мнение В.Ф. Одоевского, критиковавшего тургеневскую повесть, констатируют современные исследователи [Акелькина, Коптева 2020: 14]. «Довольно» зачастую рассматривается в связке с повестью «Призраки» как своего рода ее придаток или в контексте общего размышления о «таинственных повестях» Тургенева. Между тем вопрос о месте «Довольно» в творческом наследии Тургенева, о значении этого эксперимента в развитии лирической прозы писателя еще не вполне прояснен. И несмотря на то что в науке предложен анализ таких важнейших откликов на «Довольно», какими были реакции В.Ф. Одоевского, Достоевского и Толстого, возвращение к этим оценкам вновь может многое добавить к нашему сегодняшнему пониманию этого сочинения Тургенева.

«Довольно» — одно из самых небесспорных произведений писателя. С подзаголовком «Отрывок из записок умершего художника» оно было впервые опубликовано в 1865 году, завершая V том сочинений Тургенева, тем самым как бы подводя на тот момент черту всему его творчеству. Тургенев изначально обещал «Довольно» Достоевскому в журнал «Время», однако в дальнейшем предпочел держать его в неведении, да и никому другому не сообщал о своем новом сочинении. Вероятно, Тургенев понимал, что журнальная публикация «Довольно» неизбежно будет сопровождаться непростым предварительным обсуждением, которого он не желал и предполагал неоднозначную реакцию читателей и критиков на его новое сочинение.

К тому времени его привыкли видеть писателем актуальной повести. Не только «Дворянское гнездо», в котором современники увидели начало социального обновления, или «Отцы и дети», обозначившие остроту переходной эпохи, но даже любовно-философские повести 1850-х годов прочитывались в свете социальной злободневности. Но в «Довольно» Тургенев предлагал читателю совсем другой нарратив. Не отягощая свое новое сочинение, в жанровом плане с трудом поддающееся дифференциации (Тургенев поначалу именуется «Довольно» то «отрывком», то «крохотным отрывочком», то «рассказом», то «сказкой», то «штукой»), фантастической и готической образностью или более-менее четкой событийностью, писатель создает одновременно очень личное, субъективное повествование и философское обобщение, не чуждое, кстати, и социальных забот. Ведь речь в «Довольно» идет не только об экзистенциальных вопросах, но и о философии истории и даже об экономике войны. Правда, рассуждения на последнюю тему большей частью остались на полях черновика, но присутствие подобной повести все же сохраняется в подтексте. Словом, так Тургенев еще никогда или почти никогда не говорил с читателем, если не считать скрытый экзистенциальный нарратив в его романах или явный в повестях, во многом бессюжетных¹.

Близкие Тургеневу читатели увидели в «Довольно» выражение личной боли писателя² и даже его желание завершить свой путь в литературе или в жизни. П.В. Анненков высказал свое мнение в самом конце письма к другу от 16 (28) марта 1865 года: «Что вам сказать про “Довольно”. Я думаю и у Вас мало таких ярких и очаровательных картин, как воспоминания первой половины рассказа; вторая его половина, по временам, глубока, но имеет несчастье походить на мрачную католическую проповедь, последнее слово которой сними штаны, обрей голову и ступай в Трапу. Да и надо иметь непременно 55 лет, одышку, запор и водянку, чтоб усвоить себе все впечатления этой второй половины, как должно, а написано все мастерски. Вот этого-то и довольно во всей пьесе» [Анненков 2005:

¹ Л.В. Пумпянский полагал, что «Поездка в Полесье», «Призраки» и «Довольно» «образуют трилогию, объединенную общей идеологической концепцией и общими жанровыми признаками (бессюжетностью)» [Пумпянский 2000: 449].

² В письме к П.В. Анненкову от 20 марта (1 апреля) 1865 года Тургенев подвел итог настроениям, которые двигали им в «Довольно»: «За присланную обратно рукопись, с цензорским одобрением, великое спасибо; действительно, я, кажется, конец пересоллил. Но дело в том, что я задумал эту штуку в тяжелое время, а окончил ее в эпоху сравнительно приятную: я и очутился в положении человека, который жаловался на отсутствие аппетита и потому ел страшно много, так как он не знал, когда остановиться. Все равно, переделывать теперь некогда, да и не для чего — пусть отправляется так, как есть» [Тургенев 1989: 126].

170, 171]. Замечания Анненкова про двухчастную структуру повести, про ее сходство с католической проповедью чрезвычайно любопытны, справедливы и все еще не в полной мере отрефлексированы. Самыми известными были отзывы Одоевского («Недовольно», 1867) и Достоевского (карикатурная линия Кармазинова в «Бесах», 1871–1872). Оба они даже не столько выступали против личной позиции автора «Довольно», сколько не принимали проповеднический тон этого сочинения. Им казалось, что Тургенев проповедует отчаяние, обратной стороной которого является позерство. Любопытный итог общему мнению подвел С.А. Венгеров в очерках о литературе, увидевших свет еще при жизни писателя в 1875 году, где о «Довольно» сказано в духе Достоевского: «...Тургенев написал для Карлсруйского издания своих сочинений очерк “Довольно”. Мы говорим “очерк”, хотя такой эпитет совсем не заслужен “Довольно”. Но мы затрудняемся прибавить для него название. Вульгарно выражаясь, это “Бог знает, что такое”. Не знаем, как другие понимают “Довольно”; но что касается автора настоящего этюда, он прямо признается, что совершенно не понимает загадочный “очерк”. Это какой-то беспорядочный сумбур, набор слов, ничем между собою не связанных, скорее похожий на бред, нежели на литературное произведение» [Венгеров 1875: 148–149].

На этом фоне как минимум настороженного отношения к «Довольно» современников Тургенева выделяется точка зрения Толстого, с которым писателя также связывали непростые отношения. Особенно сложными они оказываются после знаменитой ссоры весной 1861 года, но дело даже не в этом, а в том, что поначалу Толстой, как и многие, не принял «Довольно». Возможно, что как раз это было связано с личными мотивами, но потом Толстой считал это сочинение едва ли не ключевым в творчестве Тургенева. К этим трансформациям оценки стоит присмотреться внимательнее.

Итак, поначалу Толстой воспринимает «Довольно» резко негативно. В письме к Фету от 7 октября 1865 года, после хозяйственных рассуждений о сеялках и жеребцах, уже в приписке, он признается, что «Довольно» ему «не понравилось», потому что «личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тут субъективность, полная безжизненности страдания» [Толстой 1953: 109]. Толстой еще не увлечен философией Шопенгауэра, но он уже работает над «Войной и миром», где шопенгауэровские и в целом экзистенциальные вопросы постепенно возникают, а значит, подобного рода дискурс едва ли был ему не замечен в «Довольно», в котором присутствуют явные отсылки к Шопенгауэру. Но эти философские интонации поначалу были проигнорированы Толстым: в «Довольно» он увидел безжизненную субъективность и совсем не

захотел оценить генерализирующую, философско-морализаторскую тенденцию повести, хотя сам, еще с середины 1850-х годов, стремился к соединению этих двух нарративов.

Трудно сказать, что станет первопричиной в смене толстовской оценки тургеневской повести, переживание ли т. н. Арзамасского ужаса осенью 1869 года, увлечение ли философией Шопенгауэра, первые упоминания о котором есть уже весной того же года. 10 мая 1869 года в письме к Фету Толстой уже даже находит, что то, что он писал в «Войне и мире», «особенно в эпилоге», «не выдуманно» им, «а выворочено с болью» из его «утробы», — и поддержкой ему в этом служит Шопенгауэр: «Шопенгауэр в... [«Мире как воле и представлении»] говорит, подходя с другой стороны, то же, что я» [Толстой 1953: 217]. Личное, «вывороченное с болью», о чем пишет Толстой, похоже на тургеневскую попытку заявить о своем ужасе от жизни в «Довольно», которую многие не услышали, или не захотели услышать, или увидели в этом неискреннюю позу. Другое дело, что увлечение Шопенгауэром у Толстого скоро пройдет и наступит его «преодоление», однако чтение философа — опыт, которого не было в 1865 году, — позволило Толстому иначе посмотреть на тургеневскую субъективность в «Довольно», иначе оценить его пессимизм и в итоге сформулировать свое понимание творчества Тургенева, в центре которого оказывается эта повесть.

После смерти Тургенева Толстой предполагал читать о нем доклад в Обществе любителей российской словесности, даже был уже назначен день — 23 октября 1883 года, но цензура выступление запретила. В письме к А.Н. Пыпину от 10 (22) января 1884 года писатель изложил логику своего несостоявшегося выступления и представил свою концепцию творчества Тургенева. Толстой объяснял, что ничего не пишет о Тургеневе, «потому что слишком многое и все в одной связи» имеет сказать о нем и что только «после его смерти <...> оценил его, как следует» [Толстой 1934: 149]. И далее излагает очень важное, емкое и убедительное, описание тех «трех фазисов», которые есть, по его мнению, в жизни и произведениях Тургенева: «1) в е р а в красоту (женскую любовь — искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) с о м н е н и е в этом и с о м н е н и е во всем. И это выражено и трогательно, и прелестно в “Довольно”, и 3) не формулированная, как будто нарочно из боязни захватать ее (он сам говорит где-то, что сильно и действительно в нем только бессознательное), не формулированная двигавшая им и в жизни, и в писаниях, в е р а в добро — любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в Дон Кихоте, где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра» [Толстой

1934: 150; разрядка автора — И. Б.]. Из всего тургеневского наследия Толстой выделяет только две вещи — хорошо ему знакомую еще на этапе написания статью «Гамлет и Дон Кихот», в которой он увидел возможности для прямой проповеди, не казавшейся чем-то инородным или сомнительно пафосным, а также «Довольно». Более того, известно, что у Толстого был так и не осуществленный им план, зафиксированный в дневниковой записи от 7 октября 1892 года: написать статью о Тургеневе, в которой бы эти тексты сближались на основе «отрицания жизни мирской и утверждения жизни христиан[ской]» [Толстой 1952: 74]. Толстой в это время много думает об «очень незначительном, малом, ничтожном», которое вместе с тем может «показаться таким значительным, важным, радостным», о «новом христианстве» и возможном пути к нему [Толстой 1952: 74]. В этом контексте у него возникает Тургенев с повестью «Довольно» (без связки с «Призраками», что примечательно!) и со статьей о Дон Кихоте. Возникает Тургенев тут не случайно, потому что это были и для него главные вопросы. Они были у него везде и всегда, начиная еще с юношеского «Стено». Но именно в «Довольно», как это и показывает Толстой, «сомнение во всем» получило наиболее «трогательное» и «прелестное» выражение, тем самым обнажая как бы суть страха перед мгновенностью любви, красоты, искусства, человеческой жизни, а не перед вечностью, которая вроде бы подвластна природе (хотя, согласно Тургеневу, ее вечность основывается на временности, на разрушении³), но на самом деле есть только в пределе неба: «твой взор коснулся меня, скользнул выше и поднялся к небу,— а мне показалось, что только бессмертная душа может так глядеть и такими глазами...» [Тургенев 1981: 229]. Толстой верно увидел у Тургенева важный момент — невозможность быть сопричастным вечности.

Первый «фазис» творчества Тургенева Толстой связывает с «верой в красоту», которая находит воплощение прежде всего в «женской любви» и «искусстве». И здесь возникает огромный пласт текстов, которые получили, с легкой руки Г.А. Бялого, именование повестей «о трагическом значении любви» (сама же эта формула принадлежит тургеневскому Рудину): «Переписка», «Фауст», «Ася», «Затишье», романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети». Особенно любопытен в этой связи роман «Накануне», в котором, несмотря на его актуальную политическую повестку, на первый план выходит тема Елены Прекрасной, в изводе Стесихора и Павсания, и мотив ловцов красоты и мотив вечно умирающей и вечно воз-

³ «...Она создает, разрушая, и ей всё равно: что она создает, что она разрушает — лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла прав своих...» [Тургенев 1981: 229].

рождающейся красоты (образ Венеции) [Беляева 2018]. Или же роман «Отцы и дети», также актуализирующий мотив «красоты мира в явлении женщины», в том числе благодаря многочисленным отсылкам к фаустовской теме Елены [Беляева 2018]. Базаров, при всей его склонности к естественнонаучной практике, оказывается и большим охотником до красоты, и большим ее ценителем, а красавица Анна Сергеевна Одинцова производит решительный перелом в его жизни. Любовь и здесь показана Тургеневым как онтологически преходящая сущность — в этом и состоит ее «трагическое значение» (при этом у Тургенева она может быть и не трагической, но этот вопрос требует особого разговора). Если же описать сюжетную схему тургеневских любовно-философских повестей 1850-х годов, то главным в ней оказывается та «устойчивая сюжетная парадигма», которая восходит к повести «Затишье» [Маркович 2001: 278] и определяется способностью любви аккумулировать в себе всю жизнь человека, оставаясь при этом непознаваемой тайной. Важно, что любовь, несмотря на свою трагическую мгновенность, способна придавать значение человеческой жизни. Что уж говорить об искусстве. Корпус мотивов, связанных с искусством, для Тургенева в 1850-е годы составляет мощную оппозицию всему преходящему, даже любви. Поэтому столь значимы для прозы Тургенева тех лет символы искусства. Сомнение, о котором пишет Толстой как о втором «фазисе», пока еще искусства так вплотную не касается, хотя и звуки вальса в «Асе», и страницы «Фауста» в одноименной повести подчеркивают скоротечность и потому трагичность чувства. Но сами они как создания человека аксиологически непреложны.

Но уже в начале 1860-х годов, как справедливо отмечает Толстой, Тургенев действительно допускает мысль и о разрушении искусства. Едва ли не единственным текстом, где и любовь, и искусство, без всякого исключения, признаются бранными, оказывается «Довольно».

Главки с IV по XII (первые три главки представляют собой значимые отточия) посвящены традиционной уже для Тургенева в те годы истории любви, которая была для пишущего свои «записки» художника и «волшебными звуками», и «благодатным светом», и добровольной зависимостью («я по-прежнему в твоей власти, по-прежнему чувствую сладостное тяготение твоей руки на моей склоненной голове» [Тургенев 1981: 220, 221]). Как и в повестях 1850-х годов, любовь в «Довольно» составляет высшую гармонию человеческой жизни и аккумулируется в привычных тургеневских топосах сада, дома (маленькой комнаты), храма, праздника Благовещенья (храм оказывается важнейшим топосом любви в «Дворянском гнезде», часовня — в «Накануне»), но она понимается как мгновение, которое нельзя повторить. Как сказано в «Асе», «у счастья нет за-

взрастного дня» [Тургенев 1980: 191]. Так и в «Довольно»: «Мы чувствовали оба, что лучше этих мгновений ничего в мире не бывало и не будет для нас» [Тургенев 1981: 225]. Разрушающие силы любви воплощаются в образах пустоты, могилы, старости, мрака, холода — все это также традиционно для Тургенева 1850-х годов, достаточно вспомнить его «Переписку» или «Затишье». Тургенев уходит от реалистической конкретики образов влюбленных. Его герой-художник ничего не рисует и не пишет, и кто его возлюбленная, как она выглядит, читатель так и не узнает. Но, исходя из предыдущих любовно-философских текстов Тургенева, можно создать условный портрет влюбленных. К тому же Тургенев выстраивает повествование в форме «записок», а изначально — в виде «писем» (с подзаголовком «Несколько писем без начала и конца»). Для него это традиционный нарратив, который встречался и в «Фаусте», и в «Переписке». Словом, это тоже читателя возвращало к текстам, которые ему были знакомы. Наконец, организующим повествование первых двенадцати глав оказывается мотив воспоминания, также доминирующий в предшествующей прозе Тургенева. Но в целом любовный сюжет «Довольно» воспринимается как лирический, и «сюжетика» дополняется биографическими аллюзиями. Как верно заметила Е.Г. Новикова, «имевшая место в “Призраках” отчетливая дистанция между героем-повествователем и образом автора в “Довольно” существенно сокращается», и художник из этой повести «не имеет “самостоятельной” жизни: его судьба, его чувства, его размышления являются проекцией авторского мирозерцания» [Новикова 1986: 203]. Поэтому «Довольно» пролагает путь к поздней лирической прозе Тургенева, прежде всего к его «Стихотворениям в прозе», а небольшой объем главок «Довольно» вполне может коррелировать с емкостью прозаических миниатюр *Senilia*.

«Довольно», по словам Толстого, выражает крайнее состояние «сомнения во всем», явно проговаривая то, что читалось в подтекстах прозы 1850-х годов. Согласно Тургеневу, если искусство переходяще — «не условность искусства меня смущает; его бренность, опять-таки его бренность, его тлен и прах — вот что лишает меня бодрости и веры» [Тургенев 1981: 228], — то человек стремительно легит в бездну: молчаливо ждет смерти, правда, как паскалевский «мыслящий тростник», с сознанием собственного ничтожества. Это действительно важнейшее настроение в тургеневском творчестве, которое ученые нередко именуют «космическим пессимизмом» [Курыльская 1980] и которое обнаруживает себя во всех сочинениях писателя, но иногда скрыто, как бы по умолчанию. В «Довольно» же Тургенев не побоялся назвать все вещи своими именами, обнаружить все свои личные страхи по этому поводу и сомнения, на-

копленные культурой. Отсюда так много отсылок — к Шекспиру, Гете, Шиллеру, Пушкину; философские аллюзии, восходящие к Паскалю, Марку Аврелию, Экклезиасту, Светонию, Шопенгауэру⁴ и др. Писатель соглашается и спорит с великими, как, например, с Шиллером по поводу ценности мгновения искусства, и тут ему на помощь приходит другой великий — Гете. «...Каждый более или менее смутно понимает свое значение, чувствует, что он сродни чему-то высшему, вечному — и живет, должен жить в мгновенье и для мгновенья. Сиди в грязи, любезный, и тянись к небу!» Но если «величайшие из нас — именно те, которые глубже всех других сознают это коренное противоречие», то, размышляет далее Тургенев, «уместны ли слова: величайший, великий?» [Тургенев 1981: 230]. «Сюжет» о гибели искусства, мотив творения «на час», составляет вторую, собственно философско-публицистическую часть «Довольно»: главы с XIII по XVIII представляют собой размышления на темы человеческого ничтожества и достоинства, мгновенности жизни, гражданских, общественных, гуманитарных ценностей («народность, право, свобода, человечество»), собственно искусства и красоты как создания природы и создания человеческих рук. Завершается этот «сюжет» рефлексией по поводу того, как жить людям, или «труженикам», «обыкновенным, дюжинным, второстепенным, третьестепенным», кем бы они ни были — «государственными людьми, учеными, художниками»: все они вынуждены «судорожно спешить к неизвестной и непонятной <...> цели», пребывая в мире, в котором «живуче только то, что не имеет права на жизнь» [Тургенев 1981: 230–231]. Завершаются «записки умершего художника» главой XVIII, которая вся состоит из цитаты из «Гамлета» “...The rest is silence” и значимых отточий, свидетельствующих не только о том, что рукопись прерывается смертью ее автора, но и о пустоте после смерти, а значит, о конце, за которым нет ничего⁵. И если рассматривать «Довольно» как проповедь, то по большому счету она призывает даже не столько устремиться «в Трапу», как писал полушутливо Анненков, сколько к добровольному уходу из жизни. Это тоже, если развить мысль Толстого, есть крайнее выражение «сомнения во всем».

Это сомнение представляет собой антитезис «вере в красоту», за которым следует синтез — «не формулируемая вера в добро». Без

⁴ О философском контексте «Довольно», в том числе о тургеневской философской «латиномании», см.: [Батюто 2004: 338–417].

⁵ Любопытны в этой связи некоторые трактовки финала повести современниками Тургенева и попытки объяснения ее фрагментарности: «“Довольно” состоит только из середины: начальные главы заменены точками, а конечные гамлетовским “The rest is silence” и опять точками. Но зачем печатать одну середину?» [Венгеров 1875: 149].

двух «фазисов» не было бы возможно основаться третьему. И его Толстой считает особым, наверное даже самым значимым у Тургенева, поскольку он присутствует, как уже отмечалось, во всех типах «самоотверженных», и «ярче, и прелестнее всего в Дон Кихоте», но он не всегда заметен — «не формулируем». Но если признать, что Дон Кихот для Тургенева не столько тип, сколько один из концов «той оси», на которой «вертится» «человеческая природа» [Тургенев 1980: 331], т. е. представляет собой одно из свойств человеческой личности, в которой есть место и донкихотскому («центробежному») и гамлетовскому («центростремительному» [Тургенев 1980: 341]), то можно предположить, что эта тургеневская антропология определяет и всю человеческую сферу в его сочинениях. Кто как не Толстой, с его пониманием «текучести» человека, к тому же прекрасно знавший, как формировалась концепция «Гамлета и Дон Кихота», мог увидеть этот пласт «возможности» добра, которое всегда присутствует в мире произведений Тургенева и составляет его вершинный уровень. При этом два других «фазиса» не отменяются и не умаляются. Важно все, в том числе полное отрицание, без которого не было бы и синтеза.

Итак, «Довольно», согласно Толстому, представляет собой одно из центральных сочинений Тургенева, в котором выражается одна из ключевых тенденций его творчества — «сомнения во всем», в важнейших для человека ценностях красоты, любви и искусства, приводящего человека к краю. Пережив сам Арзамасский ужас, Толстой иначе, чем большинство его современников, оценил писательскую и человеческую смелость Тургенева. В уже цитированном выше письме к Пыпину он подчеркивал, что высоко ставит искренность Тургенева, который «говорит *всегда то самое, то*, что он думает и чувствует» и «не употребляет свой талант (уменье хорошо изображать) на то, что[бы] скрывать свою душу» [Толстой 1934: 149, 150; курсив автора — И.Б.]. Вместе с тем «Довольно», согласно Толстому, оказывается в центре двух других «фазисов», или линий в творчестве Тургенева, которые связаны уже не с сомнением, а с верой — в красоту и добро. К этому можно добавить, что «Довольно» аккумулирует в себе поэтику тургеневской любовно-философской повести, что позволило писателю создать лирически тонкий и одновременно обобщенный образ «трагического значения любви». Двухчастная структура «Довольно» позволила Тургеневу органично перейти от интимно-лирической к философско-обобщающей части, емко выразив насыщенные многочисленными философскими и литературными аллюзиями мысли, имеющие право личного опыта и одновременно генерализирующего значения. Очевидно, что «Довольно» нельзя рассматривать как неудачу или выражение личной

слабости писателя, или даже как не во всем состоявшуюся попытку выйти за пределы той художественности, которая ассоциировалась с творчеством Тургенева 1850-х годов. «Довольно» придало философскому дискурсу, который всегда был актуален для писателя, право самостоятельности, что открыло дорогу для его поздних опытов в области лирической прозаической миниатюры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акелькина Е.А., Коптева Э.И.* Поэтика философского повествования в фантастических произведениях И.С. Тургенева «Призраки» и «Довольно» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14. № 3. С. 7–17.
2. *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. СПб., 2005.
3. *Барицкий Д.С.* Христианские корни пессимизма в повестях И.С. Тургенева «Призраки» (1864) и «Довольно» (1865) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 14–18.
4. *Батюто А.И.* Избранные труды. СПб., 2004.
5. *Бельская А.А.* Пространство и время в рассказе И.С. Тургенева «Довольно» // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 170–174.
6. *Беляева И.А.* Творчество И.С. Тургенева: фаустовские контексты. СПб., 2018.
7. *[Венгеров С.А.]* Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды Семена Венгерова. Иван Сергеевич Тургенев. Ч. 2. СПб., 1875.
8. *Головкин В.М.* Натурфилософские идеи И.-В. Гете в творческой рецепции И.С. Тургенева // Вестник Московского городского пед. ун-та. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4 (20). С. 8–19.
9. *Данилевская М.Ю.* Повесть И.С. Тургенева «Довольно» в контексте истории разрыва с Н.А. Некрасовым // Спасский вестник. Вып. 28. 2021. С. 99–108.
10. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Л., 1974.
11. *Злотникова Т.С.* Культурфилософский смысл мотива одиночества: личность и творчество И.С. Тургенева // Философские науки. 2018. № 7. С. 96–108.
12. *Кузнецкая Г.Б.* И.С. Тургенев и русская литература. М., 1980.
13. *Маркович В.М.* О «трагическом значении любви» в повестях И.С. Тургенева 1850-х годов: Предварительные замечания // Поэтика русской литературы. Сб. статей к 70-летию Ю.В. Манна. М., 2001. С. 275–292.
14. *Новикова Е.Г.* «Лирические» повести И.С. Тургенева «Призраки» и «Довольно»: к проблеме жанра // Проблемы метода и жанра. Сб. статей. Томск, 1986. С. 186–206.
15. *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000.
16. *Скуднякова Е.В.* Повесть И.С. Тургенева «Довольно»: философско-мировоззренческое содержание // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2019. № 2 (102). С. 41–46.
17. *Тарасов Б.Н.* Мыслящий тростник. Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей / Сер. *Studia philologica*. М., 2004.
18. *Тиме Г.А.* Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб., 2011.
19. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 52, 61, 63. М., 1952, 1953, 1934.
20. *Топоров В.Н.* Странный Тургенев (Четыре главы). М., 1998.

21. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 6. М., 1989.
22. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 5, 7. М., 1980, 1981.

REFERENCES

1. Akel'kina E.A., Kopteva E.I. *Poetika filosofskogo povestvovaniya v fantasticheskikh proizvedeniyah I.S. Turgeneva «Prizraki» i «Dovol'no»* [The poetics of philosophical story in the fantastic works of I.S. Turgenev “Ghosts” and “Enough”]. *Nauka o che-loveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 7–17. (In Russ.)
2. Annenkov P.V. *Pis'ma k I.S. Turgenevu* [Letters to I.S. Turgenev]. Book 2. St. Petersburg, *Nauka*, 2005. (In Russ.)
3. Baritsky D.S. *Hristianskie korni pessimizma v povestyah I.S. Turgeneva «Prizraki» (1864) i «Dovol'no» (1865)* [Christian roots of pessimism in the stories of I.S. Turgenev “Ghosts” (1864) and “Enough” (1865)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2017, no. 4, pp. 14–18. (In Russ.)
4. Batyuto A.I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. St. Petersburg, *Nestor-Istoriya*, 2004. (In Russ.)
5. Bel'skaya A.A. *Prostranstvo i vremya v rasskaze I.S. Turgeneva «Dovol'no»* [Space and time in the story of I.S. Turgenev “Enough”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2008, no. 1, pp. 170–174. (In Russ.)
6. Belyaeva I.A. *Tvorchestvo I.S. Turgeneva: faustovskie konteksty* [Creativity I.S. Turgenev: Faustian contexts]. St. Petersburg, *Nestor-Istoriya*, 2018. (In Russ.)
7. Vengerov S.A. *Russkaya literatura v ee sovremennykh predstavitel'yah. Kritiko-biograficheskie etyudy Semena Vengerova. Ivan Sergeevich Turgenev. Ch. 2* [Russian literature in its modern representatives. Critical-biographical studies of Semyon Vengerov. Ivan Sergeevich Turgenev. Part 2]. St. Petersburg, *Tipografiya Vil'kina i Ettingera*, 1875. (In Russ.)
8. Golovko V.M. *Naturfilosofskie idei I.-V. Gete v tvorcheskoy recepcii I.S. Turgeneva* [Naturphilosophical ideas of I.-V. Goethe in the creative reception of I.S. Turgenev]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, 2015, no. 4 (20), pp. 8–19. (In Russ.)
9. Danilevskaya M.Yu. *Povest' I.S. Turgeneva «Dovol'no» v kontekste istorii razryva s N.A. Nekrasovym* [The story of I.S. Turgenev “Enough” in the context of the history of the break with N.A. Nekrasov]. *Spasskij vestnik*. Issue 28, 2021, pp. 99–108. (In Russ.)
10. Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. V 30 t. V. 10. Leningrad, *Nauka*, 1974.
11. Zlotnikova T.S. *Kul'turfilosofskij smysl motiva odinochestva: lichnost' i tvorchestvo I.S. Turgeneva* [Cultural-philosophical meaning of the motive of loneliness: personality and creativity of I.S. Turgenev]. *Filosofskie nauki*, 2018, no. 7, pp. 96–108. (In Russ.)
12. Kurlyandskaya G.B. *I.S. Turgenev i russkaya literatura* [I.S. Turgenev and Russian literature]. Moscow, *Prosveshchenie*, 1980. (In Russ.)
13. Markovich V.M. *O «tragicheskom znachenii lyubvi» v povestyah I.S. Turgeneva 1850-h godov: Predvaritel'nye zamechaniya* [On the “tragic meaning of love” in the stories of I.S. Turgenev in the 1850s: Preliminary remarks]. *Poetika russkoj literatury. Sb. statej k 70-letiyu Yu.V. Manna*, Moscow, *Izdatel'stvo Rossijskogo gumanitarnogo gos. un-ta*, 2001, pp. 275–292. (In Russ.)

14. Novikova E.G. «*Liricheskie*» povesti I.S. Turgeneva «Prizraki» i «Dovol'no»: k probleme zhanra [“Lyrical” novels by I.S. Turgenev “Ghosts” and “Enough”: to the problem of the genre]. Problemy metoda i zhanra. Sb. statej. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo un-ta, 1986. pp. 186–206. (In Russ.)
15. Pumpjansky L.V. *Klassicheskaya tradiciya: Sobranie trudov po istorii russkoj literatury* [Classical tradition: Collection of works on the history of Russian literature]. Moscow, *Yazyki russkoj kul'tury*, 2000. (In Russ.)
16. Skudnyakova E.V. Povesť I.S. Turgeneva «Dovol'no»: filosofsko-mirovozzrencheskoe sodержanie [The story of I.S. Turgenev “Enough”: philosophical and ideological content]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 2019, no. 2 (102), pp. 41–46. (In Russ.)
17. Tarasov B.N. *Myslyashchij trostnik. Zhizn' i tvorchestvo Paskalya v vospriyatii russkih filosofov i pisatelej* [Thinking reed. The life and work of Pascal in the perception of Russian philosophers and writers] / Ser. *Studia philologica*, Moscow, *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, 2004. (In Russ.)
18. Time G.A. *Rossiya i Germaniya: filosofskij diskurs v russkoj literature XIX–XX vekov* [Russia and Germany: philosophical discourse in Russian literature of the 19th–20th centuries]. St. Petersburg, *Nestor-Istoriya*, 2011. (In Russ.)
19. Tolstoj L.N. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Vol. 52, 61, 63. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury*, 1952, 1953, 1934. (In Russ.)
20. Toporov V.N. *Strannyj Turgenev (Chetyre glavy)* [Strange Turgenev (Four chapters)]. Moscow, *Russian State Humanitarian University*, 1998. (In Russ.)
21. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete Works and Letters]. V 30 vol. *Pis'ma* [Letters]. V 18 vol. Vol. 6. Moscow, *Nauka*, 1989. (In Russ.)
22. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 30 vol. *Sochinenija*. [Works]. V 12 vol. Vol. 5, 7 Moscow, *Nauka*, 1980, 1981 (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.08.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 10.11.2023

Received 28.08.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 10.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Беляева Ирина Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН; belyaeva-i@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Belyaeva — Hab. Doct. in Philology, Professor, Prof. of Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; belyaeva-i@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

**РЕЦ. НА: Стексова Т.И., Шмелева Т.В. Русское
изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве:
Монография. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2022.
288 с.**

И.В. Галактионова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ig@philol.msu.ru*

Аннотация: Монография посвящена исследованию русских изъяснительных предложений как семантического типа, который содержит две пропозиции — эксплицитную модусную и диктумную (делиберативную) — и к которому относится широкий круг синтаксических конструкций (от простых предложений до текста). В центре внимания находятся дискурсивные свойства этих предложений, проявляющиеся в способности служить маркерами коммуникативных ситуаций, авторского поведения и т. п. Рассмотрены как общие дискурсивные свойства, характерные для данного семантического типа, так и их специфические проявления в научном и медийном дискурсах.

Ключевые слова: изъяснительное предложение; смысловой тип; модус; диктум; делибератив; парадигма предложения; дискурсивные свойства предложения

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-16

Для цитирования: Галактионова И.В. Рец. на: Стексова Т.И., Шмелева Т.В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве: Монография. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 185–189.

**REVIEW OF THE BOOK: Steksova T.I., Shmeleva T.V. Russian
Explanatory Sentence in the Discursive Space: Monograph.
Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2022. 288 p.**

I.V. Galaktionova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ig@philol.msu.ru

Abstract: The monograph is devoted to the study of Russian explanatory sentences as a semantic type, which contains an explicit modus and dictum (deliberative) propositions and to which a wide range of syntactic constructions (from simple sentences to text) belongs. The focus is on the discursive properties of these sen-

tences, manifested in the ability to serve as markers of communicative situations, author's behavior, etc. Both general discursive properties of this semantic type and their specific manifestations in scientific and media discourses are considered.

Keywords: explanatory sentence; semantic type; modus; dictum; deliberative component; sentence paradigm; discursive properties of the sentence

For citation: Galaktionova I.V. (2023) Review of the Book: Steksova T.I., Shmel'eva T.V. Russian Explanatory Sentence in the Discursive Space: Monograph. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2022. 288 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 185–189.

Монография Т.И. Стексовой и Т.В. Шмелевой отличается от многих других работ, в названии которых в качестве объекта изучения указано изъяснительное предложение, прежде всего тем, что изъяснительные предложения понимаются как смысловой тип конструкций, а не как разновидность сложноподчиненных предложений определенной семантики и формального устройства. Как следствие, круг языкового материала, попадающего в поле зрения авторов, оказывается гораздо более обширным и включает как сложные предложения других типов (прежде всего бессоюзные), так и простые предложения (прежде всего с вводными словами, но не только их), а также текстовые фрагменты (в которых компоненты изъяснительной смысловой структуры разнесены по разным предложениям текста). Знакомя читателя с кругом изъяснительных конструкций, авторы приводят следующий ряд примеров: *Он догадался о приезде брата; Как он догадался, брат приедет на днях; Он догадался, что брат приедет; Он догадался о том, что приедет брат; Он догадался: скоро приедет брат; Брат все-таки приедет. Я догадался об этом по голосу матери (7).*

Объединяющим все такие конструкции признаком является наличие в их семантической структуре, во-первых, эксплицитного модусного компонента (модусной пропозиции) и, во-вторых, диктумной пропозиции, выполняющей роль делибератива в составе модусной пропозиции. Модус понимается при этом максимально широко, как любая операция обработки действительности любым мыслящим субъектом, вне зависимости от его роли в речевом акте; предикат модусной пропозиции может быть выражен разными языковыми средствами — глаголами, прилагательными и т. п. Делибератив понимается вслед за В.В. Виноградовым как указание «на содержание, повод суждения, на предмет мысли, речи, чувства» (49). В позиции делибератива может выступать любая диктумная пропозиция, поскольку любое положение дел может быть объектом обработки мыслящим субъектом. Само название «делибератив»,

используемое для обозначения данного компонента изъяснительной структуры, указывает на семантические отношения между ним и предикатом модусной пропозиции. Два названных компонента могут быть связаны друг с другом в языковой структуре предложения или текста разными средствами, «техника связи» составляет еще один обязательный компонент данного семантического типа.

Таким образом, в любой изъяснительной структуре есть все три перечисленных компонента, и любая структура, включающая именно такие компоненты, должна быть признана изъяснительной.

Каждый из компонентов, даже такой, на первый взгляд, формальный, как техника связи, работает на семантику конкретного предложения, относящегося к описываемому типу. Каждый из них допускает также значительное варьирование как в семантическом, так и в формальном отношении, что позволяет авторам говорить о «необозримом объеме изъяснительных конструкций» (63), а это обстоятельство делает трудновыполнимой задачу полного и исчерпывающего описания данного семантического типа.

Авторы этой задачи и не ставят. Они уделяют пристальное внимание двум аспектам описания рассматриваемого типа — парадигматическому и дискурсивному. Рассмотрев в Главе 1 историю изучения изъяснительных предложений и современные подходы к их интерпретации, а также изложив концептуальную основу работы, авторы основную часть монографии посвящают именно этим двум аспектам.

В Главе 2 дается описание изъяснительных предложений как смыслового типа.

Авторы отмечают, что «рассматриваемый смысловой тип располагает серией парадигм, образуемых вариантами обозначения каждого из звеньев его семантической структуры» (64). Эти парадигмы рассмотрены в первой части данной главы.

Техническая парадигма включает разные способы соединения модусного и диктумного компонентов: от союзной техники (делибератив оформлен как придаточное и присоединяется к модусному предикату союзом) через нулевую (в бессоюзной конструкции) к технике управления (делибератив оформляется субстантивом, зависящим от модусного предиката).

Многоэлементность модуса позволяет выстроить три разновидности модусных парадигм. Во-первых, варьироваться может способ представления модуса в структуре изъяснительной конструкции: от отдельного предложения в тексте через отдельную часть сложного предложения к конструкциям со свободным делиберативом в позиции заголовка, в которых модус редуцирован и вычитывается из контекста. Во-вторых, сам предикат модусной пропозиции

может выражаться по-разному — спрягаемым глаголом, неспрягаемыми глагольными формами и т. п. (иначе говоря, модусная пропозиция допускает разные репрезентации). В-третьих, может варьироваться и способ оформления субъекта модусной пропозиции.

Наконец, делиберативная парадигма объединяет варианты репрезентации делибератива, в основном совпадающие со способами репрезентации модусной пропозиции.

Вторая часть Главы 2 посвящена лексическим ресурсам модуса. В ней рассмотрена прежде всего семантика глагольных и неглагольных предикатов, а также предикатов-фразем (например, глаголов восприятия *видеть*, *слышать* и др., ментальных глаголов *считать* и *понимать*, а также и других языковых единиц в их различных модусных значениях). Особое внимание уделяется слову *факт*. Отдельно анализируются средства оформления модусного субъекта, который может совпадать с автором высказывания, или с его адресатом, или с третьими лицами. Авторы полагают, что субъект может быть обозначен не только словами, обозначающими лиц; соответствующая лексика рассматривается в Главе 3.

В третьей части Главы 2 обсуждается такое свойство семантики изъяснительных конструкций, как синкретичность: чаще всего изъяснительность совмещается со значением причины и цели.

Наличие нескольких парадигм, разнообразие лексических ресурсов модуса и синкретичность семантики изъяснительных предложений обеспечивают широкие возможности для их использования в конкретных текстах разных дискурсов. Рассмотрению дискурсивного потенциала данного семантического типа посвящена Глава 3, наиболее объемная из всех и состоящая из трех частей. В ней исследуются изъяснительные предложения, извлеченные в основном из текстов, относящихся к научному (главным образом гуманитарному) и медийному дискурсам; в ряде случаев к рассмотрению привлекаются высказывания бытового и художественного дискурсов.

В первой части описываются общие дискурсивные свойства изъяснительных предложений, реализующиеся в разных типах дискурса, — эти структуры могут служить маркерами речевого поведения, отношений автора и адресата, речевого жанра, а также метатекстовыми маркерами.

Вторая часть сосредотачивается на особенностях в устройстве и функционировании предложений, зависящих от типа дискурса. Такие особенности могут заключаться в предпочтительном способе оформления модусной пропозиции, в выборе того или иного модусного предиката, в способе выражения субъекта. В отдельном параграфе описывается языковая рефлексия авторов научного текста при выборе одной из возможных синтаксических конструкций.

Третья часть посвящена особенностям реализации изъяснительной семантики в рамках текста, в том числе ее выражению в разных частях текста (в заголовке, подзаголовке, аннотации и др.), а также в разных жанрах, относящихся к одному и тому же типу дискурса (например, таких, как автореферат диссертации или «речеактовая новость», то есть новость, информирующая о чем-либо заявлении). Основываясь на анализе изъяснительных предложений, авторы монографии составили реестр возможных ролей, которые может играть автор научного и медийного текста (это, например, роли цитатчика, пересказчика или аналитика — в научном дискурсе, роли информатора, репортера или аналитика — в медийном). Отдельно рассматривается функционирование свободного делибератива, то есть изъяснительной конструкции с редуkcией модусной пропозиции.

Новизна монографии состоит «в смене синтаксической оптики» (254), в том, что изъяснительные предложения рассмотрены «как высказывания, существующие и функционирующие в реальных текстах дискурсивного пространства» (253). Будучи ориентированными на фиксацию авторской позиции, эти структуры «оказываются по-разному востребованными в ряде дискурсов, тем самым являясь маркером дискурсивной принадлежности текста» (Там же). Дискурсивный подход к изучению синтаксических явлений продемонстрировал свою плодотворность и может быть использован при описании других семантических типов предложений.

Монография будет интересна специалистам по синтаксису и семантике, она приглашает к дискуссии о семантических типах языковых конструкций и возможных подходах к их описанию.

Поступила в редакцию 28.08.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 09.11.2023

Received 28.08.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 09.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Галактионова Ирина Владимировна — к. ф. н., доцент МГУ имени М.В. Ломоносова; филологический факультет, кафедра русского языка; ig@philol.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Galaktionova — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; ig@philol.msu.ru

Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. / редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) и др. Т. 5: Сочинения, 1866–1873. / Ред. тома И.А. Овчинина, В.В. Тихомиров; подгот. текста и коммент. Е.Н. Белякова, А.А. Виноградов, Н.Л. Ермолаева, К.Ю. Зубков, И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, 2022. 320 с.

М.С. Makeev

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; makeev_ms@mail.ru

Аннотация: В рецензии критическому анализу подвергается новейшее полное собрание сочинений А.Н. Островского, в особенности последний из вышедших, 5 том, содержащий исторические драмы.

Ключевые слова: А.Н. Островский; критическое издание; историческая драматургия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-17

Для цитирования: Makeev M.C. Рецензия: *Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. / редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) и др. Т. 5: Сочинения, 1866–1873 / Ред. тома И.А. Овчинина, В.В. Тихомиров; подгот. текста и коммент. Е.Н. Белякова, А.А. Виноградов, Н.Л. Ермолаева, К.Ю. Зубков, И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, 2022. С. 5–320 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 190–199.*

Ostrovsky A.N. The complete collection of writings and letters: in 18 vols. / ed.: I.A. Ovchinina (chief editor) and others. Vol. 5: Works, 1866–1873 / Ed. volumes of I.A. Ovchinin, V.V. Tikhomirov; text prepared and commentary by E.N. Belyakova, A.A. Vinogradov, N.L. Ermolaeva, K.Y. Zubkov, I.A. Ovchinina. Kostroma: Kostromaizdat, 2022. 320 p.

Mikhail Makeev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; makeev_ms@mail.ru

Abstract: The review critically analyzes the latest complete works of A.N. Ostrovsky, especially the last published volume, 5, that contains historical dramas.

Keywords: A.N. Ostrovsky; critical edition; period drama

For citation: Makeev M. (2023) Ostrovsky A.N. The complete collection of writings and letters: in 18 vols. / ed.: I.A. Ovchinina (chief editor) and others. Vol. 5: Works, 1866–1873 / Ed. volumes of I.A. Ovchinin, V.V. Tikhomirov; text prepared and commentary by E.N. Belyakova, A.A. Vinogradov, N.L. Ermolaeva, K.Y. Zubkov, I.A. Ovchinina. Kostroma: Kostromaizdat, 2022. 320 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 190–199.

Среди событий, приуроченных к 200-летию А.Н. Островского, издание его полного собрания сочинений (далее ПСС), конечно, занимает важнейшее место. Предпринято оно в Костроме, предполагается издать 18 томов, к настоящему времени вышло пять. Отрецензировать все вышедшие тома — задача для нас непосильная. Наша рецензия посвящена пятому тому, вышедшему в 2022 г. К предыдущим томам (особенно часто к 1-му) мы будем обращаться только для прояснения общих принципов издания.

Необходимость нового полного научного собрания сочинений и писем Островского не требуется обосновывать. Последнее собрание (Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1973–1980, далее ПСС1973–1980) вышло более сорока лет назад, в эти годы изучение наследия классика продолжалось. ПСС1973–1980, в частности, не содержит всех на сегодняшний день известных текстов драматурга. Например, уже после его выхода были обнаружены оперное либретто «Сват Фадеич» (по пьесе Н.А. Чаева) и статья «<О танце в Испании>». Новое издание призвано, как утверждается в редакционном предисловии в первом томе, восполнить пробелы, а также устранить допущенные предшественниками «различные искажения и неточности» в текстах произведений и учесть «достижения науки об Островском» при составлении комментариев (ПСС. Т. 1. С. 7). Представляя собой новый шаг в издании и комментировании Островского, ПСС сохраняет преемственность по отношению к своим предшественникам. Эта преемственность, к сожалению, распространяется не только на сильные стороны предыдущих собраний, но и на некоторые их слабые места. И среди новшеств текущего издания, насколько можно судить сейчас, есть и чрезвычайно позитивные, и те, что вызывают сомнения.

В рецензируемый том вошли три исторические пьесы Островского — написанные в один год (1866) «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Тушино», а также созданный спустя пять лет (в 1872 г.) «Комик XVII столетия» (более ранние исторические пьесы вошли в четвертый том, «Василиса Мелентьева» (1867), видимо, как написанная в соавторстве с Геденовым, войдет в один из следующих

томов, предназначенных для таких сочинений¹). Между тем, в третьем томе ПСС уже напечатаны три пьесы, написанные в тот же временной промежуток: «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце» (обе 1868) и «Бешеные деньги» (1869). Это связано с тем, что, как и в ПСС1973–1980, в новом собрании выбран жанрово-хронологический принцип расположения материала. В ПСС1973–1980 такое решение никак не объяснялось, в ПСС по этому поводу сообщается только, что «редакция сочла необходимым в отдельные тома выделить исторические пьесы, переводы и переделки, пьесы, написанные в соавторстве с другими драматургами, оперные либретто, статьи, выступления, речи, заметки» (ПСС. Т. 1. С. 8).

Соглашаясь с тем, что решение «обособить» переводы и заметки (и, по традиции, произведения, написанные в соавторстве) вполне естественно, позволим себе усомниться в необходимости выделения в отдельные тома исторических пьес. Такое решение выглядит сомнительно, во всяком случае, требует обоснования. Безусловно, исторические пьесы легко отличимы от «бытовых» произведений Островского по тематике, однако по «методу» вполне им близки (особенно это касается «Тушина» и «Комика», в которых легко увидеть и типичные для Островского сильные женские характеры, и традиционные для него драматургические приемы). Возможно, хронологический принцип был бы уместнее, поскольку исторические пьесы органично входят в соседство не только друг с другом, но и с пьесами, написанными на современном материале. Во всяком случае в прижизненных изданиях сочинений драматурга исторические пьесы в самостоятельные тома не выделялись².

Похоже, заимствован из ПСС1973–1980 и принцип предварять комментарии к каждому тому вступительной статьей, представляющийся нам чрезвычайно сомнительным и отчасти даже вредным. Эта задача вынуждает авторов таких предисловий искусственно превращать объединенную и отделенную от других текстов чистой хронологией группу произведений в специфический «этап» творческого пути писателя. Мы уверены, что вступительной статьи ко всему собранию, в которой можно изложить современные представления о характере творчества издаваемого автора, особенностях его поэтики, этапах творческого пути и (при необходимости) его

¹ В ПСС1973–1980 «Василиса Мелентьева» включена в корпус оригинальных произведений Островского: участие Геденова было сочтено редакцией незначительным, не тянущим на полноценное соавторство — в этом случае редакторы ПСС, на наш взгляд, более последовательны.

² Хронологический принцип был принят и в, несомненно, устаревшем во всех остальных отношениях Полном собрании сочинений Островского в 16 томах (М., 1949–1953).

«значении» для страны, народа и мировой культуры, вполне достаточно для самого требовательного читателя.

Искусственно выглядит и вступление в пятом томе ПСС. Почему три данные исторические пьесы нуждаются в отдельной статье (а три другие — в еще одной), осталось нам непонятным. Кроме того, представленные в статье рассуждения об «особенностях историзма» и «теме народа», «национально-историческом и общечеловеческом планах» не кажутся нам ни необходимыми для понимания пьес, входящих в том, ни содержащими новый или способный обновить их восприятие взгляд. Не дело рецензента советовать авторам, но, возможно, в предисловии (если уж принято решение писать предисловия) стоило осмыслить тот факт, что историческая драматургия — далеко не самая ценная часть наследия Островского. В этом качестве он проигрывает не только Пушкину, но и своим ближайшим «соперникам» — Л.А. Мею и А.К. Толстому (а современники даже предпочитали иногда пьесы совершенно забытого ныне Н.А. Чаева). Практически не имевший равных среди современников в прозаической драме (разве что совсем не плодовитого и малоизвестного при жизни А.В. Сухова-Кобылина), Островский не смог создать историческую стихотворную драматургию такого же уровня, и пьесы, входящие в пятый том, заслуженно редко ставятся сейчас даже в Малом театре. Может быть, уместны были бы соображения о том, почему так произошло: возможно, драматургу не хватало не только исторического воображения и способности концептуально мыслить об истории и исторических процессах, но и просто поэтического дарования, нужного для стихотворного произведения: стих у Островского гладкий, но крайне редко по-настоящему поэтичный, не изобилует запоминающимися строками и образами (только в «Снегурочке», занимающей уникальное место в творчестве драматурга, он возвышается до подлинной поэзии). Признание этого факта позволило бы во вступительной статье острее и содержательнее поставить вопрос о том, почему эти пьесы были так важны самому автору и вызывали у него такое удовлетворение (ответ, заключающийся в том, что самолюбивому гению нравились практически все его произведения, будет слишком простым), почему ему требовалось расширить свой тематический диапазон.

До сих пор шла речь, конечно, о не самых важных сторонах рецензируемого собрания. Центральной задачей научного издания является представление самих текстов в максимально аутентичном, соответствующем последней авторской воле виде. Решение этой задачи представляет в случае драм Островского определенные сложности, поскольку применимость к ним классического требования использовать последнее прижизненное издание (или то, после ко-

того автор перестал вносить в текст значимую правку) в качестве основного источника вызывает серьезные сомнения. Суть проблемы редакция ПСС видит таким образом (фактически повторяя в этом издателей предшествующего собрания): «Для драматурга первой “публикацией” его очередной пьесы была премьера спектакля; в журнал, как правило, отправлялась писарская копия произведения. Завершив работу над нею, автор с помощью переписчиков готовил текст в нескольких экземплярах (для цензуры, московского и петербургского театров и для печати). Писари невольно вносили в текст мелкие искажения, которые он не замечал при беглом просмотре копий. Далее совершали новые ошибки типографские наборщики, а Островский, даже читая корректуры, иногда пропускал возникшие искажения и тем самым как бы подтверждал эти изменения. Кроме того, отсылая пьесу в журнал, писатель нередко вовсе не читал ее корректуру, доверяя это дело своим петербургским друзьям — С.В. Максимову или И.Ф. Горбунову. Точно так же он устранился от участия в работе над последующими переизданиями своих произведений, передоверяя это приятелям.

Собрания сочинений выходили при жизни драматурга, но бесспорно установлено, что лишь для первого издания (Сочинения А. Островского. Т. 1–2. СПб.: Изд. гр. Г.А. Кушелёва-Безбородко, 1859) Островский специально пересмотрел и исправил тексты ранних пьес (комедию «Свои люди — сочтемся!» вопреки своей воле, под давлением цензуры)» (ПСС. Т. 1. С. 5).

Как мы поняли, из этого следует, что ни одно из прижизненных изданий пьес Островского (кроме первого) нельзя признать «аутентичным», каждое последующее только ухудшало текст, приносило в него неавторизованные и, вполне возможно, случайные, основанные на ошибках публикаторов и переписчиков изменения. Более того, до некоторой степени сама аутентичность печатного текста в случае драматургии Островского оказывается сомнительной, условной. Видимо (если, конечно, не решиться на какой-то революционный шаг — скажем, печатать тексты по авторизованной театральной копии), в таком случае «наименьшим злом» будет печатать (внося необходимые конъектуры по другим источникам) все пьесы (кроме вошедших в издание 1859 г.) по первой журнальной публикации, в которой хотя бы меньше опечаток, чем в последующих. В тех же случаях, когда в качестве основного будет выбран другой источник, — подробно обосновывать такое решение.

Издатели ПСС1973–1980, видимо, пошли именно по такому пути (правда, никак это не оговорив) — все три пьесы в этом издании (там они входят в 7 том) напечатаны по первой журнальной публикации. Редакция ПСС поступила иначе. В уже цитировавшейся

преамбуле читаем: «Печатаются они <произведения Островского — М.М.>, как правило, по последнему авторизованному изданию с учетом тех исправлений, которые были сделаны Островским в рукописных источниках, в авторизованных писарских копиях, а также текстологами, работавшими над созданием других собраний сочинений, в отдельных случаях — по первым публикациям» (ПСС. Т. 1. С. 8). Признаемся, мы не находим в этом пассаже никакого смысла: что означает, в свете высказанного самой же редакцией абзацем выше утверждения о неавторизованности любого прижизненного издания, «последнее авторизованное издание», к тому же противопоставляемое «первым публикациям», на которые предполагается опираться в «отдельных случаях»? Видимо, это значит, что выбор основного источника предоставляется каждому публикатору делать по своему усмотрению. Так, очевидно, получилось и в рецензируемом томе, в котором все три входящих в него пьесы напечатаны, на первый взгляд, по разным источникам.

По первому журнальному изданию (Всемирный труд. 1867. № 1) напечатано здесь только «Тушино». Его текст в ПСС практически идентичен ПСС1973–1980: здесь даже приняты те же немногочисленные поправки по беловому автографу (кстати, мы заметили досадную небрежность в текстологической части комментария к хронике: почему-то в списке источников пропущена «Авторизованная писарская копия», при этом в разделе «Другие редакции и варианты» имеющиеся в ней разночтения с основным тестом «Тушина» приведены). «Комик XVII столетия» (впервые: Отечественные записки. 1873. № 2) напечатан по изданию А.А. Краевского (*Островский А.Н. Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 8. СПб., 1874), и только в этом случае в текстологической части комментария дается пояснение, почему выбран именно этот источник: «Текст комедии, опубликованный в “Отечественных записках”, имеет ряд опечаток, в частности, три одинаковых заголовка во II действии (три шестых явления вместо 6-го, 7-го и 8-го явлений). Опечатки исправлены при первой публикации комедии в собрании сочинений драматурга (*Островский А.Н. Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 8. СПб.: Изд. А.А. Краевского, 1874. С. 121–201). В остальных прижизненных изданиях пьеса печаталась без изменений» (ПСС. Т. 5. С. 616). Очевидно, однако, что в издании Краевского в тексте пьесы были-таки сделаны новые опечатки, которые исправляются по тексту первой публикации. Выбор источника поэтому выглядит несколько субъективно, серьезных причин уклониться от принципа придерживаться первого издания не видно.

Что касается «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского» (впервые: Вестник Европы. 1867. Т. 1), то эта хроника напечатана в ПСС по источнику, обозначенному как «Островский А.Н. Собрание со-

чинений: в 9 т. Т. 5. СПб., 1880». Однако указания на существование такого издания в преамбуле к ПСС нам обнаружить не удалось. После короткого расследования мы узнали, что имелось в виду то же собрание Краевского, по которому напечатан «Комик...». Описание этого издания в преамбуле к ПСС имеется, правда, редакция почему-то умолчала о вышедшем в 1884 г. дополнительном 10-м томе. Почему редакция в данном случае сочла издание Краевского более «авторизованным», чем журнальная публикация и собрание Кожанчикова (1867–1870), в комментарии не объясняется.

Если в случае текстов «Тушина» и «Комика...» о значительных новациях по отношению к предыдущему изданию говорить не приходится, то текст «Дмитрия Самозванца...» отличается от того, что напечатан в ПСС1973–1980, достаточно существенно. Отличия, однако, обусловлены не столько выбором другого источника (они очень близки, к тому же в некоторых случаях издатели ПСС предпочитают чтения «Вестника Европы»), сколько уменьшением количества сделанных по рукописям и автографам исправлений. Если в ПСС1973–1980 сделано 23 исправления, то в ПСС — всего 5. Наиболее крупные фрагменты, от которых отказались издатели ПСС: 1) начало реплики Басманова из третьей сцены первой части: «Привыкли мы царицы грозны очи, / Как божие всевидящее око, / Над головой своей поклонной видеть / И выполнять лишь грозные приказы, / Грозящие неумолимой карой» (перед словами «Ты милостью себя навек прославишь»); 2) фрагмент из первой сцены второй части:

Нет, если б я...

Мстиславский

Царем-то, что ль?

Василий Шуйский

К примеру

Я говорю. Я б рассуждал иначе

(после строки «А мы в чужом пиру похмелье примем»); 3) строка из монолога Дмитрия из третьей сцены первой части («Здесь мрак тюрьмы и святость старой церкви» — после строки «Из темной позолоты стен угрюмой»). О том, насколько получившийся в результате текст точнее соответствует последней авторской воле, судить трудно: в новом издании (как и в предыдущем) нет никаких аргументов не только в отношении выбора источника, но и в отношении сделанных исправлений (или отказа от них).

Если по указанным причинам преимущества ПСС перед предшествующим собранием в установлении основного текста не выглядят очевидными, то того же нельзя сказать о разделе «Другие редакции и варианты». В ПСС1973–1980 варианты даются выбороч-

но, в ПСС приведен полный свод и расшифровка всех имеющихся автографов и рукописей, а также все разночтения по всем прижизненным изданиям. Судить о том, насколько хорошо выполнена коллективом профессионалов эта трудная работа, мы, конечно, не можем. Нет сомнения, однако, в том, что для современных и будущих исследователей Островского эта часть издания представляет очень большую ценность. Существенно более подробно, чем в ПСС1973–1980, реконструирована и изложена в ПСС история создания текстов, часто сложная и «нелинейная» (особенно это касается «Дмитрия Самозванца»). Опять же судить об этом трудно, но создается ощущение, что издатели погрузились в текст очень основательно, что мы имеем дело с работой коллектива, отлично освоившего и почерк Островского, и приемы его работы.

Значительно по сравнению с ПСС1973–1980 в ПСС расширен раздел комментария, посвященный прижизненной критике. Видимо, издатели постарались отразить все, что писалось о пьесах Островского в печати, учитывались и «частные» отзывы близких к драматургу лиц. В некоторых случаях изложение суждений критиков выглядит субъективным (издатели всегда «на стороне» Островского и признать правоту некоторых критических оценок не готовы), но, видимо, полная объективность в таком случае и невозможна. Очень ценная часть комментария — история сценической жизни пьес Островского. По сравнению с ПСС1973–1980 в новейшем издании информация о ней существенно расширена, дополнена критическими отзывами на спектакли, хотя и по-прежнему ограничивается обзором преимущественно прижизненных постановок.

В несколько раз увеличен в ПСС реальный комментарий. Нельзя не признать, что это расширение необходимо и полезно. Новые комментарии, проясняя для читателя встречающиеся в пьесах исторические реалии, многие из которых были пропущены в ПСС1973–1980, позволяют лучше понять, насколько основательно подходил Островский к изучению изображаемой эпохи, и одновременно показывают некоторую «перегруженность» реалиями, свойственную его исторической драматургии. Например, вполне проходной персонаж, «дьяк из приказа», названный, казалось бы, просто стандартным именем с оттенком архаики Тимофей Осипов, оказывается, мог быть извлечен Островским из исторических источников: «По воцарении Лжедмитрия дьяк приказа Устюжской чети Тимофей Осипов был в числе недовольных его образом жизни, отличался особым благочестием. После женитьбы Лжедмитрия на Марине Мнишек 17 мая 1606 г., явившись к Лжедмитрию, начал упрекать его в том, что он не царь, а вор и изменник. Дворцовая стража убила дьяка

и выбросила его труп за окно», — сообщают нам комментаторы (ПСС. Т. 5. С. 580).

Поиск соответствий в исторических источниках, как показывает данный комментарий и многие ему подобные, часто очень продуктивен, но некоторые его результаты выглядят спорными. Так, например, комментатор полагает, что нашел своего рода «прототипов» главных героев хроники «Тушино»: «Редриков — фамилия героев пьесы была взята Островским из истории г. Переславля-Залесского. Члены многочисленной семьи Редриковых участвовали в событиях периода Смуты, сражаясь как на стороне войска Василия Шуйского, так и на стороне войска пана Лисовского и Яна Сапеги (см.: *Смирнов М.И.* Смутные годы XVII в. в Переславле-Залесском. М., 2004. С. 5)» (Там же. С. 605). Конечно, хотелось бы, чтобы комментатор представил какие-то аргументы в пользу того, что деяния многочисленной семьи Редриковых были известны Островскому (хотя совпадение, конечно, очень впечатляет).

Нельзя не признать, что расширение комментария не всегда выглядит разумно. Приведем лишь несколько примеров: «Костёл — католический храм» (Там же. С. 589); «...царя Ивана / Мучительство... — Имеется в виду Иван IV Васильевич (1530–1584), за свою жестокость прозванный Грозным» (Там же. С. 595), или «...сила Александра / И Цезаря... — Имеются в виду царь Македонии Александр Македонский и один из основателей Римской империи Гай Юлий Цезарь» (Там же). Нам трудно представить себе читателя полного собрания сочинений, не знающего, что такое костел, не способного в жестоком «царе Иване» распознать «Ивана IV Васильевича», а в «Александре» — «царя Македонии», а также требующего разъяснения того, какой Цезарь имеется в виду.

Изображая события столь удаленного времени, Островский как исторический драматург опирался не только на источники, давшие ему фактографию, но и на свои собственные или принадлежащие историкам трактовки событий, мало или противоречиво отразившихся в документах, гипотетические их реконструкции, на концепции развития конкретных исторических эпизодов и истории России в целом. Эта сторона текста тоже закономерно и необходимо стала предметом комментария в рецензируемом томе. В комментариях много отсылок к трудам Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.М. Костомарова и других крупных историков, писавших о Смутном времени, чьи работы были знакомы Островскому. Встречаются, однако, иногда (с удовольствием отметим — редко) неудачные формулировки, выглядящие так, как будто комментаторы опираются на свои собственные исторические концепции («Он вскормленник прямой панов хвастливых!» — Речь идет о том, что Лжедмитрий был воспитан

в Польше с целью захвата власти в Москве, о чем веками мечтало польское панство» (Там же. С. 582)), верования («...у гроба / Угодника. — Видимо, речь идет о Святителе Леонтии, епископе Ростовском, одном из выдающихся архипастырей XI в. земли Русской» (Там же. С. 606)) и суеверия («И книгу-то, вся чёрная. — Все видели, и доски по сажени, / И пятеро поднять её не могут. — “Черными книгами” с описанием приемов “черной магии” пользовались так называемые “чернокнижники”, т. е. колдуны, маги, шаманы» (Там же. С. 609)). Невозможно было, конечно, обойтись и без забавных ляпсусов, претендующих на то, чтобы войти в историю жанра. Так, о Марине Мнишек говорится, что она стала женой «следующего самозванца, Лжедмитрия II, выдававшего себя за первого» (Там же. С. 590).

Официальный тираж — 300 экземпляров. Мы позволим себе усомниться в соответствии даже этого скромного числа реальности. В «бумажном» виде книгу достать совершенно невозможно не только в продаже, но даже в крупных библиотеках (например, Библиотеке МГУ). В электронном виде том выложен на сайте Пушкинского Дома в формате, трудном для «простого чтения», предназначенном скорее для читателей-профессионалов. Не беремся судить, о чем это «свидетельствует», но не можем не пожалеть о том, что новое научное издание произведений создателя национального театра совершенно (во всяком случае, пока) недоступно простому читателю, которому (конечно, как и историку литературы) мы бы его в противном случае охотно порекомендовали.

Поступила в редакцию 02.09.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 11.11.2023

Received 02.09.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 11.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Макеев Михаил Сергеевич — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; makeev_ms@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Makeev — Hab. Doct. in Philology, Professor, Prof. of Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; makeev_ms@mail.ru

**Вагапова Н.М. Три русских режиссера в Европе. Страницы
непрочитанной истории русского театрального зарубежья:
1920–1960-е годы. М.: Государственный институт
искусствознания, 2022. 379 с.**

А.Г. Шешкен

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; asheshken@yandex.ru*

Аннотация: В рецензии представлена монография известного отечественного театроведа, слависта и переводчика Н.М. Вагаповой, посвященная вкладу русской эмиграции в европейскую культуру. Данное исследование, основанное на уникальном фактическом и архивном материале, дает глубокое и объективное представление об исключительно плодотворном влиянии, которое оказали представители русской школы театрального искусства на развитие театра в Болгарии, Югославии и других европейских странах. Выехавшие за пределы России выдающиеся режиссеры Н.О. Массалитинов, П.Ф. Шаров и Ю.Л. Ракинтин распространили опыт мхатовской школы и системы Станиславского, внесли важный вклад в историю зарубежного театра, особенно в проникновение на его сцену чеховской драмы.

Ключевые слова: Московский художественный театр; система Станиславского; А.П. Чехов; Н.О. Масалитинов; П.Ф. Шаров; Ю.Л. Ракинтин

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-18

Для цитирования: Шешкен А.Г. Рец. на: Вагапова Н.М. Три русских режиссера в Европе. Страницы непрочитанной истории русского театрального зарубежья: 1920–1960-е годы. М.: Государственный институт искусствознания, 2022. 379 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 200–205.

**Vagapova N.M. Three Russian Directors in Europe. Unread Pages
in the History of Russian Émigré Theatre: 1920s–1960s. Moscow:
Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2002. 379 p.**

A. Sheshken

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; asheshken@yandex.ru

Abstract: The review presents a monograph by Natalia Vagapova, a well-known domestic theatre critic, slavist and translator, dedicated to the contribution of Russian emigration to European culture. This study, based on unique factual and archival material, gives a deep and objective idea about fruitful influence that representatives of Russian theatre school exerted on the development of Bulgarian and Yugoslavian

Theatres. The most outstanding directors who left Russia — Nikolai Massalitinov, Petr Sharov, Yuriy Rakitin — spread the experience of Moscow Art Theatre and the system of Stanislavsky, and made a huge impact on the history of foreign theatre, especially the spread of Chekhov's drama.

Keywords: Moscow Art Theatre; Stanislavsky's system; Anton Chekhov; Nikolai Massalitinov; Petr Sharov; Yuriy Rakitin

For citation: Sheshken A. (2023) Review: Vagapova N.M. Three Russian Directors in Europe. Unread Pages in the History of Russian Émigré Theatre: 1920s–1960s. Moscow: Gosudarstvennyj institut iskusstvovznaniya, 2002. 379 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 200–205.

Историк театра, крупнейший специалист по литературам югославян и переводчик Наталья Михайловна Вагапова принадлежит к числу выдающихся выпускников филологического факультета. Она давно и плодотворно занимается исследованием истории югославянского театра и русско-славянских литературных и культурных связей, а с 1990-х гг. расширила круг своих научных интересов за счет изучения феномена русской театральной эмиграции. Наталья Михайловна исследовала эту проблему комплексно: как важный аспект культурной жизни эмиграции, как плодотворный период в творчестве выдающихся режиссеров и актеров, включая историю их гастролей, работу в составе русских трупп и зарубежных коллективов, и как неотъемлемую часть истории европейской сцены. Н.М. Вагапова первой в нашей стране обратилась к углубленному изучению творчества выдающихся русских режиссеров и актеров, которые во время Гражданской войны покинули Россию и связали свою судьбу со славянскими странами. Богатый материал по данной проблематике был проанализирован в книге автора «Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах» (2007). Уже там исследовательница исходит из понимания того, что наиболее плодотворным при изучении культуры русского зарубежья является сочетание биографического подхода (или истории конкретного театрального коллектива) с историко-культурным и конкретно-историческим (национальной спецификой, особенностями развития театра, готовностью местной публики воспринимать чужой «театральный язык», присутствием русских эмигрантов и т. д.) и компаративистикой. Она доказывала, что русская интеллигенция становилась частью национальной культуры стран, оказавших ей гостеприимство, а русская драматургия становилась неотъемлемой частью их культуры.

Монография «Три русских режиссера в Европе» посвящена именно таким личностям: выдающимся режиссерам и артистам Николаю Осиповичу Массалитинову (1880–1961), связавшему свою судьбу

с Болгарией, Петру Федоровичу Шарову (1886–1969), работавшему в Италии, Германии, Австрии, Нидерландах, и Юрию Львовичу Ракитину (1882–1952), отдавшему долгие годы работы сербскому театру. Каждому из них посвящена отдельная глава книги (в исследовании они называются «части»), где дается история их творческой жизни и публикуется уникальный документальный материал. Наталья Михайловна останавливает свой выбор на этих деятелях театра по ряду причин. Они выехали за рубеж сформировавшимися творческими личностями, но именно там раскрылись во всем блеске своего таланта и вписали яркие страницы в историю европейского театрального искусства, что отечественной наукой не было осмыслено. В самых общих чертах о них стали писать только в 1990-е гг. на фоне интереса к эмигрантской русской культуре. Систематического анализа, обобщения и углубления также требовал материал (чаще всего разрозненный), накопленный в зарубежных исследованиях. Оригинальные и талантливые режиссеры принадлежали к театральной школе МХТ, были горячими сторонниками системы К.С. Станиславского. В частности, автор сообщает, что Массалитинов был летом 1911 г. непосредственным свидетелем рождения знаменитой «системы», которую мэтр «проверял» на своем молодом коллеге. Всего же Массалитинову было известно «не меньше шести таких вариантов» (54). Эмигрантская жизнь всех троих началась с участия в Качаловской группе МХТ, затем Пражской группе МХТ. Благодаря русским эмигрантам представление о русской художественной традиции приобрело в Европе глубокий и систематический характер. Как пишет Н.М. Вагапова, « всю свою творческую жизнь за рубежом Массалитинов, Шаров и Ракитин посвятили внедрению идей русского режиссерского театра в практику европейских сцен, особенно в спектакли по пьесам классиков русской литературы. Во многом благодаря их усилиям русская драматургия, прежде всего пьесы А.П. Чехова, вошла в репертуар европейских театров » (8).

Наталья Михайловна тонко и тщательно исследует творческий и жизненный путь каждого из этих режиссеров, обстоятельства их профессиональной жизни, внося тем самым важнейший вклад в изучение не только русского, но и зарубежного театра. Она фактически пишет историю (или, по крайней мере, главу) русского театра в эмиграции, останавливаясь на его взаимодействии с зарубежной литературной и культурной традицией, на участии в формировании в разных странах собственных театральных школ, прочно опирающихся на систему Станиславского, но вобравших в себя также опыт театра В. Мейерхольда. Высокий профессионализм и подлинная интеллигентность, уважение к народу, среди которого эти люди оказались, интерес к его истории и культуре дали высочайший ху-

дожественный результат. Так, Ракитин в Сербии и Массалитинов в Болгарии подняли театр на новую высоту, создали национальные театральные школы, а Шаров обогатил театр европейских стран.

Наталья Михайловна исследует плодотворный творческий путь Ракитина, Массалитинова и Шарова в эмиграции, подробно останавливается на постановках спектаклей, откликах о них в прессе, репертуаре театральных сезонов, ролях, сыгранных самими режиссерами и известными русскими артистами, на оригинальных творческих решениях, постоянно оперирует разнообразным фактическим материалом. Это афиши, программы спектаклей, многочисленные фотографии, сцены из спектаклей и даже сведения о фильмах европейских режиссеров, где снимались русские артисты, списки ролей и спектаклей по сезонам. Сложно переоценить публикацию в рецензируемой монографии воспоминаний, писем и дневников. Особо хочется сказать об опубликованной переписке, которую вели режиссеры с близкими, друзьями, коллегами, известными деятелями культуры, в том числе из России (письма Массалитинова и Шарова О. Книппер-Чеховой и Качалову и др.; переписка Шарова и Ракитина с Добужинским). За всем этим стоит огромный труд исследователя, желание Натальи Михайловны быть предельно доказательной, как и благородное стремление спасти от забвения эти бесценные свидетельства, сделать их достоянием нашей культуры и науки. Богатейший материал содержат сноски, которые не просто комментируют текст, но все вместе составляют настоящий справочник театральной жизни России и стран, где работали или гастролировали русские артисты. В ссылках приводится огромное количество сведений о конкретных постановках, актерах, театральных художниках, фактах их биографии. Например, в сноске об актрисе Тане Массалитиновой (дочери Массалитинова Татьяне Николаевне Массалитиновой-Есауленко) указываются годы ее жизни, где и когда она получила театральное образование, в каком театре работала, в какой роли дебютировала (это была роль Людмилы в спектакле «Васса Железнова» М. Горького на болгарской сцене в 1947 году), какие роли сыграла и т. д. Таким образом существенно расширяется и делается объемным представление о том мире, где жили и творили русские режиссеры.

Первая часть монографии посвящена биографии и творческому пути Н.О. Массалитинова, воссозданному от его первых шагов на сцене, знакомства с К.С. Станиславским, участия в труппе МХТ, затем Качаловской группе, Пражской группе и до главного режиссера Национального театра в Софии имени Ивана Вазова. Свой опыт режиссера и педагога Массалитинов на протяжении полувека использовал для формирования и развития театральной драматиче-

ской школы Болгарии. Репутация Массалитинова как превосходного актера стала известна «в общеевропейском масштабе» после гастролей Пражской группы по Центральной Европе и Балканам, но в первую очередь он был востребован в Болгарии как режиссер и педагог. Н.М. Вагапова пишет, что безусловным успехом режиссера Массалитинова, «одним из лучших спектаклей на основе болгарской драматургии стала поставленная в сезоне 1928/29 года драма Й. Йовкова “Албена” с сюжетом из деревенской жизни» (34). Подчеркивается верность Массалитинова гуманистическим идеалам русского театра, что помогало ему находить верные решения в сложных ситуациях, обусловленных крутыми изменениями жизни и России, и Болгарии в 1920–1960-е гг. Интересны письма Массалитинова его сестре, народной артистке РСФСР Варваре Осиповне Массалитиновой.

В главе, посвященной Петру Шарову, подчеркивается сложность восстановления истории его жизни и творчества. Режиссер не имел семьи и дома, работал в разных европейских театрах, поэтому документальный материал рассредоточен по архивам разных стран, доступ к ним требовал больших усилий, а подчас и удачи. Наталья Михайловна собирала все это по крупицам. Констатация, что «между 1931 и 1934 годом Шаров ставил спектакли, которые историки итальянского театра приводят в качестве примера мастерского владения искусством режиссуры» (129), подтверждена многочисленными свидетельствами. Опыт Шарова был полезен и голландскому театру, которому необходим был «режиссер-педагог, владеющий искусством постановок психологической драмы» (133).

Творческую активность до конца жизни сохранял трудившийся в Сербии «маэстро Ракитин» (наст. имя Георгий Леонтевич Ионин). Опыт сотрудничества с Мейерхольдом и МХТ он использовал в сербском театре, где ставил не только пьесы из классического русского и европейского репертуара, но и «Зойкину квартиру» М. Булгакова. Этот спектакль был быстро снят с репертуара. В монографии подчеркнуто, что режиссера обвиняли в пропаганде советской культуры и в сатире на советскую действительность одновременно и что публика оказалась не готова оценить сценический гротеск. Ракитин же считал, что «пьеса поставлена прекрасно» (282). Еще не раз режиссеру приходилось идти против упрощенного понимания языка театра. Автор книги пишет, что после войны и установления в Югославии советской власти Ракитин искал новые акценты в постановке чеховского «Вишневого сада» (1950), которая открыла бы в пьесе новые черты, отразившие опыт поколения, «осмысленный в психологическом плане» (287). Приложение к этой части содержит отрывки из литературного наследия Ракитина (за-

метки о работе над постановкой тургеневского «Месяца в деревне»), писем и дневника (1924–1935).

Монография Н.М. Вагаповой многопланова и во многом уникальна. Она будет полезна не только ученым, но и для чтения спецкурсов по литературе русского зарубежья.

Поступила в редакцию 24.06.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 12.11.2023

Received 24.06.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 12.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Шешкен Алла Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; asheshken@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla Sheshken — Professor of the Department of Slavistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; asheshken@yandex.ru

РУССКИЕ ВО ФРАНЦИИ, АМЕРИКАНЦЫ В РОССИИ. НОВЫЕ КНИГИ СЕРИИ «ROSSICA. РОССИЯ И ЗАПАД. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И КОНТАКТЫ»

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ

Александр Строев. Литературные судьбы русских писателей во Франции. М.: Литфакт, 2023. 320 с.

Галина Лапина. Американцы в Москве: 1930–1940. М.: Литфакт, 2022. 206 с.: ил.

О.Ю. Панова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; Москва, Россия;
olgapanova65@mail.ru*

Аннотация: В двух новых монографиях научной серии «ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты» издательства «Литфакт» рассматриваются русско-французские и советско-американские литературные и культурные связи первой половины XX века. Книга А.Ф. Строева посвящена литературной и общественной репутации и рецепции творчества во Франции русских писателей (И. Бунина, Дм. Мережковского, А. Белого, Е. Замятина, М. Волошина). В книге Г.В. Лапиной рассматриваются американо-советские контакты и совместные проекты 1930-х — начала 1940-х гг. — театральные, кинематографические, образовательные; ее герои — американские писатели, журналисты, дипломаты, артисты, студенты. Оба исследования построены на архивных документах, письмах, мемуарах, художественных текстах, материалах отечественной и зарубежной прессы. Изучение внушительного корпуса источников позволило раскрыть неизвестные эпизоды в жизни русских писателей во Франции и новые страницы их творчества, реконструировать историю творческого сотрудничества отечественных и американских деятелей культуры, науки, литературы, театра и кинематографа.

Ключевые слова: А.Ф. Строев; Г.В. Лапина; рецензия; русско-французские литературные связи; советско-американские литературные и культурные контакты; рецепция русской литературы и культуры в Европе и США; Дм. Мережковский; Иван Бунин; Андрей Белый; Евгений Замятин; тревелог

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-19

Финансирование: Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный

взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

Для цитирования: Панова О.Ю. Русские во Франции, американцы в России. Новые книги серии «ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты». Рецензия на книги: Строев А.Ф. Литературные судьбы русских писателей во Франции. М.: Литфакт, 2023. 320 с. Лапина Г.В. Американцы в Москве: 1930–1940. М.: Литфакт, 2022. 206 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 206–211.

RUSSIANS IN FRANCE, AMERICANS IN RUSSIA. NEW BOOKS OF THE SCHOLARLY SERIES ROSSICA. RUSSIA AND THE WEST. LITERARY CONTACTS & CONNECTIONS

Alexandre Stroeв. Destins littéraires des écrivains russes en France. Moscow, Litfakt Publ., 2023. 320 p.

Galina Lapina. Americans in Moscow, 1930–1940. Moscow, Litfakt, 2022. 206 p.

Olga Panova

Lomonosov Moscow State University, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; olgapanova65@mail.ru

Abstract: New monographs of the scholarly series *ROSSICA. Russia and the West. Literary Connections and Contacts* of the *Litfakt* publishing house examine Russian-French and Soviet-American literary and cultural connections of the first half of the 20th century. Book by Alexandre Stroeв is dedicated to the Russian writers (I. Bunin, Dm. Merezhkovsky, A. Bely, E. Zamyatin, M. Voloshin) in France, their literary and public reputation and the reception of their works. Galina Lapina considers American-Soviet contacts and joint projects (theatrical, cinematic, educational) of the 1930s and early 1940s. The heroes of her book are American writers, journalists, diplomats, artists, and students. Both monographs are based on archival documents, letters, memoirs, fictional texts, materials from the Soviet/Russian and foreign (French or American) press. The study of an impressive source array made it possible to reveal unexplored episodes in the life of Russian writers in France and unknown part of their legacy, to reconstruct the history of Soviet-American joint ventures in the fields of culture, education, literature, theater and cinema.

Keywords: Alexandre Stroeв; Galina Lapina; review; Russian-French literary connections; Soviet-American literary and cultural contacts; reception of Russian literature and culture in Europe and the USA; D. Merezhkovskii; Ivan Bunin; Andrey Bely; Evgenii Zamiatin; travelogue

Funding: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 23-18-00393 “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

For citation: Panova O.Yu. (2023) Russians in France, Americans in Russia. New Books of the Scholarly Series ROSSICA. *Russia and the West. Literary Contacts & Connections. Alexandre Stroeov. Destins littéraires des écrivains russes en France.* Moscow, Litfakt Publ., 2023. 320 p. Galina Lapina. Americans in Moscow, 1930–1940. Moscow, Litfakt, 2022. 206 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 206–211.

Серия «ROSSICA. Россия и Запад» издательства «Литфакт» была основана в 2019 г.; в ней, в частности, вышли книга К.М. Азадовского «Сюжеты и судьбы: немецко-русские отражения» (2019) и научное издание пьесы и киносценария Анри Барбюса (*Анри Барбюс. Иисус против Бога. Творцы*) вкуче с собранием материалов, связанных с разработкой этих сюжетов «социалистической агиографии». В 2022–2023 гг. в серии появились две новые монографии, посвященные российско-западным литературным и культурным связям. Первая из них — «Литературные судьбы русских писателей во Франции» — объединяет работы последних лет крупного российско-французского исследователя, профессора Новой Сорбонны А.Ф. Строева. Все они посвящены деятельности, литературной и общественной репутации и восприятию творчества русских писателей во Франции в первой половине XX века. Герои книги — Максимилиан Волошин, Дмитрий Мережковский, Иван Бунин, Андрей Белый, Евгений Замятин; речь также идет об их многочисленных литературных друзьях, знакомых, посредниках, критиках, переводчиках, таких, например, как Жан Шюзевиль, близко знакомый с Ремизовым, Мережковским, Гумилевым, Вениамин Горелький или Виктор Серж. Книга построена на архивных материалах, воспоминаниях, письмах, текстах художественных произведений; но основной массив источников — это французская пресса, которая позволяет воссоздать хронику того или иного периода жизни писателя, погрузиться в литературную полемику, составить представление о том образе русских литераторов и, шире, русской литературы, который складывался у французской аудитории.

В книге восемь глав; тема первой — жизнетворчество Максимилиана Волошина и Алексея Толстого и их взгляд на современную «цивилизацию машин»; главы со второй по шестую посвящены Дмитрию Мережковскому — от первых рецензий и переводов до некрологов и посмертных статей о нем во французской прессе. В четвертой главе речь идет о рецепции не только Мережковского, но и Бунина во Франции в начале 1930-х. Седьмая глава «Андрей Белый в зеркале французской критики» освещает не только восприятие его творчества, но и круг его общения во Франции. В восьмой главе перед читателем предстает Замятин в амплуа сценариста.

Практически каждая глава снабжена приложениями, в которых собраны интереснейшие материалы. Среди них, например, реконструированная по газетам летопись «нобелевского года» Ивана Бунина, материалы для биографии Дм. Мережковского в период немецкой оккупации Франции, впервые опубликованные сценарные заявки Замятина — «синопсисы» задуманных им произведений, и многое другое. Говоря о роли цифровых технологий, резко расширяющих массив доступных источников, ускоряющих и облегчающих исследовательский поиск, А.Ф. Строев видит здесь не только колоссальное достижение, но и серьезный вызов: «...теперь придется заново писать всю историю восприятия русских писателей во Франции, в том числе в первой половине XX века» (7). Книга, вместившая огромный материал, переведенный и аналитически проработанный, дает пример исследования, сочетающего лучшие традиции с новыми возможностями, порожденными эрой digital humanities.

Солидная источниковая база отличает и вторую монографию, написанную российско-американским исследователем, критиком, переводчиком Г.В. Лапиной, много лет преподававшей русский язык и литературу в одном из крупнейших американских университетов. Книга «Американцы в Москве: 1930–1940», как свидетельствует ее автор, «родилась в процессе чтения лекций и общения со студентами университета штата Висконсин-Мэдисон» (6). Вероятно, большим преподавательским опытом объясняется искусство рассказчика, узнаваемая авторская интонация, которая придает книге цельность и стилистическое единство. Книга — по сути дела, сборник статей, объединенных под одной обложкой. В ней пять глав, каждая из которых представляет собой завершенный и самостоятельный сюжет. Из этих пяти историй три в разные годы публиковались в журнальных вариантах, а две печатаются впервые. Первая глава — о приезде в СССР афроамериканской любительской актерской труппы для съемок на студии «Межрабпомфильм» пропагандистского фильма «Черные и белые» (1932). Этот хорошо изученный эпизод часто привлекал внимание исследователей, поскольку в числе участников американского «кинодесанта» был Лэнгстон Хьюз, крупнейшая «звезда» Гарлемского ренессанса. Однако на русском языке такая полная история неудавшегося, но нашумевшего кинопроекта представлена впервые. Особый интерес для литературоведа представляет подробный анализ неопубликованного сценария фильма, написанного Л. Хьюзом и хранящегося в фонде рукописей библиотеки Эмори.

Вторая и третья главы посвящены театральным сюжетам. Во второй главе это приезд в Москву драматурга Софи Тредуэлл и ее

пьеса о советской жизни «Земля обетованная» (1934), текст которой дан в приложении к книге. Перевод был выполнен Галиной Лапиной по машинописной рукописи, которая больше восьмидесяти лет хранилась в архиве; читатель получает возможность познакомиться с необычным, ярким художественным произведением, в котором предстает образ СССР тридцатых годов, созданный иностранной гостьей, пробывшей в Москве всего около двух месяцев, но сумевшей по-своему понять и почувствовать мир советского коммунального быта и рассказать о нем средствами театра.

В третьей главе «Американские паломники в театральной Мекке. Московские театральные фестивали “Интуриста” 1933–1937 гг.» история советской «театральной пятилетки» реконструируется на основе советской и американской прессы, а также свидетельств участников событий — гостей фестивалей: знаменитого критика Брукса Аткинсона, театроведа Оливера Сейлера, режиссера Холстеда Уэллса, историка театра Генри У. Л. Даны, драматурга Лилиан Хеллман, актрисы Бланш Юрка, побывавшей после премьеры «Дней Турбиных» в гостях у автора пьесы М.А. Булгакова и его жены, Елены Сергеевны. Конгломерат интереснейших сюжетов организуется в хорошо продуманный, выстроенный рассказ о создании, расцвете и угасании крупного международного культурного, пропагандистского и коммерческого проекта.

Глава об Англо-американском институте — летней школе для молодых американцев, где они слушали курсы на своем родном языке о «различных аспектах советской цивилизации» (129), — во многом первопроходческое исследование, построенное на воспоминаниях американских студентов и публикациях в советской и американской периодике. За этот образовательный проект отвечала с советской стороны целая группа институций: МГУ, Наркомпрос, ВОКС, «Интурист». С американской стороны инициативу профессора политологии колледжа Нью-Йорка Стивена Даггена, опытного специалиста по организации академических обменов, поддерживали Институт международного образования и левая Национальная студенческая лига. Несмотря на кратковременность, этот проект был важной страницей истории советско-американских культурных контактов, о чем свидетельствуют имена как преподавателей (литературный критик Д.П. Святополк-Мирский, крупный американист и литературно-партийный функционер С.С. Динамов, литературовед А.М. Лейтес, знаменитый невропатолог А.Р. Лурия и др.), так и американских учащихся, среди которых были внук покойного президента Теодора Рузвельта и родственник президента Франклина Д. Рузвельта Кермит Рузвельт; «голливудские принцы» Морис Рафф и Бадд Шульберг, дети крупных продюсеров компаний *Para-*

mount Pictures и *Metro Goldwyn Mayer*; сын знаменитого писателя, выпускник Принстона Ринг Ларднер-мл.

В основе заключительной, пятой главы «Посол и его шофер» — сопоставление двух московских травелогов (и реконструированный событийный контекст их создания): широко известной книги американского посла в СССР (1936–1938) Джозефа Э. Дэвиса «Миссия в Москву» (1942) и мало кому известной «Миссии в Москву с черного хода» (1946) личного шофера посла Чарльза Силиберти. Беспроигрышный прием — показ событий в двойном (и резко отличающемся) освещении — делает главу увлекательнейшим чтением.

Разные — но перекликающиеся — сюжеты, объединенные в книге, воссоздают для читателя контекст эпохи благодаря обширному кругу источников, на котором основана монография. Мемуары, письма, архивные документы, статьи, заметки, репортажи и другие публикации в прессе, художественные и публицистические произведения складываются в живую и полную картину советско-американских отношений 1930-х — начала 1940-х годов.

Ценность монографии А.Ф. Строева состоит, в числе прочего, в переводе внушительного корпуса французских материалов на русский язык. Источники, на основе которых сделана книга Г.В. Лапиной, по большей части никогда не переводились и не издавались в России, хотя они открывают целые пласты свидетельств, интерпретаций, оценок, связанных с восприятием культуры и истории нашей страны. Обе монографии, тем самым, расширяют поле изучения, исследовательский кругозор и способствуют появлению новых исследовательских и издательских проектов.

Поступила в редакцию 24.08.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 11.11.2023

Received 24.08.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 11.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Панова Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник ИМЛИ имени А.М. Горького РАН; olgapanova65@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Panova — Dr. Sci, Professor, Department of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature RAS; olgapanova65@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2023 НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.А. Липгарт

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; a_lipgart@mail.ru*

Аннотация: Статья содержит обзор работы научной конференции «Ломоносовские чтения», которая проходила 10–12 апреля 2023 г. на филологическом факультете Московского государственного университета. В отчете представлен обширный круг научных тем, затронутых участниками в ходе пленарного и 25 секционных заседаний, на которых было заслушано 152 доклада и сообщения. Профессора, доценты, преподаватели, научные сотрудники всех подразделений факультета приняли активное участие в работе конференции. Были представлены доклады, связанные с широкой тематикой работы кафедр в области филологических наук, теоретических и методических аспектов изучения и преподавания филологических дисциплин. Настоящий обзор выступлений позволяет оценить широту спектра исследований, проводимых на факультете, их актуальность для современной филологии.

Ключевые слова: филологические науки; лингвистика; литературоведение; методика преподавания

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-20

Для цитирования: Липгарт А.А. Ломоносовские чтения — 2023 на филологическом факультете Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 212–232.

THE 2023 LOMONOSOV READINGS AT MOSCOW UNIVERSITY'S FACULTY OF PHILOLOGY

Andrei A. Lipgart

Abstract: This article provides an overview of the four-day scientific conference *Lomonosov Readings*, which took place on April 10–12 2023 at the Faculty of Philology, Moscow State University. The report presents a wide range of scientific topics touched upon by the participants during the plenary as well as 25 breakout sessions. The participants included Professors, Associate Professors, lecturers, and research staff from all departments of the Faculty. There were reports related to the broad

themes of the work of the Departments in the field of philological sciences, theoretical and methodological aspects of studying and teaching philological disciplines. Even a short abstracts review gives an opportunity to present the whole range of research works carried out at the Faculty, and their relevance to the current academic trends. Undoubtedly, the presented works will be interesting and useful for all those involved in the development of modern trends in philology and in interdisciplinary research.

Keywords: philology; linguistics; literary studies; teaching methods

For citation: Lipgart A. (2023) The 2023 Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 212–232.

В апреле 2023 года на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова прошла традиционная научная конференция «Ломоносовские чтения». В этом году она была посвящена 270-летию Московского университета, которое будет праздноваться в 2025 году. Кроме того, конференция проходила в начале Десятилетия науки и технологий, объявленного Указом Президента Российской Федерации в 2022 году, где говорится, в частности, о необходимости «вовлечения исследователей в решение важнейших задач развития общества и страны», привлечения молодежи к научно-технологической деятельности. Все это определило высокий уровень и конференции в целом, и представленных на ней докладов, касавшихся важнейших вопросов филологической науки и образования.

Конференция началась с **планарного заседания**, где освещались актуальные проблемы языкознания и литературоведения. В докладе М.Ю. Сидоровой «Лингвистические аспекты информационного противодействия: субъект, бессубъектность и субъективность» был предложен филологический подход к вопросам информационного воздействия и противодействия, основанный на анализе категории субъекта. Было показано, что применение к анализу текста принципов коммуникативно-функциональной грамматики помогает решить широкий спектр задач в этой области: от уточнения таких базовых понятий, как информационное воздействие, информационное противодействие, информационная война, до вскрытия тактик субъекта — информационного агрессора — и активной защиты от них. Особое внимание было уделено анализу субъектной структуры предикации, вопросительным предложениям и приемам противодействия коммуникативному субъекту-паникеру.

В докладе А.А. Семиной «Недоверие к слову как вектор развития русской поэзии в XX столетии» была прочерчена линия от лирики первой волны эмиграции к русской неподцензурной поэзии второй половины XX века, выявлен общий генезис их тяготения к лапидар-

ности и минимализму. И поэты «парижской ноты», и конкретисты видели в языке невольного пособника советской власти, источник трагических поворотов русской истории, перед которыми показала свое бессилие даже великая русская литература. Также были представлены образцы поэзии, для которой аскетизм оказался значимым в контексте продолжения традиции авангардистских экспериментов начала столетия — или явился следствием постмодернистской неостоятельности перед необходимостью сказать что-то новое.

В докладе Т.Ф. Теперик «Риторика обманных речей: “Одиссея” Гомера» проанализированы пять речей Одиссея на Итаке, совпадающие в основном посыле (убедить собеседника, что история «странника», под видом которого скрывался Одиссей, — подлинная), но отличающиеся по структуре и композиции. Это определялось личностью реципиента речи, на психологию которого в первую очередь и была ориентирована обманная речь.

В докладе «Основные направления исследований в современном шекспироведении» А.А. Липгарт предложил провести разграничение между исследованиями, 1) тяготеющими к имманентному анализу текстологических, стилистических и содержательных характеристик произведений Шекспира, а также его биографии и 2) практикующими интегративный подход к изучению материала. Для шекспироведения имманентный анализ, который имеет давние традиции, все же является непродуктивным, поскольку ученые, занимающиеся текстологией и стилистикой, еще до начала своей работы в предварительном плане должны решить проблему аутентичности шекспировского канона, уничтожая тем самым любой намек на имманентность. Аналогичным образом «множественные толкования» шекспировских текстов и биографии их автора, в итоге приводящие к полной интерпретационной какофонии, могут быть введены в некие логические рамки с помощью обращения к общему контексту эпохи, что опять-таки демонстрирует недостаточность имманентного подхода. Поэтому в современном шекспироведении все большую популярность приобретает интегративный подход.

В докладе Т.Н. Беловой «Новейшие тенденции исследования русской литературы в англоязычных странах Запада» анализируются основные тенденции англо-американской русистики 2000–2010-х гг.: это стремление к объективности изложения, интерес к малоизученным проблемам, введение в научный оборот новых имен, опора на достижения отечественных ученых-филологов.

В рамках конференции проведено 25 заседаний **секций и круглых столов**, где было представлено 152 доклада и сообщения, касающихся различной тематики современных филологических исследований. На секции **кафедры русского устного народного**

творчества был представлен доклад С.В. Алпатова «“Девы поют на Дунай”: языческий обряд или поэтический топос?». Критическому пересмотру была подвергнута гипотеза академика Д.С. Лихачева о существовании единого класса обрядовых действий поминального и величального типа, совершавшихся древними славянами на берегах рек и получивших прямое отражение в «Повести временных лет» и «Слове о полку Игореве». В своем докладе «Сказочные и балладные версии сюжета о чудесном супруге/любовнике, удерживаемом потусторонними силами (АТ 432/“*Tam Lin*”)» И.В. Зайцева и В.А. Ковпик представили обзор общих мотивов англо-шотландской баллады *Tam Lin* и сказочного сюжета АТУ 432 (“*The Prince as Bird*”), а также АТУ 425А “*The Animal as Bridegroom*”. Наличие общих мотивов и сказочных сюжетов, близких балладе в традициях других европейских народов, позволило выдвинуть гипотезу о том, что баллада фиксирует один из изначальных типов возможного разрешения сюжетной коллизии, который не сохранился в большинстве сюжетов сказочной традиции. В докладе В.А. Ковпика «Вопросы возникновения и развития необрядовой лирики в истории отечественной фольклористики» было подробно рассмотрено развитие взглядов отечественных ученых на вопросы возникновения и эволюции необрядовой лирики. Доклад А.А. Ивановой «Фольклорный дискурс романа “Кысь” Т. Толстой» был посвящен анализу состава и структуры фольклорного сверхтекста, встроенного в авторский текст писательницы, его взаимоотношений с другим — литературным — сверхтекстом, представленным в романе. В докладе Ю.Э. Мавродий и В.А. Ковпика «Полевые исследования современной народной традиции на Верхнем Дону: жанровое своеобразие устных и письменных текстов» внимание было сфокусировано на анализе устных и письменных текстов заговоров, зафиксированных во время фольклорных экспедиций на Верхнем Дону на протяжении нескольких последних десятилетий. В докладе «Проблема семантики вербальных и невербальных компонентов средокрестного обряда» А.А. Родионова рассмотрела средокрестный обряд как некий «фольклорный текст» — целостную в смысловом отношении единицу содержания в поле культурной традиции, выраженную средствами нескольких семиотических систем.

В рамках секции **кафедры теории литературы** был прочитан доклад О.А. Клинга «Летопись жизни и творчества А.М. Горького в Германии (1921–1923)». В докладе И.Н. Исаковой «Формирование героического модуса в западноевропейских и восточных литературах» были показаны общие черты героического модуса в мировой литературе, а также отмечалась специфика формирования героического модуса в литературах (преимущественно дальневосточных)

в эпоху зрелого Средневековья и Нового времени. Доклад В.Б. Семёнова «Английская поэма XV в. “Остров дам”: между мифом и китчем» был посвящен описанию ведущих мотивов в сюжетной структуре указанного сочинения — как литературных, так и фольклорных. В докладе А.В. Филатова «“Интегральная поэтика” Н.С. Гумилева: теоретико-литературный аспект» рассмотрен проект книги «Теория интегральной поэтики», задуманной Н.С. Гумилевым в 1917–1918 году и частично реализованной в ряде прочитанных им литературных курсов. В докладе был сделан вывод о типологической близости идей Н.С. Гумилева и В.М. Жирмунского.

Особенности литературных произведений и творчества писателей рассматривались в докладах **кафедры истории русской литературы**. Так, в докладе И.А. Беляевой «“Бедная невеста” Островского в оценке Тургенева: критика или похвала?» поднимался давний вопрос об оценках Тургеневым-драматургом новой пьесы Островского, которая была выполнена в несколько иной манере, чем его известная и нашумевшая комедия «Свои люди — сочтемся». В.Б. Катаев в докладе «Пятое действие “Доходного места” А.Н. Островского в контексте русской литературы» высказал наблюдение, что добавление Островским пятого действия к своей сатирической пьесе как писательский метод характерно для нашей литературы в целом. Д.П. Ивинский в докладе «Адам Мицкевич о русском масонстве второй половины XVIII века, Н.М. Карамзине и А.С. Пушкине» обсудил не комментировавшиеся до сих пор «русские» страницы парижских лекций Мицкевича. В.А. Воропаев прочитал доклад «Образ самодержавной монархии в религиозно-философском мирозерцании». В докладе Г.В. Москвина «Категории любви и правды в повести М.Ю. Лермонтова “Княжна Мери”» анализируются любовный и социально-психологический конфликты с его основными участниками княжной Мери и Грушницким, представленные в тексте в бытовой и нравственной рефлексиях. Доклад А.А. Пауткина «На периферии интермедиального пространства. Графический роман русского зарубежья» был посвящен малоизвестному явлению обращения создателей комиксов к сюжетам русской классической литературы. Рассматривались наиболее представительные образцы графического романа. В докладе «Биографический эпизод как проблема» Р.Б. Ахметшин привел наблюдения над мемуарными, литературно-критическими и биографическими текстами о Чехове, в которых предпринимаются попытки упорядочить представление о жизни и художественной эволюции писателя путем ее периодизации. В докладе А.Ф. Багаевой «“Славянская идея” на страницах газеты “Русский курьер” Н.П. Ланина» говорилось о том, что журналистская деятельность купца 1-й гильдии и гласного Московской

городской думы Н.П. Ланина имела более серьезные причины, нежели считали его современники. Н.П. Ланин настойчиво добивался права лично заниматься журналистикой.

В докладах представителей **кафедры истории новейшей русской литературы** рассматривались вопросы современной русской литературы. В докладе М.В. Михайловой «Критики о романе Любви Гуревич “Плоскогорье” (1897)» акцент сделан на разночтениях в понимании сюжета и идейного смысла произведения, возникших в результате различных методологических подходов критиков к тексту. Доклад И.Б. Ничипорова «Политика, эстетика, этика в романе Э. Лимонова “Дед”» посвящен позднему роману Э. Лимонова «Дед» (2014) как явлению автобиографической документально-художественной прозы. В докладе Д.В. Кротовой «Е. Водолазкин и В. Пелевин о человеке и мироустройстве (“Лавр” и “iPhuck 10”)» названные произведения рассмотрены как своего рода полюса современного литературного процесса. Оба романа концентрируют в себе важнейшие тенденции развития творчества их авторов. В докладе «Тема семьи и дома в дилогии Марии Якуниной “Восьмерка” и “Дорогая Рита”» О.С. Октябрьская остановилась на основных проблемах, поднятых молодой современной писательницей М.А. Якуниной в повестях «Восьмерка» и «Дорогая Рита», адресованных подрастающему поколению. Выявлены философско-религиозные, психологические и социальные аспекты данной проблематики. Предметом рассмотрения в докладе А.В. Назаровой «Изменение социальных ролей и вечные ценности в романе Е.Н. Чирикова “Семья”» стал написанный в эмиграции роман Е.Н. Чирикова под заглавием «Мой роман». Проведенный с опорой на используемый в гендерных исследованиях инструментальный анализ позволил автору выступления рассмотреть это произведение как своеобразный итог прениям о статусе женщины в семейном кругу и за его пределами. Доклад «Советский югославский поэт Радуле Стийенский» М.М. Громовой посвящен названному советскому поэту, прозаику, драматургу югославского происхождения; цель доклада — актуализация литературной и вне-литературной биографии Радуле Стийенского.

Целый ряд интересных докладов был представлен в ходе работы секции **кафедры истории зарубежной литературы**. В докладе Н.Т. Пахсарьян «“Кливленд” Прево как французский вариант “литературы ужаса”» рассматривалось происхождение «романа ужасов» во французской литературе и подробно анализировался наиболее популярный в XVIII в. роман Прево «Кливленд». В докладе В.М. Толмачёва «Малая проза О. Уайлда конца 1880-х — начала 1890-х годов: опыт систематизации и анализа» рассмотрен вопрос о том, как английский писатель О. Уайлд в 1889–1890 гг. заключил контракт

с американским литературным ежемесячником «Липпинкотс» и затем, параллельно работая над новеллой «Рыбак и его душа», представил в его редакцию текст романизированной новеллы «Портрет Дориана Грея», который в этот момент состоял из 13 глав. Докладчик проанализировал характер редактуры, учитывавшей как содержание текста и особенности книжного рынка в США и Великобритании, так и требования общественной морали. В докладе детально сравнивается текст авторизованной машинописи и опубликованный журнальный текст. Доклад М.А. Абрамовой «Интертекстуальность как признак пародии в романе “Жауфре”» посвящен практически не известному в России анонимному рыцарскому роману XIII века, написанному на провансальском языке. Основное внимание уделено механизмам романной техники того времени, которые обеспечивают откровенно пародийный характер текста. Особенно заметна повышенная интертекстуальность романа «Жауфре». Докладчик продемонстрировал, как проявляется техника нарушения горизонтов ожидания читателей в двух основных сюжетных линиях — рыцарских подвигах героя и истории любви. В докладе А.В. Сергеева «Георг Брандес о раннем творчестве Кнута Гамсуна», показано, как в единственной относительно крупной работе датского критика о классике норвежской литературы, написанной специально для русского читателя и впервые опубликованной в 1909 г. в качестве предисловия к сборнику рассказов «Борющиеся силы», Брандесу удалось нарисовать яркую и точную картину неоромантического периода творчества Гамсуна и выявить его основные лейтмотивы. И.Ю. Попова отметила в своем докладе «Хилари Мантел. Основные вехи творчества», что Хилари Мантел (1952–2022) — очень заметная писательница на горизонте современной английской литературы. Доклад представляет основу для будущего написания обзора ее творчества. В докладе отмечены наиболее интересные аспекты произведений Мантел. В докладе Е.В. Фейгиной «Данте “Рай”: от схоластического понятия к образности» проанализированы песни «Рая» с 10 по 14, в которых Данте встречает наиболее многочисленную группу богословов и мудрецов, отвечающих на его вопросы об устройстве Рая. Также Данте узнаёт об особенностях телесного воскресения и того, как оно будет соотноситься со световой природой Рая. Сообщение А.Ю. Зиновьевой «Под защитой земного счастья, насколько это возможно: Джейн Остен в поисках идеала» было посвящено образу идеального дома и связанного с ним идеального же мироустройства в творчестве Дж. Остен (1775–1817). На материале шести законченных романов писательницы, ее эпистолярного наследия и биографических свидетельств было показано, что, если Остен и считает возможным создать образ гармонической, отвеча-

ющей чувству прекрасного и внутренним нравственным запросам среды обитания человека, то отличаться он будет прежде всего внешним совершенством, не вполне совпадающим с тем, что составляет мысли, слова и дела персонажей, которые к созданию такой среды по-настоящему не причастны. Особое внимание в докладе было уделено описаниям загородных поместий в произведениях Остен, садов и парков в «английском» стиле. В докладе Н.К. Полосиной «Деньги в романе Стендаля “Красное и черное” горворилось о том, что продуктивный парадокс романа «Красное и черное» заключается в том, что стэндалевский кодекс «бейлизма» и «итальянизма», предполагающий презрение ко всему буржуазному, не противоречит весьма подробной «бухгалтерии» романа, — она связана с вопросами жалованья, ренты и сбережений, которые являются предметом постоянного торга между героями. Торг показывает, что достоинство, независимость, талант и другие нематериальные блага в мире Стендаля имеют свою цену, которая возрастает по ходу сюжета, а финал романа демонстрирует, как логика жертвы, ориентированная на абсолютную ценность, не отменяет логику торга, а скорее находится с ней в иронических отношениях утверждения/отрицания. Доклад К.Р. Ибрагимовой «Клешни и плавники: морская фауна в поэзии Т.С. Элиота» был посвящен рассмотрению функций образов морской фауны в творчестве Т.С. Элиота (1888–1965). Докладчица отметила все случаи появления морской фауны в поэзии Элиота, рассмотрела литературную генеалогию предложенных образов и особо остановилась на двух формах, присущих морским обитателям у Элиота — клешням и плавникам.

В ходе работы секции лаборатории «**Русская литература в современном мире**» были сделаны следующие доклады: Е.А. Певак «Роман О. Миртова “Мертвая зыбь” и “веховская” концепция русской интеллигенции». В докладе рассматривается роман О. Миртова (О.Э. Котылевой) «Мертвая зыбь» в свете переживаемого прогрессивной интеллигенцией кризиса, которым завершился один из этапов политической борьбы в России — Первая русская революция. В докладе В.Г. Моисеевой «“Оккультрегер” А. Сальникова. Проблема жанра» рассмотрены особенности жанровой структуры «сновидческого» романа А. Сальникова. Роман А. Сальникова относят к такому направлению фантастической литературы, как «городское фэнтези». Синтез фантастического и реалистического планов повествования в романе служит для создания художественного пространства, жизнь в котором есть отражение страхов и надежд современного человека.

Особенности древних языков, литератур, истории и культур рассматривались в докладах **кафедры классической филологии**. В до-

кладе А.И. Солопова «К установлению текста Plin. n. h. XVII 251 (exacutam falcis aciem)» рассматривается текст из XVII книги Плиния, где стандартное издание Яна и Майгоффа (1892 г.) заменяет рукописное чтение ехастам на конъектуру ехасutam, следуя предложению Урлихса. В докладе Е.В. Антонец «Рукописное чтение или конъектура? (Cic. Arch. 28)» рассматривается текстологическая проблема в выражении из речи Цицерона в защиту поэта Архия: hunc ad perficiendum † adhortatus sum † (Cic. Arch. 28); констатируется, что три древнейшие кодекса, содержащие речь, дают чтения: adortavi G: adhortatus sum E: adhortavi V; обосновывается целесообразность выбора рукописного чтения adhortatus sum вместо многочисленных конъектур, которые предлагались к этому месту. В докладе Я.Л. Забудской «Трагедия и история: исторический контекст трагедии Еврипида “Елена”» предпринята попытка рассмотреть исторический контекст трагедии «Елена» по аналогии с другими трагедиями, для сюжетов которых обнаруживаются исторические параллели. Доклад И.Р. Гимадеева «О растительном мире у Горация» посвящен лексемам, обозначающим растения в поэзии Горация. В докладе Т.Г. Давыдова «Проблема отражения на письме глухих плавных в греческом и латинском языках» утверждается, что сочетания придыхательного с плавным представляют собой форму орфографического отображения непридыхательного смычного и глухого плавного, напр.: φρ = /pr/, θρ = /tr/, χρ = /kr/ и т. д. В докладе О.М. Савельевой «О статье Н.И. Новосадского “Реализм Гесиода” (1928)» был освещен подход Н.И. Новосадского к анализу поэмы Гесиода Ἐρῦα καὶ Ἥμερα в статье «Реализм Гезиода» (1928). В докладе А.Е. Беликова «П.А. Капнист и А.Н. Шварц о натуральном методе (материал из архива)» представлены выдержки из отчета о поездке попечителя Московского учебного округа графа П.А. Капниста в сопровождении профессора Московского университета А.Н. Шварца по учебным заведениям Германии и Франции, осуществленной в 1894 году. В докладе М.Н. Крючкова «К истории кафедры классической филологии МГУ: Павел Матвеевич Шендяпин» впервые были представлены архивные материалы по биографии выдающегося филолога-классика, автора (совместно с А.Н. Поповым) одного из самых известных и востребованных учебников латинского языка для вузов Павла Матвеевича Шендяпина (1885–1949).

Проблематика, связанная с изучением литературы, истории, языков Византии и древней Греции, представлена в докладах **кафедры византийской и новогреческой филологии**. Также в докладах освещались вопросы современного функционирования новогреческого языка. В докладе М.В. Бибикова «К 550-летию приезда Софьи (Зои) Палеологини в Россию: византийские свидетельства о Софье

(Зое)» анализируются свидетельства о византийской невесте Ивана III Зое (Софии) Палеологине, рассматриваются обстоятельства замысла и заключения брачного союза через посредство папского престола, а также события отправки брачного посольства в Москву. В докладе И.В. Тресоруковой «К вопросу семантики конструкции ἔχω να κάνω: временное и причинное значение» рассматривается конструкция новогреческого языка ἔχω να и процесс ее грамматикализации в современном языке. К.А. Климова в докладе «Мифоритуальные практики в семейной обрядности понтийских греков: лексика и символика» на основе полевых исследований рассматривала особенности семейной обрядности понтийских греков, проживающих на территории Краснодарского и Ставропольского края. Е.С. Онуфриева в докладе «Повтор антецедента как способ образования фразеологизмов-конструкций новогреческого языка» представила сравнительный анализ двух новогреческих фразеологизмов-конструкций: Ρ και θα πεις κι ένα τραγούδι и Μη σώσεις και Ρ. В сообщении Т.И. Самойленко «Двойственность природы эпического героя в поэме о Дигенисе» анализируется содержание некоторых эпизодов в составе поэмы, которые принято расценивать как описание подвигов Дигениса. В докладе Д.А. Гришина «Риторические фигуры в новогреческом политическом дискурсе» рассматриваются особенности использования риторических фигур в речи современных греческих политиков. В докладе М.В. Асмуса «Неологизмы и редкие слова в языке Леонтия пресвитера Константинопольского» были сообщены результаты лексикологического анализа гомилетического наследия Леонтия пресвитера Константинопольского (V в.). И.В. Тресорукова и С.Ю. Чуева в докладе «Особенности функционирования словообразовательных суффиксов феминитивов -τρια и -ισσα в греческом языке с точки зрения диахронии» указали что феминитивы в новогреческом языке образуются посредством словообразовательных суффиксов -ισσα (-εσσα), -τρια (-τρα), -ίνα и -ού, -αίνα.

В работе секции **кафедры славянской филологии** были представлены доклады, касающиеся современных славянских языков и литератур, истории кафедры. Доклад А.Г. Шешкен был посвящен столетию со дня рождения профессора кафедры славянской филологии Е.З. Цыбенко (1923–2011). А.И. Изотов представил новый курс по выбору на английском языке для студентов 4 курса бакалавриата русского отделения — «Десять веков пражской архитектуры», охватывающий временной промежуток от раннероманской архитектуры X века до функционализма периода между мировыми войнами. В докладе Н.Е. Ананьевой рассматриваются богемизмы, представленные наряду с полонизмами и украинизмами в романе

Д. Рубиной «Синдром Петрушки»; выясняется, что чешские языковые элементы передаются кириллицей (гражданкой) и касаются всех уровней языковой системы, включая ономастическое пространство. Доклад Е.В. Верижниковой «К вопросу о третьем перфекте в македонском языке» был посвящен конструкциям с глаголом *сум* и согласуемым причастием на *-н/-т* в македонском языке. Доклад О.В. Розинской был посвящен истории взаимоотношений русских литераторов-эмигрантов и польских деятелей культуры в межвоенное двадцатилетие. В докладе О.С. Плотниковой «Футуральные функции перфектных глаголов настоящего времени в словенском языке» показано, что основным средством выражения будущего времени в словенском языке являются специализированные аналитические формы будущего времени, свободно образующиеся от глаголов как несовершенного, так и совершенного видов (*bom šel* — *bom prišel*). В докладе «Поэзия Йована Дучича» С.Н. Мещеряков отметил интерес поэта как к европейской традиции («парнасско-символистская школа»), так и к национально-патриотическим мотивам (сборник стихотворений «Мы ждем царя», 1913). Поэт часто обращается к изображению Адриатики и Дубровника — воплощению красоты и утонченности. По мнению С.Н. Мещерякова, в «Дубровницких сонетах» ясно проявляются барочные мотивы.

Целый ряд важных вопросов, касающихся истории и современного состояния русского языка, обсуждался в ходе работы секции **кафедры русского языка**. А.В. Уржа в докладе «Как рождается прагматика неопределенно-личных предложений?» обратилась к вопросу о разграничении семантики и прагматики в описании соответствующих конструкций и выделила ряд модусных смыслов неопределенно-личных предложений. В докладе Т.В. Пентковской были рассмотрены особенности передачи некоторых исламских реалий в переводе «Истории управления настоящего империи Оттоманской», выполненном П.А. Толстым с итальянской версии сочинения Поля Рико *The History of the Present State of the Ottoman Empire*. В докладе В.С. Савельева «Псевдонимы, включающие названия букв кириллического алфавита: структура, способы образования и прагматический аспект» было представлено исследование, проведенное на материале «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова; употребление псевдонимов могло быть мотивированным или не мотивированным именем автора и зачастую сочеталось с использованием разнообразных средств языковой игры. Е.В. Петрухина в докладе «Деривационные механизмы в русском языке с когнитивной точки зрения» проанализировала словообразовательные, семантические, морфологические и синтаксические деривационные модели с целью установления

концептуальных связей и сходств между ними, часто скрытых при их уровненом разделении.

Широкий круг проблем, связанных с использованием языка в различных сферах деятельности, обсуждался в докладах представителей **кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания**. В докладе А.М. Белова «О коммуникации в истории словесности: литература как социальная сеть» предложена концепция феномена литературы как социальной сети, рассмотрены основные этапы становления литературного процесса как семиотической системы. В докладе А.В. Блинова «Проблемы лингводидактики в преподавании мертвых языков» показано, что лингводидактика входит в состав той области прикладных исследований, где изучаются и преподаются процессы распространения языковых знаний и умений; лингвистические данные предстают здесь как системное изложение текстовых прецедентов использования языка. Доклад О.А. Волошиной «Русская и китайская лингвистическая терминология в сопоставительном аспекте (на материале терминов “филология” (语文学), “грамматика” (语法) и “слово” (词))» посвящен обсуждению проекта русско-китайского учебного словаря лингвистической терминологии для студентов совместного университета МГУ-ППИ. А.А. Данилова в докладе «Новая успешность — к вопросу о лингвистических средствах в образовательном маркетинге» показала, что в условиях быстрого роста виртуальных образовательных технологий и существенного увеличения доли рынка, занимаемой обучением, актуальным представляется анализ и разбор языковых стратегий привлечения аудитории курсов и школ к обучению. В докладе Л.А. Чижовой «Лингвокультурный анализ речедетельности человека в текстах разных жанров современной русской логосферы» представлен анализ культурно-языковой компетенции говорящего, формируемой при объединении необходимого знания, с одной стороны, и соблюдения специфичной оценочности когнитивной базы культуры — с другой, для национальной самоидентификации.

Современные вопросы языкового функционирования обсуждались в докладах **кафедры теоретической и прикладной лингвистики**. В докладе О.В. Федоровой «Когнитивное преимущество билингов: от Выготского до наших дней» описаны истоки и современное состояние представления о том, что владение двумя или более языками дает людям некоторое преимущество в когнитивном развитии. В докладе Ю.В. Николаевой «Референциальная связность: взгляд сквозь призму мультимодальности» утверждается, что жесты, сопровождающие речь, могут сигнализировать о смене протагониста и появлении нового референта, и, таким образом, жестикуляция показывает структуру устного дискурса. В докладе И.А. Хомченковой «Холисти-

ческие комитативные показатели в типологической перспективе» описывается семантика и дистрибуция холистических комитативных показателей, представлены наблюдения относительно их моделей полисемии, а также обсуждается выражение соответствующей семантики в языках без специализированных показателей.

В работе секций **кафедр русского языка для иностранных учащихся** были представлены доклады, касающиеся широкого круга проблем, связанных с методикой обучения русскому языку, его культурно-исторических и сравнительно-сопоставительных аспектов. Коллектив авторов **кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов** Л.П. Клобукова, О.Б. Ермакова, Е.А. Чернышенко в докладе «Фиджитал-коммуникация как новый тип учебного взаимодействия» на примере преподавания русского языка как иностранного проанализировали влияние, которое оказал дистанционный формат обучения на очный учебный процесс и на его участников — преподавателей и учащихся. Обосновывается введение термина «фиджитал-коммуникация» и его отличие от термина «смешанное обучение». Авторы детально анализируют особенности учебного процесса в условиях фиджитал-коммуникации. В докладе Д.Б. Гудкова «Архетипическое в неологизмах современного русского политического дискурса» рассматривается новая лексика, активно используемая в последние годы в современном политическом дискурсе. Доклад И.С. Брилевой «Обоснованность использования заимствований в современном русском языке» посвящен рассмотрению ряда заимствований, которые активно используются в настоящее время в профессионально-ориентированной коммуникации. Доклад И.А. Антоновой «Особенности использования лингвистических терминов в процессе преподавания русского языка как иностранного» посвящен проблеме использования лингвистических терминов в процессе обучения русскому языку иностранных учащихся гуманитарного профиля нефилологических специальностей. В докладе С.Г. Мамечкова «Возможности применения суггестивного подхода в процессе преподавания русского языка как иностранного» анализируется специфика суггестивного подхода к обучению иностранным языкам, рассматривается метод Г. Лозанова и его последователей в России, обсуждаются возможности применения данной методики в процессе преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

В ходе работы секции **кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета** прозвучали доклады М.А. Бороздиной «...Говорят, сочинители только грозятся — и никогда своих вещей не жгут»: к вопросу об автобиографических мотивах в романе И.С. Тургенева “Новь”» и В.А. Марковой «Коммуни-

кативно-прагматическое поле вежливости: формирующий прагматический эффект и структура», который был посвящен прагматической категории вежливости. Совместный доклад А.А. Жуковой и Е.В. Потемкиной «Колобок и Лиса: русские архетипы в рэп-тексте» посвящен русским архетипическим образам — Колобка и Лисы — и анализу их вариативной реализации в рэп-тексте. Доклад О.К. Грековой «Объем понятия сравнение/ сопоставление в курсе учебного реферирования иностранных аспирантов филологического факультета» посвящен разметке задания аудирования для иностранных аспирантов филологического факультета. В докладе Т.Г. Рошкетовой «Заголовочный комплекс в структуре современного российского медиатекста: прагматический аспект» рассматриваются способы образования заголовочных комплексов современных российских медиатекстов. В докладе О.М. Сергеевой «Русская народная сказка как материал для изучения лексико-семантического поля УМ в иностранной аудитории» обосновывается целесообразность изучения лексико-семантического поля «ум» на материале русских народных сказок.

На секционном заседании **кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов** были заслушаны доклады И.А. Баданиной «Номинации лиц и культура русской речи», где подчеркивалась необходимость рассматривать номинации лиц во всех аспектах культуры речи — нормативном, коммуникативном и этическом. Доклад В.М. Касьяновой «Современная интернет-реклама чтения: основные принципы и лексико-грамматические особенности» показал разнообразие используемых авторами приемов и лексико-грамматических средств, которые в совокупности с иллюстративным материалом призваны сформировать у молодежи положительное отношение к чтению как виду досуга. В докладе А.А. Коростелёвой «Семантические параметры коммуникативной мены рода в русском языке» рассматривается относительно новое для русского языка явление мены грамматического рода, фиксирующееся как в устной, так и в письменной речи. В докладе В.А. Кузьменковой «Описательные предикаты с глаголами движения как один из способов выражения различных фаз действия или состояния» анализируется вариативность языковых средств при выражении различных фаз действия или состояния субъекта или объекта (прагматический аспект). В докладе Т.А. Слабодкиной и О.В. Чаловой «Система упражнений по аудированию на занятиях РКИ для иностранных учащихся естественных факультетов» рассматриваются приемы работы со звучащими текстами на занятиях РКИ для тренировки навыка аудирования у обучающихся по естественно-научным специальностям: выделяются основные цели и задачи рабо-

ты, формулируются основные критерии отбора материала, подбираются типы заданий, соответствующие поставленным целям.

В работе секции **кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного** приняли активное участие ведущие сотрудники. Доклад Е.Л. Бархударовой «Орфоэпическая вариативность в родном и изучаемом языках в контексте лингводидактики» был посвящен проблематике, связанной с зависимостью орфоэпической вариативности от соотношения парадигматики и синтагматики в звуковом строе языка. В докладе О.Ю. Дементьевой «Предложения со связками “состоять/заключаться” в курсе РКИ для китайцев» было дано определение связки, показаны группы связок в русском языке и охарактеризована специфика синтаксических структур со связками. Доклад О.В. Зубовой «Художественный текст как цель и средство обучения (на материале пособий по практическому русскому языку)» посвящен исследованию возможностей использования художественного текста на занятиях по РКИ в качестве не только объекта изучения, но и средства обучения на аспектных занятиях. Доклад Ф.И. Панкова был посвящен описанию фрагмента времени языковой картины мира. Т.Е. Чаплыгина в докладе «Формирование лингводидактической модели русского языка как неродного в 20-е годы XX века» отметила необходимость теоретического и научно-методического осмысления опыта преподавания русского языка в школах национальных меньшинств.

В выступлениях представителей **кафедр иностранных языков** обсуждались вопросы изучения языков, культур, литератур, методических аспектов обучения иностранным языкам в высшей школе.

На секции **кафедры немецкого языкознания** были сделаны доклады О.А. Байновой «Языковые средства изображения исторических событий в рассказах Бертольда Брехта», в котором проанализированы новеллы на исторические сюжеты из сборника Б. Брехта *Kalendergeschichten*; доклад М.Ю. Папченко «Истинность и достоверность: референциально-семантический подход к анализу рекламных текстов», посвященный рассмотрению употребления имени в рекламном высказывании в соотнесенности с объектом действительности, который оно обозначает; доклад А.В. Пильгуй, в котором была рассмотрена одна из характерных черт творчества известного представителя австрийского экспрессионизма и гуманиста Франца Верфеля — коммуникативная установка с ее нацеленностью на диалог и контакт с читателем, а также ее реализации в поэтических произведениях. Доклад А.А. Фомичевой «Методы исследования эволюции лексической системы немецкого языка» посвящен обзору методов, используемых для изучения лексической системы языка, в особенности в историческом аспекте.

Тематика докладов и сообщений секции **кафедры французского языкознания** охватывала широкий круг вопросов, связанных как с собственно филологической проблематикой, так и со страноведением, а также с проблемами перевода. В докладе В.М. Амеличевой «Предложные синтагмы с нулевым артиклем: подходы к изучению» были рассмотрены терминологические проблемы, связанные с выделением нулевого артикля в предложной синтагме, а также представленные во французской лингвистике XX–XXI вв. подходы к анализу таких синтагм: психосистематический (Г. Гийом), контекстуальный (Ж.-Кл. Анскомбр), конструкционный (А. Виоле). Доклад Е.Э. Бабаевой «Из истории формирования русского словаря социальной иерархии: случай мадам» посвящен механизму возникновения в 20-х гг. XX в. стилистически отмеченных употреблений данного слова, сохраняющихся в современном русском языке. В сообщении Е.В. Клюевой «“Бессмертный прошлогодний снег”. О новом издании произведений Ф. Вийона» говорилось о только что вышедшем в издательстве «Престиж БУК» сборнике «Франсуа Вийон: Вийон и вийонады». В рамках доклада К.И. Курбановой-Ильютко «Регионализация литературных и публицистических текстов на французском языке в Валь д’Аосте» исследовалась письменная форма французского языка Валь д’Аосты в аспекте изучения ее региональных особенностей. В докладе М.И. Олевской «Графическая интерференция в паре азербайджанский/французский и методика ее преодоления (на материале работы в филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Баку)» рассматривались наиболее сложные случаи графической интерференции при обучении французскому чтению и письму азербайджанской аудитории. В сообщении А.Б. Сергеевой «Неология и дискурс» определяются факторы, влияющие на неологическую активность человека; было показано, каким образом присутствие неологизма задает структурно-семантические характеристики высказывания. В докладе С.Д. Рожковой «Язык права во французских законодательных актах и судебных протоколах XVI века» рассматриваются ключевые особенности и различия правового дискурса двух типов: с одной стороны, язык законодательства XVI века; а с другой — язык лиц, занимающихся реализацией права. В докладе Е.Д. Поварницыной «Нестандартные переводы “Слова о полку Игореве” на французский язык» рассматривается нестандартность франкоязычных переводов «Слова о полку Игореве» на формальном, графическом, лексическом и грамматическом уровнях. В докладе П.В. Ярошенко «О роли параллельных текстов в исследовании семантики» описаны преимущества работы с параллельным корпусом при изучении семантики языковых единиц и представлены различные подходы к использованию переводных

соответствий, которые являются источником дополнительной информации о значениях слов исходного текста. В докладе А.А. Гончарова «Использование баз данных в исследованиях параллельных текстов» описано, какие преимущества дает использование баз данных при проведении лингвистических исследований, материалом которых служат параллельные тексты.

Заседание секции **кафедры английского языкознания** открыл А.А. Липгарт докладом «К проблеме интерпретации недраматургических текстов У. Шекспира», показав различие в трактовке экстралингвистической информации, соотносимой такими произведениями, как «Сонеты», «Венера и Адонис», «Поругание Лукреции», «Феникс и голубь». Также прозвучал доклад Е.А. Долгиной «Статус глаголов shall, will should и would в отечественной и зарубежной лингвистике», где был поднят один из наиболее дискуссионных вопросов грамматики английского языка: являются ли перечисленные глаголы исключительно модальными или могут также выполнять вспомогательную функцию в составе соответствующих аналитических конструкций? В докладе А.А. Шарапковой «Описание морали сквозь метафоры: значимые корреляции в дискурсе» была рассмотрена динамика вербализации представлений об отклонении от морально одобряемого поведения на примере анализа концептуальной метафоры отклонения от прямоты / прямой линии. В докладе И.В. Гусевой «Особенности употребления английских артиклей в художественном произведении» развиваются идеи Д.А. Штелинга относительно употребления английских артиклей, изложенные в его книге «Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке».

В ходе заседания секции **кафедры германской и кельтской филологии** был заслушан доклад Т.Л. Шенявской «Исландские рунические надписи на камнях: на периферии традиции?», в котором было указано, что уже самые ранние из найденных в Исландии рунических надписей выполнены так называемыми младшими рунами, к IX веку сменившимися в Скандинавии старший (общегерманский) рунический ряд. В докладе И.В. Матыциной «Традиции и инновации в языке шведских средневековых законов» рассматривались процессы унификации законодательства, которыми сопровождалось укрепление шведского национального государства в период Средневековья. В докладе Н.А. Ганиной «Новооткрытый нидерландский часослов Dutch MS 16 из собрания Библиотеки Джона Райлендса (Манчестер)» представлены итоги изучения средневековой нидерландской рукописи — часослова Dutch MS 16, открытого Н.А. Ганиной в фондах Библиотеки Джона Райлендса в 2016 г. и исследованного ею и Джеймсом Марроу в 2016–2021 гг. Доклад Е.Р. Сквайрс «Исправить историю»: рукописные поправки и до-

полнения в исторических изданиях-инкунабулах Англии» содержит анализ цензурной работы в эпоху церковных реформ на примере историографического труда «Полихроникон» Ральфа Хигдена. Доклад М.А. Волконской «“Путешествия сэра Джона Мандевила” как памятник ранней английской прозы: проблемы перевода» был посвящен стилистическим и содержательным особенностям одного из самых популярных средневековых итинерариев, написанного во второй половине XIV века. В докладе Е.М. Чекалиной были рассмотрены словообразовательные неологизмы в поэзии Эдит Сёдергран — представителя скандинавского модернизма начала XX века — и особенности их передачи в русских переводах Наталии Толстой (2001) и Наталии Озеровой (2016, 2023). В докладе А.А. Немцевой «О некоторых особенностях перевода романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин” на датский и норвежский языки (на материале Письма Татьяны к Онегину)» речь шла о роли Пушкина в культурной жизни Дании в середине XX века. Доклад Э.Б. Крыловой «Средства пространственной семантики в датском языке» посвящен проблеме выявления инвариантных значений предельных наречий динамической пространственной локализованности.

На секции **кафедры романского языкознания** прозвучали доклады, посвященные историческим аспектам и современному состоянию романских языков. О.Ю. Школьников и А.А. Цыганкова в докладе «Механизмы языковой игры в текстах Умберто Эко» представили исследование особенностей языковой игры в текстах известного итальянского писателя-постмодерниста Умберто Эко. Темой доклада, подготовленного Д.А. Кутеко совместно с О.Ю. Школьниковой, стали черты современного итальянского языка в «ученых комедиях» XVI века; в докладе были рассмотрены такие явления, как использование местоимений, вторичные функции глагольных времен, эмфатические конструкции, полифункциональные союзы. Г.В. Меркулов поделился результатами исследования древнего румынского манускрипта Codex Neagoeanus, которые он проводит под руководством Е.А. Семеновой. Статусу притяжательных и прилагательных артиклей в современном румынском языке был посвящен доклад И.И. Казакова и Е.А. Семеновой. В совместном докладе Е.В. Алексеева и М.С. Соколова рассматривали порядок слов в высказывании как прием экспрессивного синтаксиса и способ интенсификации эмоциональной оценки диапазона неодобрения в современном итальянском языке. И.В. Стефанчиков представил обзор особенностей смешанного итальянско-испанского идиома коколиче, бытовавшего в Аргентине в XIX веке в языке нескольких поколений эмигрантов из Италии и зафиксированного в ряде произведений разных жанров. Частотный уменьшительно-ласкательный

суффикс -ino в итальянском языке, особенности его семантики и прагматики стали темой выступления М.С. Соколовой. А.В. Аксенова представила обзор исследований, посвященных римским операм Дж. Верди и специфическим синтаксическим и лексическим особенностям их языка. В докладе Е.А. Семеновой на примере итальянского языка были представлены психолингвистические механизмы, реализующиеся в изучении и преподавании иностранного языка. О.Ю. Школьниковая посвятила свой доклад анализу итальянизмов в русском языке, динамике их проникновения и закрепления в контексте итало-русских контактов в разные эпохи на материале словаря Этторе Гербеццы.

На секции **кафедры финно-угорской филологии** были сделаны доклады Н.С. Братчиковой «Значение и употребление слова *ystävä* 'друг' в финском языке» и А.П. Гуськовой «Функционально-семантический потенциал служебных слов венгерского языка в сопоставительном аспекте. Доклад А.В. Сазиной «Субтест "Чтение" в финской системе языкового тестирования YKI и в российской системе ТРКИ: сопоставительный аспект» посвящен сравнительному анализу финской и российской систем тестирования.

На заседании секции **кафедры иберо-романского языкознания** был прочитан доклад Ю.Л. Оболенской «Метаперевод как отражение переводческой рефлексии: "Гамлет" У. Шекспира в интерпретации М. де Унамуно», посвященный содержанию понятий «метаперевод» и «метапереводческая деятельность», а также анализу метапереводческих текстов, созданных испанским философом, писателем и поэтом Мигелем де Унамуно в связи с его интерпретацией последних слов Гамлета в одноименной трагедии Шекспира. Доклад Ю.А. Карповой «Прецедентные имена в испанской литературе первой половины XIII века» был посвящен рассмотрению поэмы «Песнь о моем Сиде». Доклад А.А. Невокшановой «Становление и развитие национальной лексикографии испаноязычных стран Карибского бассейна» посвящен первым словарям локализмов, созданным в странах Карибского бассейна, и основным особенностям раннего этапа национальной лексикографической традиции в странах этого региона. В докладе А.Ю. Папченко «Как говорят испанские женщины» говорилось о том, что женщины и мужчины, говорящие на одном (испанском) языке, утверждают общие нормы использования языка; но особое внимание уделяется в докладе тому, говорят ли они на языке одинаково, и, когда это не так, то почему.

Разнообразной была тематика докладов **кафедры общей теории словесности**. Т.Д. Венедиктова в докладе «Контекстуализируй — всегда! (к уточнению механизма литературной рецепции)» говорила о том, что «контекстный поворот» в гуманитарной науке, в част-

ности филологии, обусловлен распространением «конструктивистской» парадигмы. В.В. Красных в своем докладе рассматривала роль психологической структуры значения слова в интерпретации текстов. Е.М. Белавина представила доклад «Рецепция Уолта Уитмена во Франции в контексте “склоки о верлибре”», где, в частности, обсуждался вопрос о роли переключения лингвистического кода (code-switching) в развитии национальной просодии. В сообщении П.Ю. Рыбиной «“Конец фильма”: медийные контексты для финала “Леди Макбет Мценского уезда”» обсуждались эффекты воспроизведения, удаления или изменения событий финала, влияющие на зрительский образ этого повествовательного мира. В докладе Е.А. Калининой «Чеховский контекст в романе “Годы” Анни Эрно» обсуждаемый роман проанализирован в контексте пьесы «Три сестры», в фокусе внимания — попытка того и другого автора рассказать о переживании человеком времени через фотографию. В докладе А.Л. Борисенко «Комментарий как инструмент восстановления контекста (на материале британских и российских комментариев к викторианским романам)» предложен сравнительный анализ разных видов комментирования литературной классики. В докладе А.В. Швеца «Книга-афиша, фонограф, проектор: медиа-технологические контексты авангардного творчества» рассмотрен феномен «книги-афиши» в творчестве футуристов второй волны (1918–1920; группа «41°», Тифлис). В докладе А.А. Зубова анализируются читательские сетевые отзывы о романе Д. Глуховского «Текст» (2017), опубликованные на сайте «Лаборатория фантастики».

Ряд актуальных докладов прозвучал в заседании секции **Центра новых информационных технологий в гуманитарном образовании: Лаборатория обеспеченного компьютером обучения. Лаборатория фонетики и речевой коммуникации.** Выступления сотрудников Центра были связаны с использованием новых технологий в изучении языка и литературы. В докладе Г.Е. Кедровой на тему «Open Science: научные публикации на благо науки в эпоху цифровизации» была представлена история возникновения и развития нового актуального направления в сфере глобального обмена научной информацией — движения за расширение возможностей публикации результатов научных исследований в открытом доступе для всех занимающихся наукой и научными проектами (“Open Science — Open Access”). В докладе Н.И. Мироновой на тему «Фонетическая база данных: возможности выхода за рамки фонетики в лингвистических исследованиях» показано, какую языковую информацию (помимо фонетической) о спонтанной речи инофонов на русском языке можно извлечь из Многоаспектной фонетической базы данных, разработанной сотрудниками Центра. В докладе Ф.О. Байрамовой на тему «Речь, записанная

с применением средств изменения голоса, как объект фоноскопической экспертизы (судебной экспертизы фонограмм)» говорилось о развитии речевых технологий, в частности о применении программы для компьютерного синтеза и клонирования речи во многих сферах (онлайн-игры, бытовые и медицинские приборы с голосовыми функциями, системы для защиты свидетелей в суде и пр.). Доклад В.П. Некрыловой на тему «Этапы разработки многоаспектной фонетической базы данных» был посвящен разным этапам названного вида деятельности. Доклад С.С. Пономарёвой на тему «История становления гендерных исследований в зарубежной и отечественной лингвистике» был посвящен анализу основных этапов истории лингвистической гендерологии за рубежом и в России. В докладе С.Б. Потемкина на тему «Введение в научный оборот памятников литературы на примере собрания Рыбникова» были описаны этапы работы: первичная обработка текста (распознавание с помощью программы Fine Reader с выложенных в Интернет файлов PDF); перевод в современную орфографию (с помощью сервиса slavenica.com); очистка текста вручную средствами редактора Word (проверка орфографии); лемматизация (по Словарю словоформы — леммы, содержащему более 5 млн словоформ). Доклад Е.В. Щенниковой на тему «Учебные пособия по лингвистической экспертизе: вчера, сегодня, завтра» был посвящен острой проблеме подготовки специалистов данного профиля.

Активное участие сотрудников всех структурных подразделений факультета в проведении конференции, разнообразие тематики докладов и подходов к ее изучению подтвердили статус филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова как уникального научно-образовательного учреждения, продемонстрировали мощный научный потенциал факультета и наметили пути дальнейшего развития филологической науки, которое предстоит осуществлять членам трудового коллектива факультета и их ученикам.

Поступила в редакцию 30.07.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 11.11.2023

Received 30.07.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 11.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Липгарт Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор, исполняющий обязанности декана филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; a_lipgart@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Lipgart — Doctor of Philology, Professor, Acting Dean of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; a_lipgart@mail.ru

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 9.
ФИЛОЛОГИЯ» В 2023 Г.**

№ С.

СТАТЬИ

<i>Алексеев Д.А., Федорова О.В.</i> Откуда на Руси есть пошел запрет на «раннее закрытие»	5	36
<i>Антонова А.Н.</i> Динамика синтаксиса числовых сочетаний в летописных и деловых памятниках старорусской эпохи	6	30
<i>Антоньева Д.А., Дымарский М.Я.</i> Позиция <i>опять</i> и <i>твой</i> в линейной структуре предложения в «Пиковой даме»	4	37
<i>Архипова И.В.</i> Немецкие девербативы: от таксисных функций к их актуализации	4	82
<i>Ахметшин Р.Б.</i> «Другое» время Киселевых (по материалам неопубликованных писем к Чехову)	5	140
<i>Бакшаева Н.Ю., Савинова Д.Д.</i> Портрет рапповца: опыт изучения анкет участников ассоциации	3	153
<i>Беляева И.А.</i> «Я задумал эту штуку в тяжелое время»: к вопросу о значении повести «Довольно» в творчестве И.С. Тургенева .	6	171
<i>Борисенко А.Л.</i> Британская классика XIX века по-русски: три века перевода	2	183
<i>Братчикова Н.С.</i> Языковые средства художественной выразительности в транскультурной прозе Финляндии. Часть 1	2	111
<i>Братчикова Н.С.</i> Языковые средства художественной выразительности в транскультурной прозе Финляндии. Часть 2	3	79
<i>Бурцева А.О.</i> Освобожденная женщина Туркменистана: два перевода из поэмы Т. Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана»	2	205
<i>Ван Сян.</i> К вопросу о национально-культурной семантике ценности «Ю Шань» (友善) в китайском языке	5	184
<i>Виноградова Е.Н., Чэнь Сюецин.</i> Семейства конструкций «по + соматизм» на стыке грамматики, лексикона и фразеологии	5	9
<i>Гальцова Е.Д.</i> Русские контексты творчества Шарля Мориса	5	103
<i>Герасименко М.В.</i> «Записки из подполья» и «Семья Паскуаля Дуарте»: отзвуки подполья в тремедистском романе	3	134

	№	С.
<i>Германова Н.Н.</i> Дж. Хикс и формирование германистики в Великобритании конца XVII — начала XVIII веков	4	72
<i>Дедова О.В., Мао Юйянь.</i> Анализ существительных в пределах лексико-семантического поля «персональные компьютерные устройства»	4	50
<i>Зарипова Д.А., Лукашевич Н.В.</i> Подходы к автоматическому решению многозначности на основе неравномерности распределения значений слов в корпусе	6	40
<i>Ибрагимова К.Р.</i> Река и водоворот: «Письмо жены речного торговца»	5	152
<i>Иванов Д.И., Лакербай Д.Л.</i> Когнитивная гуманитарная семиотика как «точка роста» филологического знания	3	65
<i>Ивинский Д.П.</i> Из комментария к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: посвящение, П.А. Плетнев и «пушкинский круг» ...	1	99
<i>Изотов А.И., Черчук О.И.</i> Японские заимствования в Чешском национальном корпусе	2	99
<i>Калужнина Н.В.</i> О семантике слова <i>зракъ</i> в церковнославянских текстах	1	37
<i>Кихней Л.Г., Раздьяконова Е.Г.</i> Петрарка в художественном осмыслении Осипа Мандельштама: переводческие стратегии и дешифровка биографических подтекстов	2	152
<i>Кихней Л.Г., Темиришина О.Р.</i> «Внутренний образ стиха» и внутреннее слово: «Разговор о Данте» О.Э. Мандельштама в психолингвистической перспективе	5	86
<i>Клементьев Р.Е.</i> Стенограммы и вокруг них: из опыта работы по созданию цифрового архива документов Отдела рукописей ИМЛИ РАН	3	165
<i>Князев М.Ю., Рудалева Е.А.</i> Экспериментальное исследование влияния регистра на оформление сентенциального актанта в русском языке	1	9
<i>Князев С.В., Дьяченко С.В.</i> Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть 1. Селигеро-Торжковские говоры.	1	50
<i>Князев С.В., Дьяченко С.В.</i> Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть 2. Псковские говоры	2	44
<i>Кобозева И.М., Сердобольская Н.В.</i> Конструкции причины с <i>как(о)</i> в истории русского языка	2	9

<i>Кольцова Н.З. (МГУ) К вопросу о жанровых исканиях русской литературы 1920-х гг.: «Зоо, или Письма не о любви» В. Шкловского и «Про это» В. Маяковского как два варианта одного замысла</i>	3	142
<i>Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р. Лингвистика спонтанной устной речи: сопоставительно-когнитивная трансформация</i>	4	9
<i>Коровин В.Л. Стихотворение Г.Р. Державина «Проблеск»: автобиография в свете евангельских заповедей блаженства</i>	6	147
<i>Красавченко Т.Н. У истоков британской готики: трагедии Шекспира «Тит Андроник» и «Макбет»</i>	5	115
<i>Крейдлин Г.Е., Козеренко А.Д. Фразеология молчания: держать язык за зубами</i>	4	21
<i>Кривонос В.Ш. Б.Ф. Егоров — мемуарист</i>	2	141
<i>Кузнецова Е.В. Мотивы живописи А. Бёклина в творчестве Ивана Бунина и Андрея Белого</i>	1	180
<i>Кузьминова Е.А., Чан Юйкай. Московская Библия 1663 г.: формирование принципов книжной справки</i>	1	24
<i>Кутеко Д.А. Особенности употребления личных и дейктических местоимений в комедиях итальянских авторов XVI века</i>	3	45
<i>Лакина С.В. Частотный анализ антропонимов в учебниках по дисциплине «Античная литература»</i>	5	73
<i>Ли Ли, Чжан Лися. Лингвокультурологическое поле женского сознания в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки»</i>	4	172
<i>Линьлинь Чжан. Математика как организующее начало системы персонажей в романе Андрея Белого «Петербург»</i>	1	168
<i>Литвиненко Н.А. Байронизм и жоржсандизм в первой половине XIX века — социокультурные мифы романтизма: типология несходства</i>	5	126
<i>Лочмелис Е.Р. Повесть «Юлия» как один из этапов творческой эволюции Н.М. Карамзина</i>	6	112
<i>Любжин А.И. Шевалье де Менвилье и его эпос «Петреада»</i>	2	123
<i>Малюга Е.Н., Будинчич В., Мадинян Е.И. Коллоквиализмы как инструменты манипуляции в англоязычном дискурсе бизнес-медиа</i>	6	52
<i>Манерко Л.А., Шарাপкова А.А. Концептуальные доминанты терминологии морали Джона Локка. Часть 1</i>	5	57
<i>Манерко Л.А., Шарাপкова А.А. Концептуальные доминанты терминологии морали Джона Локка. Часть 2</i>	6	69

	№	С.
<i>Меркулова И.Г.</i> Образы литературной антиутопии с позиций семиотики культуры Лотмана	6	135
<i>Микеладзе Н.Э.</i> Поправки времени к одному русскому переводу «Меры за меру»	2	170
<i>Миляева И.Н.</i> Образование и распространение суффикса <i>-ett-</i> в итальянском простом перфекте: теории и реальность	1	79
<i>Назарова А.В.</i> Перестройка гендерных моделей в романе Е.Н. Чирикова «Мой роман»	5	162
<i>Николенкова Н.В.</i> Система имен в переводе «Атласа Блау» и рекомендации грамматик церковнославянского языка	6	19
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Переводческая ошибка М. Унамуно в трактовке последних слов Гамлета vs метаперевод шекспировского текста	3	107
<i>Падерина Т.С.</i> Изучение языковой личности писателя-билингва (на примере текстообразующей деятельности В. Каминера)	4	94
<i>Пастернак Е.А.</i> «Что ж! Стакан держи вина // Выпьем за...»: о Державине в русской поэзии	6	161
<i>Патрочева Н.В., Пащикова Т.В.</i> Система междометий в людиковском наречии карельского языка: опыт классификации	6	81
<i>Пащикова Т.В., Родионова А.П.</i> Глаголы с семантикой болевых ощущений в ливвиковском наречии карельского языка	3	34
<i>Пентковская Т.В.</i> Корректорный экземпляр Острожской Библии как источник сведений о работе над Московской Библией 1663 года	3	9
<i>Пентковская Т.В., Шикина Е.В.</i> Петр Толстой и Савва Рагузинский как переводчики Петровской эпохи: языковые сходства и различия	6	9
<i>Печерская Т.И.</i> «Бывают странные сближения»: «общие места» в мемуарах о Чернышевском и Писареве	4	145
<i>Полилова В.С., Белоусова А.С.</i> К проблеме внутри- и межъязыкового ритмического влияния: Пушкин (песни «Пира во время чумы») и Блок («В этой жизни слишком темной...»)	4	157
<i>Полонский В.В.</i> Геопоэтика эпохи модерна: Южная Италия глазами русских авторов конца XIX — начала XX вв.	3	89
<i>Полянская А.Г.</i> Исследование религиозной составляющей языкового сознания: психолингвистический аспект	2	84
<i>Преснова Н.В.</i> Латинские ренессансные переводы «Эдипа в Колоне» Софокла: <i>ad verbum</i> и <i>ad sensum</i>	4	103
<i>Приходько Е.В.</i> О судьбе гомеровского слова <i>θεοπρόλος</i>	5	46

<i>Птенцова А.В.</i> Отъ и деть до конечнаго свода: семантика служебных слов ати (ать) и оти (отъ) в оригинальных древнерусских памятниках (на материале Национального корпуса русского языка)	2	30
<i>Ранчин А.М.</i> Автор, повествователь, герой в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: поэтика наррации	4	123
<i>Романова Т.А.</i> Функции языковой игры в англоязычной профессиональной коммуникации работников сферы анимации (на примере деятельности студии <i>Disney</i>)	3	54
<i>Рощина О.С., Фарафонова О.А.</i> Беллетризация сюжета автобиографии в русской мемуаристике XVIII века	4	113
<i>Румянцева О.С.</i> Мотивы природы как средство номинации и характеристики Богородицы в произведениях польской литературы	6	93
<i>Рыбакова Н.В.</i> Лонгитюдные исследования рабочей памяти у студентов-синхронистов	4	194
<i>Савельев В.С.</i> Псевдонимы, включающие названия букв кириллицы: структура и способы образования. Статья 1	2	71
<i>Савельев В.С.</i> Псевдонимы, включающие названия букв кириллицы: структура и способы образования. Статья 2	3	21
<i>Саморукова И.В., Ромашова В.В.</i> Модернистский художник в пространстве утопии: Ю. Олеша и Вен. Ерофеев	6	123
<i>Семенов В.Б.</i> “What is þer in paradís”: символика деталей рая земного и полеты над ним в поэме XIV века <i>The Land of Cokaygne</i>	1	117
<i>Сизарева М.А.</i> «Ярмарка тщеславия» по-русски: к 175-летию первой публикации	2	196
<i>Синицына Ю.В.</i> Конструкции с маркером <i>kad’jos</i> в татышлинском говоре удмуртского языка	4	62
<i>Соколова Е.В.</i> «Австрийский писатель» в тексте В.Г. Зебальда: о некоторых особенностях художественного стиля	1	128
<i>Сунь Шуфан, Хэ Янян.</i> Лингвистический подход к интерпретации концепции «Сообщество единой судьбы человечества»	5	173
<i>Темиришина О.Р.</i> Малая эсхатология А. Введенского: посмертный путь души в «Седьмом стихотворении»	3	120
<i>Тухто М.Е.</i> Андрей Белый и математика: неопубликованные заметки писателя	1	150
<i>Чавчанидзе Д.Л.</i> Филистер в немецкой литературе: Гёте и романтики	1	142
<i>Черепанов Д.Д.</i> Несостоявшееся странствие: осмысление романтизма в новелле «Морское путешествие» Й. фон Эйхендорфа	4	135

<i>Чернейко Л.О.</i> Читательское восприятие в науке о литературе: к истории и теории вопроса. Часть II	1	89
<i>Черникова Н.А.</i> Пути репрезентации русской литературы в Болгарии XXI века	4	185
<i>Чжан Т., Жданова Л.А.</i> <i>Оттепель</i> как метафорическое обозначение исторического периода	2	61
<i>Шатин В.Ю.</i> Вокализм первого предупредного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII века	1	71
<i>Юдахин А.А.</i> «Мертвый Христос» Гольбеина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: христологический и антикатолический дискурсы	6	102
<i>Яковченко А.А.</i> Подходы к описанию конструкций исключения и добавления в отечественной русистике	5	25

РЕЦЕНЗИИ

<i>Басаргина Е.Ю., Хосроев А.Л.</i> «Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века в трех томах». Т. I: А-К (XXXVI, 1–426). Т. II: Л–Я (VI, 427–860). Т. III: Указатели и приложения (VIII, 861–1050). Редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др. (Bibliotheca classica Petropolitana, Санкт-Петербургский институт истории РАН). СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021	2	215
<i>Галактионова И.В.</i> Стексова Т.И., Шмелева Т.В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве: Монография. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с.	6	185
<i>Зиновьева А.Ю.</i> «Поэтика умолчания»: о греческих модернистах (Памяти Ирины Игоревны Ковалёвой). Рецензия на книги: Ковалёва И.И. В мастерской Кавафиса и другие очерки поэтики греческого модернизма. М.: МГУ, 2006, 200 с.; Ковалёва Ирина. Мои поэты. Избранные переводы с английского и греческого. М.: Итака — Комментарии, 2006. 108 с.	2	225
<i>Изотов А.И., Изотова А.А.</i> Vičan A., Duběda T., Navlík M., Štěpánová V. Fonologie českých anglicizmů. Praha: NLN, 2020. 196 s.	3	173
<i>Исаченко Т.А.</i> Кузьминова Е.А., Инь Сюй. Грамматический словарь Буковница 1592 г.: издание и исследование / Под науч. ред. Е.А. Кузьминовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2022, 654, [2] с.	4	208
<i>Макеев М.С.</i> Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. / редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) и др. Т. 5: Сочинения, 1866–1873 / ред. тома И.А. Овчинина, В.В. Тихомиров; подгот. текста и коммент. Е.Н. Белякова, А.А. Виноградов, Н.Л. Ермолаева, К.Ю. Зубков, И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, 2022. С. 5–320	6	190

- Михайлова М.В.* Литературное наследство. Т. 107. В двух книгах. Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. Книга первая: 1890–1899. Книга вторая: 1900–1903. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 680 с., илл.; 658 с., илл. 4 211
- Панова О.Ю.* Русские во Франции, американцы в России. Новые книги серии «ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты». Рецензия на книги: Строев А.Ф. Литературные судьбы русских писателей во Франции. М.: Литфакт, 2023. 320 с. Лапина Г.В. Американцы в Москве: 1930–1940. М.: Литфакт, 2022. 206 с. 6 206
- Петрухина Е.В.* Уржа А.В. Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение. М., 2022. 267 с. 3 178
- Ранчин А.М.* «Книгам бо есть неистетная глубина». Рецензия на книгу: Душечкина Е.В. «Строгая утеха созерцанья»: статьи о русской культуре / Сост., отв. ред. Е.А. Белоусова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 808 с. 5 193
- Солнцева Н.М.* Полякова Л.В. Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. 748 с. 1 200
- Суровцева Е.В.* Шешкен А.Г. Македонская литература XX — начала XXI века. Очерки истории. М.: Индрик, 2022. 478 с. 4 221
- Трахтенберг Л.А.* Григорьев А.А. Собрание сочинений: В 10 т. / Изд. подг. Б.Ф. Егоров и А.П. Дмитриев. Т. I–III. СПб., 2021–2022 .. 5 199
- Шевелёва М.Н.* Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян: коллективная монография / Под ред. Е.А. Кузьминовой. Москва: Макс Пресс, 2022. 220 с. 1 195
- Шешкен А.Г.* Вагапова Н.М. Три русских режиссера в Европе. Страницы непрочитанной истории русского театрального зарубежья: 1920–1960-е годы. М., Государственный институт искусствознания, 2022. 379 с. 6 200

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Гусейнов В.Н.* Литературный цифровой архив как культурная практика и социальный опыт (международная научно-практическая конференция)..... 3 197

<i>Ивинский Д.П., Коровин В.Л.</i> История русской литературы XVIII века: три конференции на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.....	5	204
<i>Красных В.В.</i> Международная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации»	1	206
<i>Липгарт А.А.</i> Ломоносовские чтения-2022 на филологическом факультете Московского университета	1	216
<i>Липгарт А.А.</i> Ломоносовские чтения-2023 на филологическом факультете Московского университета	6	212
<i>Меркулова И.Г.</i> Вопросы семиотического осмысления африканской литературы	5	211
<i>Нефедова Е.А.</i> Хроника Отчетной конференции по итогам диалектологической экспедиции 2022 г.	3	183
<i>Онипенко Н.К.</i> LIV Виноградовские чтения	3	190
<i>Семина А.А.</i> «Литературные события 2010–2020-х гг.» (о работе круглого стола)	3	205
<i>Трахтенберг Л.А.</i> Юбилей «Чеховского вестника»	1	212
<i>Школьникова О.Ю., Бибилова А.М.</i> VII Международная конференция «Алисовские чтения» (МГУ, 20 февраля 2023)	4	227
ПАМЯТИ...		
<i>Попова И.Ю.</i> Памяти А.В. Карельского (1936–1993)	1	229
<i>Толмачёв В.М.</i> Александр Николаевич Николюкин	5	217
<i>Шешкен А.Г.</i> Заметка к 100-летию юбилею Е.З. Цыбенко	1	234

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2023. № 6. 1–240.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.